

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ
ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ**

ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

**РОССИЯ
И
МУСУЛЬМАНСКИЙ МИР**

2013 – 6 (252)

Научно-информационный бюллетень

Издается с 1992 года

**Москва
2013**

*Центр гуманитарных
научно-информационных исследований*

Редакционная коллегия:

Л.В. Скворцов – д-р филос. наук, шеф-редактор, *А.Г. Бельский* – канд. ист. наук, автор проекта, научный консультант, *Е.Л. Дмитриева* – главный редактор, *О.П. Бибикина* – канд. ист. наук, первый зам. главного редактора, *Д.Б. Малышева* – д-р полит. наук, *А.В. Малащенко* – д-р ист. наук, *А.Ш. Ниязи* – канд. ист. наук, зам. главного редактора, *В.Г. Садур* – канд. ист. наук, *В.Н. Сченснович* – отв. за выпуск.

Россия и мусульманский мир: Научно-информационный бюллетень / РАН. ИНИОН. Центр гуманит. науч.-информ. исслед. – М., 2013. – № 6 (252). – 172 с.

Тексты, представленные в бюллетене, даны в авторской редакции.

СОДЕРЖАНИЕ

СОВРЕМЕННАЯ РОССИЯ: ИДЕОЛОГИЯ, ПОЛИТИКА, КУЛЬТУРА И РЕЛИГИЯ

<i>Евгений Примаков.</i> Образы России и мира вне идеологии	5
<i>Е. Терешина.</i> Понятие политизации религии	11
<i>Виктор Авксентьев, Валерий Васильченко.</i> Проблемы федерализма в контексте этнополитического процесса на Юге России: Политико-правовой аспект	19

МЕСТО И РОЛЬ ИСЛАМА В РЕГИОНАХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ, ЗАКАВКАЗЬЯ И ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

<i>Борис Гандаров.</i> Этнический фактор в развитии ислама в современной Ингушетии	29
<i>Заид Абдулагатов.</i> Религиозное и светское в нравственной идентичности молодежи Северного Кавказа	32
<i>Э. Кульпин-Губайдуллин.</i> Малая нация в иноэтничном окружении на постсоветском пространстве (на примере крымских татар).....	37
<i>А. Казанцев.</i> Куда идет Центральная Азия: Меняющиеся роли глобальных игроков в перспективе до 2020 г.	44
<i>М. Ташиева.</i> Этнополитические конфликты: Их особенности в Республике Киргизия и подходы к решению	54
<i>Х. Юнусова.</i> Причины и последствия этнических инцидентов в Ферганской долине. 80-е годы XX века.....	60
<i>Азиз Ниязи.</i> Развитие Узбекистана в 2012 г. и планы на 2013 г.	68

ИСЛАМ В СТРАНАХ ДАЛЬНОГО ЗАРУБЕЖЬЯ

<i>Екатерина Степанова.</i> Афганистан: Перспективы политического урегулирования	72
<i>Тахер Джабер.</i> Влияние «арабской весны» на палестино-израильский конфликт.....	89
<i>Ольга Бибилова.</i> Ислам и мусульмане на Апеннинском полуострове	109
<i>Александр Пономаренко.</i> «Исламский фактор» в миграционных процессах в Западной Европе на примере Великобритании, Германии и Франции	137

МУСУЛЬМАНСКИЙ МИР: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ФИЛОСОФСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

<i>В. Ачкасов.</i> Идеология евроислама: Тарик Рамадан и Бассам Тиби.....	151
<i>Ринат Мухаметов.</i> Перспективы аль-демократии (Исламский мир ищет свою дверь в современность)	160

КОНФЛИКТУ ЦИВИЛИЗАЦИЙ – **НЕТ!**
ДИАЛОГУ И КУЛЬТУРНОМУ ОБМЕНУ
МЕЖДУ ЦИВИЛИЗАЦИЯМИ – **ДА!**

**СОВРЕМЕННАЯ РОССИЯ: ИДЕОЛОГИЯ,
ПОЛИТИКА, КУЛЬТУРА И РЕЛИГИЯ**

Евгений Примаков,
академик РАН

ОБРАЗЫ РОССИИ И МИРА ВНЕ ИДЕОЛОГИИ

«Сила идей и образов» – тема, выделенная на нашей конференции, абсолютно оправдана. В нынешних условиях идеи и образы государств – участников международных отношений влияют на развитие мировой обстановки не в меньшей мере, чем сила денег и сила оружия. Сначала об общих подходах.

Первый. Неверно представлять, будто после окончания «холодной войны» влиянию идеологии больше не подвержены политика, соотношение сил на региональном и глобальном уровнях, международные отношения в целом. Видоизменились характер и форма такого влияния, но оно никуда не исчезло. Более того, идеологическое противостояние, целенаправленное внедрение своих, часто подкрашенных образов при искажении чужих стали одной из составляющих внешнеполитической практики.

Второй подход: либерализм, консерватизм и социализм сохраняются как три самые значительные идеологии. Однако в нынешних условиях они проявляются не самостоятельно, испытывая взаимовлияния, находясь в процессе конвергенции, они стали составными частями идеологической модели, присущей различным странам. Для понимания сегодняшней России (это относится и к другим государствам) следует исходить не только из содержания идеологии, но и из того, что определяющим является соотношение между частями идеологической модели.

Третий подход: далеко не всегда политика лиц или группы лиц, причисляющих себя к той или иной идеологии, соответствовала и соответствует ее сути.

Фальшивый либерализм

Исходя из этих общих положений, хотел бы представить идеи и образы, характеризующие сегодняшнюю Россию. В Советском Союзе политика и практика властей во многом не отвечали сущности социализма – это справедливое и широко распространенное мнение. Но можно ли считать тех, кто встал у штурвала после краха Советского Союза, либералами?

Научный редактор русского перевода книги Дугласа Норта «Институты, институциональные изменения и функционирование экономики» Борис Мильнер рассказывает о своей встрече в марте 1996 г. с автором, лауреатом Нобелевской премии, основоположником теории институционализма. По словам профессора Мильнера, Норт, говоря об экономической ситуации в России, свел ее к необходимости решения трех задач: осваивать перемены и новые механизмы, преодолевать негативные последствия ошибок старого и сохранять то ценное, что осталось из наследия прошлого. Эта триада, однако, не была положена в основу перехода России к рыночному хозяйству. Процесс демократизации после краха Советского Союза нельзя рассматривать вне контекста экономической политики тех, кто пришел к власти. Многие из них во время горбачёвской перестройки пропагандировали «социализм с человеческим лицом». Иными словами, возможность демократизировать социализм. А придя к власти, во главу угла поставили ликвидацию не только того, что подлежало отторжению, но и всего, что было хоть как-то связано с образом СССР. И я хочу это подчеркнуть – в целом ряде случаев речь шла о разрушении механизмов научно-технических и экономических достижений, позволивших мобилизовать ресурсы для решения многих задач модернизации.

В начале 1990-х годов псевдолибералы призывали к тому, чтобы государство вообще ушло из экономической жизни. Как следствие, появилась группа лиц, присвоивших в ходе антинародной приватизации природные богатства страны, ее экономический потенциал и претендовавших на власть в России. В результате российская экономика потеряла за 90-е больше, чем в годы Второй мировой войны. Все это, как представляется, полезно знать тем, кто поднимает на щит деятелей, возглавивших Россию при переходе на рыночные рельсы и провозгласивших демократизацию.

Политика псевдолибералов потерпела полный крах. Им принадлежало авторство дефолта 1998 г., переросшего в экономиче-

ский кризис, чуть не столкнувший Россию в пропасть. Политическим провалом можно считать и расстрел танками российского парламента в 1993 г. После банкротства псевдолибералов в России установилась линия на развитие рыночного хозяйства с широким участием государства в экономике. На Западе это породило образ России как страны, задвигающей на задний план частное предпринимательство.

Такое представление не соответствует действительности. В интересах России было и остается развитие частного предпринимательства, на это нацелена политика властей. Однако нельзя пройти мимо того, что частные предприниматели тогда и в последнее время далеко не во всем проявляли готовность выполнить свои функции. Все большее значение в таких условиях приобретало бюджетное финансирование проектов. Но нужно признать: оно оказалось недостаточным для остро нуждающихся в инвестициях инновационных производств и крайне важных проектов в области образования, здравоохранения. Эти трудности усугубились с приходом кризиса 2008–2009 гг.

Еще один образ России, созданный теми, кто к ней враждебно относится или недостаточно осведомлен о сути происходящего, связан с тем, что власть якобы стремится к авторитарному режиму. Будто бы перед страной стоит выбор – либерализм либо авторитаризм. В середине первого десятилетия XXI в. наблюдается определенное оживление либеральных идей. Предъявляется целый ряд требований – независимого суда, решительной борьбы с вседозволенностью чиновничьего аппарата, коррупцией, фальсификацией на выборах, за обязательность подчинения закону всех, сверху до низу. Эти идеи выдвигаются и поддерживаются российской руководящей элитой, широкой общественностью, политическими партиями с различными взглядами. Определенный акцент на либеральных принципах стал более заметным, чем ранее, в выступлениях и действиях российского руководства. Однако, с моей точки зрения, это не свидетельствует о переходе России на позиции неолиберализма, который содержит в себе принципы, несовместимые с российской реальностью.

Видный представитель неолиберализма австрийский ученый Фридрих Август фон Хайек отмечал, что свобода в экономической деятельности составляет главное условие быстрого и сбалансированного экономического роста, а свободная конкуренция призвана обеспечить открытие новых производств и технологий. Это действительно так, но можно ли считать, что в современной России ры-

ночный механизм сам по себе способен обеспечить сбалансированный экономический рост, а низкий уровень конкуренции, свойственный нам, достаточен для достижения технико-технологического прогресса? Дело в том, что без государственного вмешательства в российскую экономику невозможно ни усовершенствовать рыночный механизм, ни достичь необходимого для научно-технического прогресса уровня конкуренции.

Один из основных принципов неолиберализма заключается в том, что свободная игра экономических сил, а не государственное планирование обеспечивает социальную справедливость. Но этот вывод не выдерживает столкновения с действительностью не только в России, но и в других странах, где, в частности, государство ввело прогрессивную шкалу налогообложения, способствующую перераспределению доходов в пользу малоимущих. Что касается России, то без государственного индикативного планирования (конечно, не директивного) вообще невозможно преодолеть отставание в жизненном уровне населения от развитых западных стран.

Нельзя абстрагироваться и от других противоречий неолиберализма. Вопреки сдерживающей позиции Владимира Путина неолибералы выступают за резкое сокращение роли государства как собственника в экономике, настаивают на максимальном охвате приватизацией важнейших стратегических предприятий. В их число входят «Роснефть», ВТБ, «Рус-Гидро», «Аэрофлот», частичная приватизация предусматривается в отношении РЖД, «Транснефти» и других предприятий. Конечно, в деятельности целого ряда госкомпаний есть серьезные минусы, которые следует устранить. Приватизацию крупных госкомпаний нужно осуществлять, в этом нет никаких сомнений, но постепенно, и что главное – без ущерба для процесса концентрации и централизации производства. Поэтому ничего, кроме явного негатива для нашей экономики, не сулят призывы безотлагательно приватизировать госпредприятия, а на тот срок, пока они действуют, лишить их возможности приобретать акции частных компаний. Такие призывы раздаются и в правительстве.

Неолибералы в России настаивают на коммерциализации здравоохранения, образовательных учреждений, науки, в том числе фундаментальной. Разгосударствление во всех этих областях рассматривается как магистральное направление развития. Неолибералы, по сути, игнорируют острую необходимость повысить уровень жизни российского населения, сократить неравенство до-

ходов. По данным, приведенным в докладе Global Wealth Report, в октябре 2012 г. на долю самых богатых – 1% россиян – приходился 71% всех личных активов. В два раза больше, чем в США, Европе, Китае, в четыре раза больше, чем в Японии. 96 российских миллиардеров владеют 30% всех личных активов российских граждан. Этот показатель в 15 раз выше общемирового. Вместо того чтобы взять линию на широкое использование российских природных богатств для социальных нужд, кое-кто предполагает держать все государственные сверхприбыли, полученные за счет экспорта нефти, в резерве, точнее, в иностранных ценных бумагах. В качестве оправдания такой позиции выдвигаются, как правило, два аргумента: стремление приберечь средства на случай, если рухнет цена на нефть, и не менее важная, с их точки зрения, цель – как можно скорее покрыть бюджетный дефицит, в том числе за счет снижения социальных расходов.

Конечно, не следует упускать из виду динамику мировых цен на нефть и образовавшийся дефицит бюджета. Мировая цена на нефть действительно понизилась, но далеко не рухнула. Что касается дефицита бюджета, то он небольшой, и многие страны успешно развиваются, имея этот показатель, гораздо больший, чем Россия.

Категорически несовместимо с демократизацией нашего общества и отождествление политической свободы с ограничением государственной власти. Такой позиции придерживаются российские правые. Перевод ряда государственных функций на общественный уровень очевидно необходим. Но он не может и не должен ассоциироваться с ослаблением властных структур. Если такое произойдет, то процесс демократизации захлебнется, перерастая в неуправляемую стихию.

Собственно позиция, которую отстаивают в России те, кто не хочет победы неолиберализма, в той или иной мере характерна и для Запада, где, несмотря на приливы и отливы кейнсианских идей, вмешательство государства в экономику оставалось непреложным, проходя через всю череду экономических теорий. Тенденция возвращения к идеям невмешательства государства в экономику усугубила на Западе кризис 2008–2009 гг. В США президент Обама внес радикальные изменения в Налоговый кодекс, предложил государственные меры борьбы с кризисом банковской системы, жилищного рынка, реорганизацию системы здравоохранения в интересах главным образом среднего класса и нищих. Характерно заявление президента Обамы: «Я не вер-

нись к дням, когда Уолл-стрит было позволено играть по его же установленным правилам».

Незыблемый суверенитет

А теперь хотелось бы остановиться на некоторых общемировых идеях, которые, как мне представляется, расшатывают международные отношения. Естественно, что взаимопонимание между государствами во многом зависит от соотношения двух категорий – ценностей и интересов. Речь идет даже не об идентичном понимании общечеловеческих ценностей, оно существует, а о способах их достижения. Соединенные Штаты, как свидетельствует целый ряд событий последних лет, склоняются к навязыванию демократических ценностей другим странам. Россия считает, что демократизация общественной жизни и государственное устройство – категории, характеризующие внутренний эволюционный процесс различных стран с учетом их исторических, цивилизационных и социально-экономических особенностей. Жизнь показывает, что сближение позиций России и США по этому вопросу – к сожалению, дело сложное. Оно не терпит скоропалительных решений и требует значительного времени. Вместе с тем уже сегодня нельзя обойтись без взаимодействия двух стран в укреплении международной стабильности и безопасности в мире, и в этой области проявляются совпадения их интересов. Не меньшее значение имеет понимание пределов воздействия процессов глобализации на государственный суверенитет.

Действительно, можно наблюдать, как члены интеграционных объединений отказываются от части своего суверенитета, делегируя его на наднациональный уровень. Однако справедливо ли мнение о том, что государственный суверенитет больше не существует в глобализирующемся мире и это открывает путь вмешательству во внутренние дела государства?

Хорошо помню те полтора года начиная с 2003-го, когда Генеральный секретарь ООН Кофи Аннан включил меня в международную группу экспертов по подготовке доклада об изменениях, которые в новых условиях необходимо внести в деятельность ООН. В процессе долгих дискуссий в группе мы пришли к выводу, что следует активно вмешиваться, противодействовать таким явлениям, как, скажем, геноцид на этнической основе, от которого страдают миллионы людей в различных странах Африки.

Однако даже введение в правовой оборот термина «несостоявшееся государство» не означает, что без решения Совета Безопасности ООН может быть осуществлено вмешательство во внутренние дела других стран, тем более приняты с этой целью военные меры. Правильное понимание демократии и суверенитета государств – не дань теоретическим построениям. Это требование сегодняшней мировой политики, отношение к которому в немалой степени определяет развитие ситуации в глобальном масштабе.

Говоря об идеях и образах в современном мире, невозможно обойти стороной проблему роста влияния исламизма, выходящую далеко за пределы одного только Ближнего Востока. Нельзя не затронуть и тему внутриисламской борьбы между суннитами и шиитами, которая определяет межстрановые отношения, перерастающие порой в вооруженное вмешательство. Я не принадлежу к тем, кто считает, что это свидетельствует об экспансии религиозных идей в мировой политике. Характерно, что «арабская весна», усилившая исламистов, не вышла за региональные рамки, не стала составной частью политики на глобальном уровне. Тем более неправомерно сводить международные отношения в сегодняшнем мире к борьбе между различными религиями или даже цивилизациями.

* * *

Основным выводом из всего сказанного можно считать то, что с прекращением «холодной войны» противостояние идей и образов не ушло в прошлое. Оно продолжается, принимая различные формы, проявляется в разных мировых ситуациях, утратив, однако, я это хочу подчеркнуть, магистральную свою направленность идеологического противостояния как главного фактора, определяющего в целом развитие обстановки в мире.

*«Россия в глобальной политике», М., 2013 г.,
т. 11, № 1, январь-февраль, с. 40–46.*

Е. Терешина,

политолог

ПОНЯТИЕ ПОЛИТИЗАЦИИ РЕЛИГИИ

В современных условиях глобализации и трансформации политических систем очевидным становится процесс взаимодей-

ствия двух противоположных по своей природе сфер – политики и религии. В центре внимания российских и зарубежных исследователей оказываются неустойчивые отношения религии и политики, а также усиление влияния отдельных религий на политические процессы целого ряда стран.

Каким образом осуществляется взаимное влияние политической и религиозной сфер друг на друга? Допустимо ли в современных условиях чрезмерное вмешательство религии в сферу политики? Для того чтобы ответить на поставленные вопросы, необходимо рассмотреть основные научные методологические подходы к изучению проблемы соотношения политики и религии, а также определить сущность понятия «политизация религии».

Для анализа политической составляющей в религии и понимания феномена политизации религии представляется важным применение различных научных подходов: структурно-функционального, диалектического, геополитического, исторического.

С точки зрения структурно-функционального подхода (Т. Парсонс, Р. Мертон) религия и политика рассматриваются как структурные элементы общества. Данный подход позволяет обозначить структурные элементы религии, определить их последующие качественные изменения в зависимости от реальных политических процессов, протекающих в обществе, и задач, стоящих перед ним. Сторонники диалектического подхода (К. Маркс, Ф. Энгельс), исследуя социальную действительность во всем ее многообразии, единстве и противоречии, предлагают рассматривать религию и политику как взаимно дополняющие, так и взаимно отрицающие друг друга социальные процессы. Геополитический подход обращает внимание исследователей на мобилизационную функцию религии, которая направлена на достижение региональных и международных политических целей. В рамках исторического подхода определяется роль формирующих доктрин религии в политических процессах в контексте исторического развития общества.

Особое место в ряду теорий, с той или иной позиции объясняющих процесс политизации религии, занимают теория столкновения цивилизаций С. Хантингтона и теория модернизации. По мнению американского политолога С. Хантингтона, религия разделяет людей в большей степени, нежели этническая принадлежность. В своей работе «Столкновение цивилизаций» исследователь пишет: «Человек может быть полуфранцузом и полугарбом... Куда сложнее быть полукатоликом и полумусульманином». Это проис-

ходит в силу того, что «из всех объективных элементов, определяющих цивилизацию, наиболее важным является религия». При этом для людей «важны враги, и наиболее потенциально опасная вражда всегда возникает вдоль “линий разлома” между основными мировыми цивилизациями», «философские воззрения, основополагающие ценности и взгляды на жизнь в которых значительно отличаются». Современное «возрождение религии в большей части мира усиливает эти... различия».

Однако, на наш взгляд, теория С. Хантингтона в определенной степени направлена на обоснование стратегии глобализации США. Известно, что американский политолог усматривает в стремительном росте численности населения мусульманских стран, увеличении экономического потенциала арабского мира источник вооруженных конфликтов. Конечно, все это не соответствует национальным интересам Америки. По сути, миру навязывается конфликт цивилизаций, но важно осознавать последствия подобного «столкновения». Здесь крайне необходимы:

- во-первых, конструктивный диалог мирового сообщества;
- во-вторых, межрелигиозный диалог (применительно к России перспективным является, на наш взгляд, сотрудничество традиционных форм ислама и православия);
- в-третьих, сотрудничество между государством и религиозными институтами. При последнем часть социально-экономических проблем может сместиться в сферу политики.

В конце XX в. получает распространение теория модернизации. В условиях глобализации модернизация охватывает не только страны Запада, но и остальной мир, включая исламские государства. С одной стороны, модернизация снижает влияние религии на политические процессы и это приводит к секуляризации социальной жизни. С другой стороны, влияние модернизации приводит к повышению уровня религиозности в мире. Возникает реакция на «западную вестернизацию» со стороны мусульманского мира в виде появления различных исламских сообществ. Некоторые религиозные сообщества начинают агрессивно выражать свое отношение к западной цивилизации. Постепенно традиционная религия подменяется псевдорелигией, политизируется (но на основании корыстных политических мотивов) и превращается в деструктивную, ориентированную на насилие социально-политическую силу.

При изучении взаимоотношений религии и политики представляется перспективным сочетание политической и философ-

ской методологии. Иными словами, анализ политизации религии возможен в таких смежных научных направлениях, как политическая антропология, политическая теология, русская религиозная политическая философия. Эти исследования напрямую указывают на необходимость политического измерения религии.

Для описания и анализа проблемы взаимодействия религии и политики появились новые термины, универсальность которых нередко оспаривается в научных кругах. В научной литературе получили распространение такие понятия, как «политизация религии», «политическая религия», «политический ислам», «политическое православие». Никто не станет возражать против того, что религия всегда была самым тесным образом связана с политикой. Религиозное сознание включено в обширную сферу воображаемого (идей, убеждений, представлений, символов, образов), и невозможно изгнать из этой сферы религиозное, выступающее в ней равноправным другим «специфическим» измерениям, в том числе и политическому. Однако некорректно сводить политизацию религии только к «возрождению религии», как считают некоторые эксперты. Содержательная составляющая данного понятия намного шире.

Не претендуя на универсальность использования в теории и практике, понятие «политизация религии» может быть полезно, к примеру, для объяснения социальных и политических процессов на постсоветском пространстве. И это вовсе не означает, что новый термин необходимо полностью исключить из научного лексикона. «Политизация религии», являясь относительно новым и набирающим силу понятием, производно от термина «политизация». В контексте данной статьи в первую очередь необходимо провести уточнение сущности понятий «религия», «политика», «политизация».

Религия в переводе с латинского языка (*religio*) означает «набожность, почитание, святыня». Условно можно выделить как минимум два толкования религии. Во-первых, религия есть особое видение мира, основывающееся на вере в существование Бога. Во-вторых, религия как сфера духовной жизни общества есть определенная система социальных институтов, которые активно добиваются своего влияния в обществе. Влияние же религии на политику неоднозначно. С одной стороны, религия служит знаменем широких национально-освободительных и демократических движений (например, гандизм с его политикой ненасилия в Индии). С другой стороны, религия является основой сложных противоре-

чий и конфликтов в большинстве государств мира. Зачастую импульс конфликтности исходит не от традиционных религий, а от их различных извращенных «политизированных» форм (например, радикального исламизма). Поэтому важно учитывать и положительные, и отрицательные стороны религиозного фактора в современных политических процессах.

Несмотря на многозначность слова «политика» в научной среде, можно утверждать, что политика есть сфера отношений между индивидами и социальными группами по поводу государственной власти и государственного устройства. Причем в политике при наличии частных интересов всегда присутствуют групповые цели. Вместе с тем политика, которая направлена на устранение противоречий, может способствовать и возникновению конфликтов. В этом заключается ее дуалистическая, противоречивая природа, которая сближает ее с религией.

Взаимное влияние религии и политики постоянно изменяется. Религия влияет на политическое сознание людей, поскольку человеческие представления о правде и справедливости находятся в тесной связи с религиозными представлениями, и это на протяжении всей истории человеческой цивилизации играет немалую роль при определении форм политической власти. Проникновение религии в сферу политики и проявление политической составляющей в религии порождают такое явление, как политизация религии. В переводе с английского языка политизация (politization) означает: 1) возрастание интереса к участию в политике отдельных социальных групп и индивидов; 2) усиление значения политической сферы по отношению ко всем другим областям; 3) изменения в сознании и поведении индивидов и групп, происходящие в результате доминирующего влияния политики на все сферы их жизнедеятельности. В словаре В.Ф. Халипова и Е.В. Халиповой «Власть. Политика. Государственная служба» политизация рассматривается как: 1) приобщение к активной политической жизни широких слоев населения, возникающее в условиях демократизации жизни; 2) пропитывание, пронизывание всех сколько-нибудь значительных вопросов общественной жизни политическим звучанием, попытка видеть и выводить политический смысл из сколько-нибудь заметного шага человека, организации.

На наш взгляд, политизация подразумевает некий переход неполитических проблем (культурных, экономических и др.) в разряд политических, приобретение политического статуса различными социальными явлениями. Любая социальная проблема

становится политической в том случае, если ее разрешение связано с политической властью. Политизация социальных явлений, безусловно, связана с политической властью. Все социальные и экономические проблемы разрешаются в сфере политики. Но даже у политической власти должны быть свои границы, за пределы которых она не вправе выходить в целях недопущения противоречий и конфликтов в обществе. При переходе за «опасную» черту (за границу здравого смысла) политизация способна нанести ущерб нормальному функционированию общества. Активное вовлечение людей в политику не должно перерасти в острую политическую борьбу. Важно также отметить, что политизация особенно усиливается в условиях социальных кризисов, трансформации политической системы общества.

Неполитические по своей природе социальные явления неожиданно оказываются в области столкновения политических сил и интересов. С одной стороны, они становятся средствами достижения тех или иных политических целей, с другой стороны, социальные явления превращаются в объекты воздействия для различных общественно-политических объединений и даже государства. Зачастую в качестве объектов воздействия выступают экстремистские и террористические организации, которые нередко пользуются финансовой и идеологической поддержкой со стороны ведущих мировых держав, заинтересованных в разрушении основ неудобного государства ради соблюдения собственных национальных интересов. К примеру, исламистская организация «Братья-мусульмане» была создана в конце 20-х годов XX столетия на средства британской «Всеобщей компании Суэцкого канала» как организация, которая должна была помочь Великобритании в колонизации арабских стран. Она же построила в 1930 г. в Исмаилии (зоне Суэцкого канала) первую мечеть «Братьев-мусульман». Подобные радикальные организации используют религиозные ценности, искажая их истинное содержание и вводя народ в заблуждение. В данном случае политическим средством достижения корыстных целей становится религия.

Согласно взглядам немецкого мыслителя Карла Шмита, специфика политизации религии может быть определена путем обозначения той главной проблемы, которую решает политика. Эстетическое решает вопрос о соотношении прекрасного и безобразного, этическое – добра и зла, экономическое – рентабельного и нерентабельного, религия – святого и греховного. Любые отношения между группами людей становятся политическими тогда,

когда другая группа начинает восприниматься в категориях «свои» и «чужие», друзья и враги. Формула К. Шмитта дает возможность определить, когда те или иные отношения становятся политическими и, соответственно, попадают в сферу внимания политолога. Религия в таком случае становится политизированной, когда ее сторонники начинают рассматривать сторонников другой религии не как соседей или возможных новообращенных, а как врагов. Начинается межконфессиональный конфликт в форме открытой войны или просто политического противостояния. Однако не всегда сторонники одной религии враждебно относятся к представителям другой.

Результатом политизации религии выступает не сама политизация, а политическая (политизированная) религия. А.В. Митрофанова предлагает использовать термин «политическая религия» для обозначения особой формы религии или особой формы идеологии, «которая обосновывает политическое действие через апелляцию к потусторонним силам». Иначе говоря, политическая религия представляет собой соединение религии и идеологии, посредническую форму, позволяющую связать религию с политическим действием. При этом важно понять, что в политической

религии нет ничего неправильного. Политическая религия – это та же самая религия, только обернувшаяся своей политической стороной. По утверждению исследователя, ее опасность заключается не в том, что она искажает «правильную» догматику, а в том, что она переводит «религиозные отношения в плоскость “друзья – враги”, открывая тем самым путь для ксенофобии и религиозно мотивированного насилия».

На наш взгляд, политическая религия не является абсолютным дестабилизирующим фактором и не представляет угрозы безопасности личности, общества и государства. Не все политические действия можно рассматривать только в конфликтной плоскости. В качестве мотива определенного политического действия могут выступать и добрые намерения, направленные на установление мира и сотрудничества. Если политические действия связаны с намерением причинения вреда личности, обществу и государству, тогда мы можем расценивать политизацию религии как шаг в сторону насилия, жестокости, конфликтов. Проблема заключается в том, что чаще всего бывает сложно предугадать мотивы политических действий со стороны религиозных сообществ и государств.

Последствия политизации религии могут быть как положительными, так и отрицательными. Вмешательство же религии в политику необратимо. Деполитизация религии, о которой говорят некоторые исследователи, в условиях распространения глобального терроризма и экстремизма невозможна и нежелательна, поскольку религия как понятие несет для верующего человека большую смысловую нагрузку, отражая религиозно-политическую приверженность (особенно для мусульманина).

На основании проведенного анализа сущности политизации религии можно сделать ряд выводов.

Во-первых, политизация религии – это форма проявления политической составляющей в религии. При разрешении неполитических проблем в политической плоскости с участием властного механизма «просто религия» превращается в «политическую религию».

Во-вторых, политическая религия как некое смещение религии и идеологии оправдывает свои политические действия через обращение к Богу.

В-третьих, политические действия, реализуемые в процессе политизации религии, могут иметь как положительную, так и отрицательную мотивацию. Результаты политизации религии зависят от направленности политических действий различных политических и неполитических субъектов.

В-четвертых, чрезмерное вмешательство религии в политику и усиление политической составляющей в религии являются особенностями современного мира.

Необходимым с точки зрения дальнейшего исследования проблемы представляется определение предпосылок и факторов, способствующих возникновению религиозно-политических конфликтов и дальнейшей негативной политизации религии. В частности, важно установить направленность факторов политизации религии и степень их влияния на результат политизации.

*«Ученые записки Казанского университета»,
Казань, 2012 г., т. 154, кн. 1, с. 254–259.*

Виктор Авксентьев,

доктор философских наук, директор Института
социально-экономических и гуманитарных
исследований ЮНЦ РАН,

Валерий Васильченко,

кандидат философских наук (Северо-Кавказский
федеральный университет)

ПРОБЛЕМЫ ФЕДЕРАЛИЗМА В КОНТЕКСТЕ ЭТНОПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА НА ЮГЕ РОССИИ: ПОЛИТИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

Пристальный, неослабевающий интерес к этнонациональной проблематике в политологической литературе демонстрирует, что этничность сохраняется в качестве характерной черты политических процессов в российском обществе. Период деполитизации этничности, пришедшийся на последние десятилетия существования СССР, сменился в годы перестройки и постсоветских реформ этническим ренессансом, резким вторжением этнически окрашенных интересов и амбиций в сферу публичной политики. Порожденные распадом Советского Союза деградация хозяйственно-экономических и культурных связей и усиление политической дезинтеграции и социальной напряженности все еще остаются злободневными для России и инспирируют политическую консолидацию на базе этнокультурных ценностей, т.е. политизацию этничности. Как отмечает Г.С. Денисова, «в политическую деятельность активно включился еще один политический субъект – различные национальные общественно-политические организации и объединения, которые выступают с идеей отстаивания интересов не республик по отношению к Центру, а этносов».

Периоды деполитизации этничности имелись и в первом десятилетии XXI в. Так, после мер, предпринятых В.В. Путиным по восстановлению управляемости страной в начале десятилетия, наступил кратковременный период стабилизации в этнополитических процессах. Второй период деполитизации этничности пришелся на середину прошедшего десятилетия. Он был связан с комплексом мер, осуществленных по инициативе президента России В.В. Путина после трагических событий в г. Беслане в 2004 г. Этот этап, удачно названный М.А. Аствацатуровой «этнополитическим тайм-аутом», предоставлял шанс для принятия крупных решений по изменению национально-государственных отношений,

который использован не был. С 2007 г. начался новый период реполитизации этничности, продолжающийся до сих пор.

Проблемы деполитизации и реполитизации этничности являются одними из ключевых для южнороссийского макрорегиона. В этой связи особый интерес вызывают, в частности, роль и удельный вес политической компоненты этнических процессов на Северном Кавказе в контексте территориальной организации Российского государства и выбора форм самоопределения населяющих ее народов, поскольку сама тематика национально-государственного строительства имеет исключительное значение для вопросов безопасности и развития государства. Сегодня становится все более признанным, что существующий тип федерации, включающий

этничность как источник политической субъектности, является конфликтогенным. Однако пути преодоления этой ситуации неочевидны. Широко пропагандировавшийся в 1990-е годы путь губернизации России сегодня имеет мало сторонников даже среди тех, кто признает необходимость «ухода» от существующего типа федерализма. Наиболее распространенная точка зрения заключается в том, что «рано этим заниматься. Для этого надо что-то принципиальное поменять в развитии страны – понять, что такое федерализм, инновационный климат, экономика, бюджетные отношения».

Однако конфликтогенность существующего национально-территориального устройства постоянно провоцирует и будет в дальнейшем провоцировать конфликты и напряжение. Примером того, как спорные моменты и противоречия в политико-правовых взаимоотношениях между республиками могут перерасти в острую этнополитическую коллизию, является территориальный спор между Чечней и Ингушетией, разгоревшийся на уровне политических элит двух республик в конце лета – начале осени 2012 г. Обсуждение проблемы территориального размежевания вылилось в резкую и эмоциональную перепалку между главами Чечни и Ингушетии, сопровождавшуюся взаимными упреками в неуважении этнических интересов соответствующих народов. Федеральные власти на данную конфронтацию не смогли отреагировать достаточно оперативно и внятно.

Соглашаясь со многими авторами в том, что сейчас «не время» заниматься кардинальным национально-государственным переустройством, поскольку Россия и особенно ее южные регионы находятся на «гребне» реполитизации «этничности», отметим, что

задача деполитизации этничности, ее переключения» из политико-правового регистра в регистр социокультурный является исключительно актуальной. Без ее решения невозможна стабилизация в межэтнических отношениях на Юге России. Кроме того, принятию конкретных политических решений следует предпослать достаточно длительное и подробное обсуждение самой проблемы, результатом которого должно стать «овладение идеи массами». Данный проект должен быть нацелен на снижение градуса социальной напряженности путем купирования этнических компонентов политической субъектности при соблюдении прав этнических меньшинств и сохранении за ними возможностей для свободного культурного развития и выбора форм самоопределения в границах Российского государства. Инструментом реализации подобной программы может стать реформа государственно-территориального устройства России, в котором, в отличие от идеи губернизации, этничность сохранится в качестве одного из признаков территориальной организации страны, но не будет являться источником политико-правовой субъектности.

В политико-правовой доктрине под федерацией понимается сложное союзное государство, составными частями которого являются государства-члены или государственные образования. Одним из наиболее популярных в мировой науке метаюридических подходов является анализ природы государства-федерации как социально-государственной системы с двумя уровнями управления. По мнению Р.Г. Абдулатипова, федеративным является государство, имеющее два уровня управления одной и той же территорией и одним и тем же населением, где каждому из названных уровней управления гарантирована автономия, по меньшей мере, в одной сфере деятельности. Следует отметить, что исследование целого ряда базовых категорий и исходных тем государственоведения в настоящее время протекает в духе острой научной дискуссии и пересмотра некоторых традиционно сложившихся представлений. Касается это и понятия федерации, рассмотрение логического и эмпирического статуса которого, несмотря на многочисленные исследования, все еще не может претендовать на исчерпанность. Достаточно очевидной является и потребность в упорядочивании видового разнообразия форм государственного устройства.

Один из наиболее острых вопросов теории территориальной организации государственной власти – делимость суверенитета. Этот вопрос имеет принципиальное значение как для разрешения проблемы классификационного соотношения различных способов

децентрализации государственной власти, так и для определения теоретико-правового статуса федерации. Здесь высказывались различные точки зрения:

1. Г. Еллинек, Л. Лобанд полагали, что суверенитетом обладает только федерация в целом.

2. По мнению М. Зейделя, суверенитет принадлежит составным частям федерации, которые обладают правом выхода из нее.

3. Наконец, А. Токвиль считал, что суверенитет делится в соответствии с делением государственной власти согласно Конституции. Нет единства мнений по данной проблеме и в отечественной теоретико-правовой науке. Мнение ученых колеблется от отнесения федерации к составным государствам, части которого (государства или государственные образования) обладают суверенитетом, до категорического утверждения, что образования, входящие в состав федеративного государства, не обладают суверенитетом.

Признаем ли мы делимость суверенитета или нет, но в случае федеративного государства мы так или иначе имеем дело с разделением политической власти «по вертикали». По мнению В.Е. Чиркина, «в федерациях существует вертикальное разделение властей (государственной власти федерации и государственной власти ее субъектов)». Как отмечает И.А. Умнова, «разделение власти между Центром и составными частями государства с учетом специфики конкретных стран составляет один из основных признаков федеративного устройства».

В американской литературе широко используется следующее определение федерализма: «Федерализм – это форма распределения власти между центральными государственными органами и органами штатов». В основе дефиниций подобного рода лежит исходный постулат, согласно которому в стране существует не одна лишь центральная власть, а множество относительно самостоятельных и взаимодействующих друг с другом властей. Дело в том, что длительное время Соединенные Штаты Америки функционировали как государство с относительно слабой центральной властью и весьма автономной региональной. Данный этап развития американского федерализма получил название «двойственный федерализм» (действовал приблизительно с 1790 по 1930 г.). Его главным принципом был следующий: федеральное правительство и власти штатов имеют равные права. В этой интерпретации конституции, федеральное правительство имеет полномочия по

какому-либо вопросу, только если такие полномочия даны ему конституцией.

Итак, современная теория государства и права считает решающими при классифицировании форм территориальной организации власти параметры централизации / децентрализации, а именно: совокупность устойчивых взаимоотношений между центральными и региональными органами государственной власти (унитария предполагает более высокую степень централизации, а федерация – менее высокую). Однако с точки зрения анализа исторического материала популярный тезис, утверждающий приоритет данной классификационной схемы, является контрэмпиричным. Ее бинарная логика допускает выбор только одного из двух, отвергая другие возможные варианты. Между тем современная Россия не может быть непротиворечиво описана ни как федерация, ни как унитарное государство.

Известный советский и российский юрист О.И. Чистяков наряду с федеративными и унитарными государствами предложил выделять так называемые «государства с автономными образованиями» – новую форму государственного устройства. В частности, по его мнению «РСФСР, провозглашенная федерацией, формировалась как государство с автономными образованиями». Например, I съезд Советов, собравшийся в Харькове в середине декабря 1917 г., провозгласил независимость созданной им Украинской Народной республики. Сразу же вслед за провозглашением независимости съезд признал Украину «федеративной частью России». Возникла непонятная с юридической точки зрения конструкция: чем же все-таки являлась Украина – суверенным государством или частью другого государства, хотя и федеративной? Во втором случае требовалось сначала сделать Россию федерацией, чего пока что не было.

Как пишет О.И. Чистяков, «в советской государствоведческой литературе возникла удивительная по нелогичности концепция: РСФСР – это федерация, а, скажем, Грузинская ССР – нет... Не находя убедительных аргументов, сторонники указанной концепции в конце концов, не мудрствуя лукаво, стали утверждать, что если в названии республики есть слово “федерация”, то так оно и есть, а при отсутствии такого слова нечего и говорить о федерации... Было распространено и мнение о том, что унитарное государство может содержать в себе автономные включения... Все это исходило из концепции, что существует лишь две формы государственного устройства: федерация и унитарное государство. Как

мы видим, однако, государство с автономными образованиями отличается и от того, и от другого».

Разработанная О.И. Чистяковым концепция государства с автономными образованиями может быть положена в основу проекта реорганизации государственно-территориального устройства Российской Федерации, который был бы направлен на деполитизацию этничности и способствовал снижению остроты в межнациональных отношениях. Данная идея опирается на следующие соображения. В составе Советского Союза РСФСР как союзная республика являлась федерацией чисто формально. Согласно Конституции СССР 1977 г. в составе РСФСР находились автономные республики, имевшие свои конституции, соответствующие Конституции СССР и Конституции РСФСР. Остальная (существенно большая) часть территории РСФСР подразделялась на края, области, округа и районы, т.е. административно-территориальные подразделения. Следовательно, РСФСР являлась как бы полуфедеративным-полуунитарным образованием. Это же можно сказать и об СССР в целом. Будучи в юридическом аспекте федерацией, Советский Союз де-факто функционировал как унитарное государство с автономными образованиями, именовавшимися союзными республиками. Де-факто был реализован сталинский план автономизации при формальном соблюдении ленинского плана союза государств.

Эту фиктивность и формальность федерализма Россия в значительной степени сохраняет и в качестве самостоятельного государства. Действительно, термин «субъект федерации» обозначает территориальные подразделения России, как государственно-подобные (республики), так и чисто административные (края и области). Более того, в составе Российской Федерации остаются и автономии – автономная область и автономные округа, являющиеся в то же время по Конституции субъектами федерации. Но автономия и субъект федерации – это образования, имеющие различный правовой статус. В связи с этим возникает вопрос о том, может ли Россия быть названа федерацией или же более корректным было бы обозначить ее как государство, имеющее в своем составе территории с особым режимом управления (имеющие сегодня статус республик).

В пользу последнего свидетельствует реальная практика осуществления политической власти в российских субъектах. Фактическое разграничение компетенций «по вертикали», между Центральными и региональными органами власти, при хотя бы

относительной административной автономности обоих уровней политического руководства, наблюдается главным образом в республиках. Края и области функционируют в ситуации, когда жесткого определения предметов ведения федеральных органов государственной власти и органов власти субъектов федерации не установлено, поскольку собственные их полномочия формально не закреплены. Следует отметить, что политическая элита страны осознает данную проблему и активно ставит ее на повестку обсуждения текущего положения дел в сфере федеративного устройства. По словам Д.А. Медведева, еще в бытность его президентом, «одной из главных задач остается четкое разграничение полномочий и ответственности между уровнями власти». Нельзя, однако, сказать, что положение дел в этой сфере за последнее время кардинально изменилось.

Таким образом, как справедливо отмечается в литературе, республики как субъекты Российской Федерации по своему статусу являются национально-территориальными образованиями, наделенными правами автономий, т.е. определенной политической и юридической самостоятельностью с некоторыми условными признаками государственности. Если рассуждения о том, что республики обладают особыми правами, некорректны и необоснованны, если их государственная атрибутика носит целиком формально-декоративный характер (эта позиция отстаивается рядом авторов), тогда само наличие в составе Российской Федерации государственных образований с национальной спецификой теряет юридический смысл и не может быть обосновано и признано политически целесообразным.

Истинное значение национальных республик как своего рода этнокультурных анклавов, автономных «островов» в «море» административной унитарии хорошо показывает реакция руководства Республики Адыгея на заявления о возможном присоединении Адыгеи к большому региону-донору – Краснодарскому краю, высказанные в свое время краснодарским губернатором А. Ткачёвым и поддержанные некоторыми другими официальными лицами. Попытки инициировать дискуссию об объединении были расценены адыгейскими чиновниками как «политическая провокация, способная повлечь негативные последствия, особенно на фоне сложной общественно-политической ситуации в Северо-Кавказском регионе». Столь же бурно отреагировали на ситуацию и представители адыгских общественных организаций.

Тем не менее принцип федерализма фигурирует среди основ конституционного строя России, в Конституции устанавливаются разграничения предметов ведения Федерации и ее субъектов. Следует, однако, согласиться с мнением, что «в процессе исследования федерализма под углом зрения его общеродовых признаков и черт, принципиально важным представляется исходить из того, что федерализм должен рассматриваться не только и даже не столько с формально-юридических позиций, как нечто формальное, сколько с реалистических позиций, как явление, фактически существующее в жизни. Не в наличии формально-юридических признаков и черт федерализма у того или иного государственно-правового объединения или союза государств заключается суть данного явления, а в их практической реализации, в их фактическом воплощении в жизнь».

Двусмысленность в подобных вопросах, в вопросах национально-территориального обустройства государства, расхождение между положением дел *de jure* и *de facto*, представляется крайне негативным и даже опасным явлением. И дело здесь не только в постоянно возникающих претензиях представителей отдельных этносов к руководству страны по поводу неравенства статусов тех или иных этнических групп, вплоть до экзотических предложений, например, создать «русскую республику» в составе России или преобразовать Ставропольский край в Русскую республику в составе Северо-Кавказского федерального округа. Сама неопределенность правовых параметров национально-территориальных единиц служит условием для этнической агрегации, для оформления этносов в качестве самостоятельных субъектов политического процесса с собственными политическими интересами, что особенно заметно на Северном Кавказе. Этничность же как фактор политико-правового порядка порождает, в свою очередь, социальную напряженность и провоцирует конфликты.

Приходится констатировать, что правовая нечеткость государственно-территориального устройства России служит мощным фактором политизации этничности. Устранение подобного рода конфликтогенных явлений требует постепенной трансформации современной национально-территориальной структуры. Теоретически это может быть осуществлено либо в сторону фактической федеративности с последовательным разграничением предметов ведения федеральных и региональных органов власти, либо в сторону официального признания республик не субъектами феде-

рации, а территориями с особым статусом – автономными образованиями.

О реализации первого варианта, как представляется, на сегодняшний момент речи идти не может. Строгое воплощение принципов федерализма в социальную жизнь непосредственным образом связано с уравниванием полномочий различных субъектов федерации, т.е. с фактическим преобразованием национально-территориальных образований в составе Российской Федерации в чисто территориальные, с устранением национальной специфики из сферы государственной политики (губернизация).

Иной представляется возможная судьба проекта перехода от федеративного устройства государства к государству с автономными образованиями. Дело в том, что автономизация является довольно гибким инструментом организации политического пространства, позволяющим достаточно широко варьировать пределы внутреннего самоуправления национальных территорий с учетом их конкретной специфики – от политической автономии до национально-культурной. По сути, это возрождение на новой основе широко критиковавшейся в советском обществоведении идеи автономизации, однако с учетом опыта XX в. Именно благодаря тому, что *de facto* при строительстве СССР был реализован план автономизации, Советский Союз просуществовал гораздо дольше того, когда обнаружилась несостоятельность советского экономического проекта. А юридическое оформление краха советского проекта пошло по пути распада союзного (федеративного) государства.

В связи с этим следует отметить, что государства с особыми политико-территориальными единицами – автономными образованиями – не редкость в современном мире. Автономные районы имеют: Китайская Народная Республика (Тибет, Внутренняя Монголия, Синьцзян-Уйгурский, Гуанси-Чжуанский, Нинся-Хуэйский); Украина (Автономная Республика Крым); Израиль (Палестинская автономия) и многие другие государства. Обычно такие государства рассматриваются как унитарные, хотя иногда политическая автономия имеет существенные признаки государственности: обладает правом законодательства по местным вопросам, формирует парламент и т.д. Скажем, парламент Шотландии (входящей в состав Великобритании на правах политической автономии) издает законы по вопросам хозяйства, финансов и налогов региона, общественной безопасности и некоторым другим. Однако автономии могут и не иметь значительных политических прав и

даже вообще не являться формами государственно-территориального устройства, выбор схемы самоопределения этноса в данном случае зависит от конкретных обстоятельств.

Таким образом, переход от федеративного государства к модели государства с политическими и / или административными автономиями будет способствовать ликвидации целого ряда причин национальной напряженности через установление более четких и в то же время более эластичных, более приспособленных к конкретным этнокультурным обстоятельствам схем территориальной организации власти. Кроме того, реализация данной программы может создать предпосылки для реполитизации этничности, являясь первым шагом на пути к упразднению политического компонента этничности и претворению этнического самоопределения в формы культурной автономии. На пути проведения этой реформы лежат два основных препятствия: идеологическое, когда связка этничности и политической субъектности прочно закрепились в умах этнополитических элит, и правовое, связанное с несоответствием ее отдельным положениям Конституции Российской Федерации. Преодолеть первое препятствие гораздо сложнее, и только преодолев его, можно будет приступить к правовому оформлению этого проекта.

*«Научная мысль Кавказа»,
Ростов н/Д., 2012 г., № 4, с. 54–59.*

МЕСТО И РОЛЬ ИСЛАМА В РЕГИОНАХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ, ЗАКАВКАЗЬЯ И ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Борис Гандаров,
религиовед (МГУ им. М.В. Ломоносова)
**ЭТНИЧЕСКИЙ ФАКТОР В РАЗВИТИИ ИСЛАМА
В СОВРЕМЕННОЙ ИНГУШЕТИИ**

На протяжении всей истории человечества одним из самых острых вопросов общественных взаимоотношений была проблема соотношения двух противоречивых явлений – религии и национализма. В религиозно-правовой базе ислама данной проблематике уделялось большое внимание. В период, когда Арабский Восток переживал межплеменные войны и раздоры, именно появление ислама способствовало объединению разрозненного общества в единую общину. Когда мусульманская община начала отходить от фундаментальных принципов своей религии, начал преобладать местный национализм. Особенно ярко это проявилось в Турции и странах Арабского Востока во второй половине XX в. Общество и власть в этих государствах не сумели гармонизировать принципы религии и модернизацию государственного устройства. Вместе с тем, несмотря на преобладание турецкого и арабского национализма, религия продолжала играть значительную роль в мировоззрении населения этих государств.

Особенно актуальна данная проблема для тех регионов России, в которых ислам и традиции, выражающиеся иногда в форме национализма, играют значительную роль во взаимоотношениях различных социальных групп. В этом контексте выделяется Ингушетия, где мировоззрение населения формируется на основе переплетения традиционализма и исламского догматизма. Иногда оно характеризуется крайней противоречивостью, выражающейся в форме национализма и религиозного радикализма. С другой стороны, набирает популярность тенденция гармоничного сочетания традиционной и исламской культуры. Однако и здесь можно обнаружить элементы национализма в вопросах межэтнического ха-

рактера. Таким образом, одной из главных проблем на различных уровнях общественных взаимоотношений остается проблема сочетания религиозных принципов с местной культурой.

С момента принятия ислама этнический фактор играл значительную роль в религиозной культуре ингушского народа. Во многом это было связано с тем, что ислам здесь в силу объективных причин не получил такого развития, как, например, в Дагестане. Так как население было ограничено в получении фундаментальных знаний об исламе, этническая и религиозная идентичности стали превращаться в некую национальную черту. Данная тенденция способствовала распространению различных мифов, суеверий и т.п., особенно укоренившихся среди населения в советский период. Именно поколение, воспитанное в духе атеизма, перевело ислам в так называемое традиционное его понимание.

В результате синтез идеи превосходства ингушской нации и «особого исламского пути» начал оформляться в виде умеренного национализма. На этом фоне получили распространение идеи салафитского толка, отличающиеся от суфийских убеждений. В такой ситуации началась мобилизация по защите этнокультурного образа ислама, который вступает в противоречие с фундаментальными принципами ислама. Впервые с момента распространения ислама возникла угроза устойчивости народного ислама. Если прежде противоречия возникали между различными тарикатами, то распространение салафитских идей в Ингушетии способствовало ослаблению позиций суфийских течений. Следствием этого становится идейная борьба за влияние на народные массы.

Необходимо отметить, что эта конфронтация проявлялась в различных формах. Действия представителей радикального крыла салафитов и суфиев формировали в обществе атмосферу отчуждения, недоверия, страха, деления на «своих» и «чужих». Вместе с тем существуют группы мусульман, придерживающиеся как суфизма, так и салафизма, которые понимают необходимость поиска компромисса на основе объединяющих факторов. По своим взглядам и убеждениям ближе к салафитам находятся представители накшбандийского тариката суфизма, у которых складываются непростые отношения со своими оппонентами – кадиритами.

Необходимо отметить, что привлекательной стороной салафизма в Ингушетии была спаянность мусульман на основе мусульманского братства, характерного для обществ, придерживающихся заповедей Корана и высказываний Пророка Мухаммада. Представители суфизма, признавая весомость этих аргументов,

стараются все же постепенно переводить религиозные обряды в плоскость этнокультурных традиций. Переплетение суфийских обрядов и некоторых черт национального характера привело к ситуации, когда индивид ограничен в формировании собственных воззрений, зависим от взглядов и настроений большинства. В этих условиях в религиозной практике индивида этнический фактор начинает превалировать над фундаментальной сущностью ислама. Большинство выполняет свои религиозные обязанности, руководствуясь не убеждениями, а распространенными в этой среде традициями.

Среди определенной части ингушского общества усиливается тенденция к защитному национализму. Это связано с популяризацией салафитских идей, представляющих угрозу образу жизни той категории населения, которая пытается противопоставить салафизму обновленную форму ингушского этикета. Однако пропаганда возрождения культурных традиций, некоторые из которых противоречат исламским принципам, лишь усиливает разобщенность в ингушском обществе. Вместе с тем нельзя отрицать и гармоничного сочетания отдельных морально-этических норм с принципами шариата, такими как «сабар», «гнев» «зависть», «щедрость». В ингушском этикете (Эздел) понятие «сабар» означает моральный принцип и моральное качество, характеризующие справедливое, обдуманное отношение к интересам, убеждениям, верованиям, привычкам во взаимоотношениях и поведении людей. У ингушей считалось похвальным сдерживание своего гнева, отсутствие в поведении его внешних проявлений в виде ругательств, брани, угроз, оскорблений, что считалось проявлением слабости, а не силы. Воспитание благодетельной личности выражается также в понятии «зависть». Ингушский Эздел осуждает зависть как чувство и черту характера, недостойные человека, потенциальный источник зла и для окружающих, и для самого человека. Идеальный вариант образа жизни и поведения по Эзделу – никому не завидовать, всегда оставаться довольным тем, что есть. Только такой человек по-настоящему счастлив. В ингушском Эздеде щедрость – моральное качество, характеризующее готовность человека поделиться с другими тем, что имеет. Особенно похвальной считалась щедрость в отношении гостей, оказание помощи вдовам и сиротам, обездоленным.

Таким образом, развитие ислама в современной Ингушетии сопряжено с множеством противоречий, разобщающих ингушское общество. Главной проблемой общения между всеми сторонами

является отсутствие конструктивного подхода в поиске путей, способных гармонизировать национальное самосознание. В этом отношении потенциал ислама и этнокультуры ингушского народа обладают возможностями регулирования общественных взаимоотношений на основе регламентированного категориального аппарата, представляющего синтез религиозно-культурных особенностей региона. Ведущая роль в регулировании этих общественных отношений должна принадлежать государству как стороне, заинтересованной в гармонизации отношений в обществе и их устойчивости.

«Власть», М., 2013 г., № 1, с. 120–122.

Заид Абдулагатов,

кандидат философских наук

(Дагестанский научный центр РАН)

РЕЛИГИОЗНОЕ И СВЕТСКОЕ В НРАВСТВЕННОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ МОЛОДЕЖИ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА

Религия, будучи одной из форм мировоззрения, способна влиять практически на все формы этнического сознания, включая нравственную форму. В этом смысле в республиках Северного Кавказа религиозные и светские ценности выступают конкурирующими парадигмами формирования нравственного сознания людей. Это особенно актуально для местной молодежи, с устремлениями и деятельностью которой связаны весьма острые социально-политические проблемы России. Не секрет, что не только так называемые ваххабиты (салафиты) в северокавказских субъектах РФ политизировали вопросы ношения одежды (хиджаб, платок), продажи спиртных напитков и др. Нравственное очищение общества как приоритетная цель провозглашается и представителями традиционного, т.е. официального ислама.

Озабоченность по поводу проблем нравственного состояния российского общества проявили и представители самой крупной конфессии страны – Русской православной церкви (РПЦ). В программных документах РПЦ и Совета муфтиев России отражена исключительная роль религии в формировании российской духовности. В связи с этим инициируется присутствие религиозных деятелей или религиозных программ в государственных образовательных, пенитенциарных и других учреждениях, а также в

системе Министерства обороны РФ. Тем самым вопросы религиозной нравственности в стране начинают решаться в универсальном ключе. Более того, эту идею в той или иной мере пытаются реализовать и отдельные представители научной интеллигенции России. Их усилия в данном направлении уже дают результаты: в 2009 г. Президентом РФ принято решение о включении в обязательную программу школьного образования уроков духовно-нравственного воспитания.

В связи со сказанным возникает ряд вопросов. В частности: может ли религиозная нравственность быть главным содержанием нравственности в обществе, объявившем плюрализм мировоззрений и идеологий? Насколько массовое сознание подрастающего поколения признает религиозность человека обязательным условием его нравственности? Склонны ли рядовые молодые мусульмане придерживаться строгих норм религиозной нравственности, исходящих из основополагающих сакральных текстов, или в условиях глобальных миграционных, информационных, культурных и иных процессов и перемен они будут искать иные пути адаптации к изменяющемуся миру?

Вопросы, касающиеся нравственных позиций рядовых дагестанцев, задавались в различных социологических опросах в 2004 г. (494 респондента), 2007 г. (451 респондент), 2011 г. (574 респондента, опрос только молодежной социальной группы). В 2011 г. опрос проводился среди молодежи Чеченской Республики (271 респондент) и Кабардино-Балкарской Республики (320 респондентов) с целью сравнительного анализа с результатами предыдущих исследований.

Прежде чем оценить приоритеты нравственных ценностей молодежи, необходимо проследить динамику ее религиозности. Так, по опросам, в Дагестане с 1996 до 2004 г. религиозность всех возрастных групп изменялась следующим образом: 1996 г. – 85%, 1998 г. – 84,1, 2000 г. – 82,5, 2004 г. – 79,1%. Религиозность молодежи в 2004 г. была равна 81,4%. Среди учащихся и студентов РД – 77,9%. В отдельных сельских районах эти показатели были намного выше. Например, в Казбековском районе по всем возрастным группам религиозность оказалась равной 100%. К 2011 г. этот показатель у дагестанской молодежи неожиданно сильно вырос и стал равным 95,0%. При этом показатель религиозности молодежи в Чеченской Республике в опросе 2011 г. оказался равным 97,7%, а в Кабардино-Балкарии – 77,4%.

Важным с точки зрения взаимоотношений религиозного и светского в молодежной среде является другой качественный показатель: насколько религиозное сознание склонно адаптироваться к новым явлениям жизни? Какова степень проявления фундаменталистских составляющих исламского сознания молодежи? По опросу 2004 г. в РД среди верующих 50,4% отметили свое желание исповедовать тот ислам, который был при Пророке Мухаммаде. В молодежном сознании этот показатель был выше: до 20 лет – 53,9%, от 20 до 29 – 50,7%. Противоположная точка зрения, которая ориентирует мусульманина к адаптации в новых условиях, была поддержана значительно слабее. Позицию «Исламская религия со временем должна меняться, так как меняется жизнь» в общей выборке поддержали всего 27,1% опрошенных. Эти две группы, обозначенные как «фундаменталисты» и «модернисты», в ответах на другие вопросы анкеты в целом подтверждали свои склонности к религиозному консерватизму или модернизму. В отдельных сельских районах этот, консерватизм был намного выше: Ботлихский район – 100% (до 20 лет), 86,7% (от 20 до 29 лет); Казбековский район – 75% (до 20 лет), 71,4% (от 20 до 29 лет).

К 2011 г. показатели «фундаментализма» у молодежи РД выросли. Косвенным доказательством этого является усиление в несколько раз за последние годы экстремистской деятельности молодежи, в частности, покушений на жизнь и здоровье представителей правоохранительных органов. Опрос подтвердил рост фундаменталистских настроений в молодежной среде. «Фундаменталистов» в общей выборке, по данным опроса, оказалось 72,2% («модернисты» – 9,1%). И здесь по отдельным районам показатели оказались значительно выше средних.

По этому пункту («фундаменталисты») чеченская молодежь опережает своих сверстников из Дагестана (86,7%). «Модернисты» здесь составили всего 3,5%. Молодежь Кабардино-Балкарии настроена более «модернистски»: «фундаменталисты» – 52,8%, «модернисты» – 30,1%. Общий показатель «фундаментализма» по трем республикам Северного Кавказа (РД, КБР, ЧР) оказался равным 70,1%, «модернизма» – 13,4%.

Казалось бы, приведенные данные однозначно определяют религиозное, более того, религиозно-фундаменталистское понимание, освоение нравственных ценностей. По другим данным опроса, гипотеза исключительно о религиозном характере нравственного сознания молодежи не подтвердилась. В ответах на вопросы о поведении респондента в конкретных ситуациях имело

место противоречие с вербально общими оценками религиозных ценностей.

Первый же вопрос, который косвенно касается проблем нравственности, – это вопрос об отношении к нормам шариата. Как известно, по шариату безнравственно ходить женщине в светской одежде, нравственно иметь нескольких жен, безнравственно быть неверующим («самый благородный из вас перед Аллахом – самый благочестивый») (Коран, сура Худжурат), «те, кто не уверовали, подобны скотине бессловесной...» (Коран, сура 2, аят 171), безнравственно мужчинам и женщинам находиться на свадьбе в одном месте, играть музыку, танцевать, петь, пить спиртное даже в незначительных количествах и многое другое.

Согласно опросу 2000 г. (600 респондентов) в РД, 76,6% респондентов не желают стать гражданами Исламской Республики Дагестан. В 2011 г. молодежи РД был задан вопрос: «Как вы считаете, нормы шариата выше законов государства?» Ответили в общей выборке: «да» – 51,4%, «нет» – 17,6%; среди студентов светских учебных заведений: «да» – 42,1%, «нет» – 22,8%; среди исламских учебных заведений: «да» – 78,3%, «нет» – 4,3%.

В Чеченской Республике и Кабардино-Балкарии вопрос был задан в несколько иной форме: «Хотели бы вы стать гражданами исламской республики, где жизнь протекает исключительно по законам шариата?» Ответ «да» молодежь этих республик дала: соответственно 57,1 и 25,0%; «нет» – 8,1 и 73,9%. В общей выборке приоритеты шариата в трех республиках определяются ответами: «да» – 49,8, «нет» – 24,7%. Несмотря на остроту религиозно-политической ситуации в КБР, молодежь республики, как видно из данных опроса, лояльно относится к светским ценностям.

Одним из стержневых в определении нравственных императивов молодежи был следующий вопрос: «Как вы считаете... а) нравственным (честным, порядочным и т.д.) может быть любой человек, независимо от своего отношения к вере; б) нравственным может быть только верующий человек?» Ответы на этот конкретный вопрос также изменяют представления о преимущественно религиозной мотивированности поведения молодых людей, которые складываются по их ответам на общие вопросы, касающиеся их религиозных пристрастий. Как оказалось, число молодых людей, которые не считают религиозность человека обязательным условием его нравственности, намного больше, чем группы с противоположной позицией.

В общей выборке (КБР, ЧР, РД) позитивно оценивающих роль нерелигиозных ценностей в нравственной идентичности человека оказалось 58,1% против 24,1%. Это хорошая установка для успешной толерантной адаптации молодых людей в сложном, противоречивом пространстве нравственных ценностей современной России. Нужно отметить, что в разрезе республик в ответах на данный вопрос имелись различия. Так, светская оценка в данном вопросе у дагестанской молодежи оказалась равной 57,7% (религиозная – 22,6%). Эти показатели на уровне средних. Крайние позиции обозначены у молодежи ЧР и КБР. В ЧР соответственно 44,2% – «светская ориентация», 45,6% – «религиозная». В КБР соответственно 70,2 и 11,7%. Необходимо также отметить, что в ответах на данный вопрос значимых различий между старшим поколением и молодежью не наблюдается.

Есть соблазн интерпретировать полученные результаты как стремление молодежи к светской идентичности. В действительности они больше говорят о признании за другими людьми права на реализацию иных, не религиозных норм нравственности. А это разные вещи. Если усилить этот вывод в гипотетическом направлении, то можно говорить о том, что молодежь считает религиозную нравственность одним из проявлений нравственности, имеющей свою природу в более широком социальном контексте.

Анализ ответов на ряд других вопросов анкет позволяет проверить данную гипотезу. В целях проверки того, насколько осознано молодежью влияние двух факторов – религиозного и светского – на ее нравственную идентичность, был задан более конкретный вопрос, который звучал следующим образом: «Выберите, пожалуйста, одно из приведенных утверждений, с которым Вы согласны». Предлагались следующие утверждения: а) «человеческий разум способен различать добро и зло, независимо от веры в Бога»; б) «не разум, а вера может показать человеку разницу между добром и злом»; в) «затрудняюсь ответить».

Общий результат по трем республикам СКФО показал, что молодежь в выборе между добром и злом больше ориентируется на ценности разума, а не веры: приоритеты разума – 52,2%; приоритеты веры – 33,1%. По отдельным республикам эти показатели имели свои различия. КБР: приоритеты разума – 64,4%; приоритеты веры – 22,3%; ЧР: соответственно: 32,7 и 52,4%; РД соответственно: 58,2 и 26,6%. Заметим, что в ответах и на этот вопрос молодежь ЧР занимает преимущественно религиозную позицию. Наиболее светская – у молодежи КБР.

Полученные опросные данные не позволяют однозначно говорить о том, что в перспективе у мусульман Северного Кавказа будут усиливаться иррациональные (основанные на вере, мистике) основания нравственной идентичности. Суть полученных различий может быть обусловлена возрастными особенностями группы молодежи (склонность к максимализму, к чувственному, более сильная подверженность «моде» религиозного поведения и др.). Вполне реально, что эти особенности восприятия религиозных ценностей с переходом во взрослую жизнь будут нивелированы.

Другой фактор, определяющий дальнейшие изменения сознания в данном вопросе, – активно идущие процессы реисламизации. Это рост инструментальной роли ислама в протестных настроениях, мощная система исламского образования (в РД 15 исламских вузов, где учатся 1472 человека, 79 медресе – более 3 тыс. студентов, 158 мактабов – 3 тыс. студентов), еженедельные исламские проповеди по многим каналам ТВ, в мечетях, число которых в РД доходит до 2 тыс.

К этому необходимо добавить, что с 2013 г. в общеобразовательных учреждениях Дагестана и других регионов будут в обязательном порядке проводиться уроки духовно-нравственного воспитания, которые по сути являются несветскими дисциплинами.

Проанализированные нами процессы дают повод прогнозировать то, что в последующие годы вероятнее всего религиозно-иррациональное в нравственном сознании северокавказской молодежи будет только усиливаться.

*«Региональные аспекты социальной политики»,
Махачкала, 2011 г., с. 134–141.*

Э. Кульпин-Губайдуллин,

политолог

**МАЛАЯ НАЦИЯ В ИНОЭТНИЧНОМ ОКРУЖЕНИИ
НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ
(НА ПРИМЕРЕ КРЫМСКИХ ТАТАР)**

Самоощущение, или иначе – общественное бессознательное малой нации в иноэтничном окружении на постсоветском пространстве весьма отлично от прецедентов в других регионах планеты. Отличия, о которых пойдет речь ниже, специфичны не только для крымских, но многие – для татар в целом. В системе «ландшафт и этнос» – народ и его окружающая природная среда –

все татары (казанские, крымские, астраханские, сибирские, добруджанские и др.) характеризуются тремя признаками. Во-первых, они живут в исторически своем вмещающем ландшафте, на своей земле, остальные народы, живущие на той же земле, исторически являются пришлыми для данного вмещающего ландшафта. Во-вторых, повсеместно татары как этнос не являются хозяевами той земли, на которой живут. В-третьих, численно татары нигде не превосходят другие этносы, живущие на той же земле.

Отсюда проистекают три важных следствия.

1. Нигде культура татар (кроме Татарстана в РФ) не является доминирующей, везде она – маргинальна.

2. Своя (внутренняя) среда татар экономически, социально, политически локальна, ее потенции для интенсивного развития личности ограничены.

3. Надежды на изменения ситуации, как в целом, так и по отдельным позициям, – иллюзорны.

Иными словами, татары находятся в положении диаспоры (если исходить из социологического определения этого понятия), за одним существенным исключением, что они живут на исконно своей земле. И это отличие порождает у представителей этноса, с одной стороны, ощущение неравноправности и даже угнетенности, униженности и оскорбленности, с другой – борьба татар за свои права не выходит за цивилизационные границы, хотя от этих псевдодиаспор ожидают силовых методов борьбы и утверждения в их среде исламского фундаментализма. Однако ожидания в отношении вооруженной борьбы и терроризма не оправдываются полностью, а идеи фундаментализма не находят в среде татар сколько-нибудь массового отклика.

Причины явления можно видеть, в частности, в органичной включенности татар в жизнь социума. Этнос – обычно закрытая система, в данном случае открыт для окружающей среды, среда изначально не противопоставлена ему как непонятная, и в силу именно этого – чуждая, враждебная. С точки зрения ментальности, культуры окружающая среда не просто понятна, она – «своя», для одних «своя» – вторична, а для других – первична. В век глобализации в таком положении будет находиться, видимо, значительная часть диаспор малых этносов, переживающих неожиданные и резкие перемены своей жизни.

При том, что происхождение диаспор в наши дни разное, как и смысл самого понятия (Кондратьева, Милитарев), к крымским татарам более всего, но так же не полностью, подходит понятие

«диаспоры катаклизма», хотя с уже отмеченной принципиальной разницей: изначальной укорененностью в своих странах. «Диаспоры катаклизма, – пишет Р. Брубейкер (R. Brubaker), – в отличие от уже знакомых исторических или трудовых диаспор, возникают мгновенно, в результате резкого изменения политического устройства, вопреки желанию людей. Они более компактны по сравнению с трудовыми диаспорами, имеющими тенденцию быть рассеянными в пространстве и слабо укорененными в принимающих странах».

Крымско-татарский этнос как единое целое образовался в результате катаклизма – насильственной депортации. Образование самого этноса произошло исторически мгновенно: за срок смены двух демографических поколений. Три субэтноса – прибрежный, горный и степной – имели существенные различия в культуре и языке. На родине они только вступили в процесс интенсивного культурного синтеза, конечным результатом которого должен был стать единый этнос, с культурой, превосходящей культуру исходных субэтносов, возможно, на несколько порядков. Депортацией в Центральную Азию медленный этот процесс был ускорен до стремительности. Синтез субэтносов, который в естественных условиях происходит в течение нескольких десятилетий, иногда – столетий, начался одномоментным насильственным перемешиванием представителей всех субэтносов. Произошло это в экстремальных условиях: на грани физического выживания в лагерях спецпереселенцев. В этих лагерях они были лишены не только возможности развивать национальную культуру, но основных гражданских прав.

Позднее, когда на чужбине выросли новые поколения, они оказались востребованы в промышленном развитии региона. Развитие это инициировалось не внутренними процессами развития, а внешним и во многом чуждым для Азии государственным давлением СССР – наследника Российской империи. Эта востребованность отделила депортантов от местного сельского хозяйства, где они должны были контактировать, в частности, с культурно близким тюркским населением, и насильственно интегрировала их в русскоязычную среду, ориентированную на государство-империю. Все это привело к утрате многих элементов национальной идентичности и, поскольку «свято место пусто не бывает», замене их элементами русской культуры и русской национальной идентичности.

Три крымских тюркских субэтноса, депортированных в Центральную Азию, на родине были заняты преимущественно

в сельском хозяйстве, не отличались высоким уровнем образования и вовлеченности в русскую культуру. Единый этнос крымских татар после распада СССР вернулся на родину уже не сельским, а городским и утратившим во многом национальную культурную идентичность. Новые поколения имели среднее и высшее техническое образование, были русскоязычными и русскокультурными горожанами. Данная метаморфоза не была случайной.

Для титульных наций в союзных и автономных республиках СССР, в том числе и для крымских татар до депортации, вертикальная мобильность облегчалась национальной принадлежностью. В Центральной Азии вертикальная мобильность за счет национальных предпочтений для крымских татар была полностью исключена. Карьера для них открывалась только за счет личного профессионализма и высокого уровня сложности рабочей силы, дающей возможность неоднократно менять профессию в течение жизни. И так было на протяжении двух демографических поколений, т.е. рожденных в интервале 1946–1986 гг. В результате в семьях крымских татар создалась устойчивая ценностная ориентация на среднее и высшее образование. Для национальных меньшинств она была традиционна в России и СССР практически только для евреев. В свою очередь возможность вертикальной мобильности за счет знаний способствовала росту общей культуры, а рост культуры оказал влияние на характер политической борьбы – упор на ненасильственные, гандистские методы.

Данная ценностная установка оставалась неизменной и после падения СССР, возвращения на родину, несмотря на перемены почти во всех сферах жизни, несмотря на трудности как с получением образования, так и с последующим трудоустройством. Сама установка, причины ее породившие и следствия из них продолжают «жить» в общественном бессознательном этноса. Несмотря на заметное возрождение национальной культуры за последние 20 лет, тенденция, набравшая силу в изгнании, и сегодня остается неизменной. Выпускники школ повсеместно проходят тестирование на русском языке¹, а родители, как и 20 лет тому назад, отдают своих детей в русские школы. Татарские музыканты сетуют на

¹ Среди выпускников школ крымских татар, планировавших в 2011 г. пройти внешнее независимое тестирование, никто не выбрал родной язык в качестве языка прохождения теста. На сегодняшний день в Крыму подано 11,6 тыс. заявок на прохождение ВНО, в 97% из них в графе о языке указан русский.

любовь соплеменников к низкопробной русской и следующей в ее русле татарской попсе.

Об этом еженедельнику «Авдет» заявил Эмиль Меметов, музыкант-клавишник группы «Хаят!», признанной лучшим крымско-татарским ансамблем 2008 г. «Свадебные музыканты против своей воли вынуждены играть “Кайфуем”, “Самарканд” или “Боджа”, – рассказывает о музыкальных пристрастиях современных крымских татар Меметов. – Или вот это: “Мы, татары, любим поспать...”, или: “Сидят татары водку пьют”, “Джинна, джинна из кувшина”. Но на наших свадьбах заказывают и заказывают эти ужасные песни! Один только “Ташкент” чего стоит! Самая популярная песня на свадьбах. Многие подпевают, даже не осознавая смысла слов: “Родной Ташкент, ты родина моя”. Именно на свадьбах очень ярко проявляются проблемы нашей культуры. Но у нас, музыкантов, связаны руки. На свадьбах работает правило: кто танцует, тот и заказывает музыку». «Сегодня ноутбук – это первый инструмент у любого свадебного ансамбля. Как-то мы играли на свадьбе в одной из крымских глубинок. Разгар торжества, как всегда, гости толпятся в очереди. Подходит ко мне юная дама и заказывает песню Потапа и Насти Каменских. Я вежливо отвечаю, что их песен у меня нет. У девушки округляются глаза, и она надменно произносит: “Вы вообще Интернетом пользуетесь?”», – посетовал музыкант (2011, «Новый Регион – Крым»).

«Крымско-татарские издания возмущаются бытовой профанацией собственной истории.

Как, объясните, возмущается «Голос Крыма», можно назвать кафе, где едят, пьют, гуляют, отдыхают, ходят по нужде, именем крымского хана, его династии (причем, искажая оригинальный вариант), или непосредственно резиденции, которая на протяжении веков служила оплотом, сердцем великого государства? Или как можно было назвать («Диваном», *прим.* «ИР») увеселительное заведение именем совета при хане (если, конечно, «авторы» имели в виду предмет современного интерьера)? Это высшая форма невежества, плевок в лицо предков, создавших великую державу, с которой считались». Называя кафе и рестораны, отмечает «Голос Крыма», «святыми именами», их владельцы, возможно, демонстрируют недостаток обыкновенного, базового гуманитарного образования. «Но удивительно еще и то, что крымским татарам такие оказии вообще до лампочки. Порой кажется, что ничего святого не осталось. Это выражается хотя бы в том, что среди широченного и разветвленного рынка ликеро-водочной продукции занимает свое

место и национальный бренд «Ханский коньяк», который рождается, разливается в стеклянную тару и начинает свое путешествие по миру в бывшей столице крымского государства Бахчисарае». Вот так люди среднего возраста и молодежь выучили главный урок: «Мы, конечно, патриоты, но с поправкой на ветер», – пишет «Голос Крыма». Между тем, по данным украинских СМИ, у производителей «Бахчисарай Ханский 5*» амбициозные планы: к концу 2011 г. войти в ТОП-5 украинских коньяков в своем ценовом сегменте (2011, «Новый Регион – Крым»).

Живучесть наследия депортации зафиксирована, что показательно, в частности, в новейших программных документах политических организаций. Так в Программе «Милли Фирка», политической организации крымских татар, созданной уже в XXI в., констатируется: «Молодежь все больше и больше утрачивает интерес к национальной жизни, культуре и родному языку, предпочитая участие в более успешных и “перспективных” социокультурных проектах... Многие молодые люди без ясного представления о своем будущем, подвергаясь скрытой, а порой и явной дискриминации по национальному признаку, отказываются от национального в надежде занять достойное место в обществе в соответствии со своими способностями, талантом и энергией, как правило, за пределами Крыма».

Как пойдет дальнейшее развитие этноса? Эта проблема порождает фобии как внутри этноса, так и вне его, относительно проявлений межнациональной и межконфессиональной конфронтации. Фобии подогреваются событиями и тенденциями как на постсоветском пространстве, так и в мусульманском мире в целом.

С одной стороны, очевидно, что ненасильственные методы оказались успешными для крымских татар, возможно, только в условиях катастрофы советского режима, а также первоначальной неустойчивости режимов ряда постсоветских государств, в том числе Украины, с другой – становится все более очевидным, что реализация целей крымских татар в результате прежних методов борьбы принципиально неосуществима. Если так, то можно ли ожидать в Крыму силовых методов борьбы, таких как терроризм, в том числе исламский? Надо ли ожидать вооруженных методов борьбы? Оправданы ли связанные с этим фобии славянского населения в Крыму и за его пределами?

«Крым рискует превратиться в горячую точку», – пишет киевский журнал «Фокус». «Недавние события в Киргизии показали, что при критическом количестве нерешенных проблем дос-

таточно одной искры, чтобы произошел этнический взрыв... Любое замыкание крымско-татарской общности в себе, прекращение процесса их интеграции в государство явно не будет способствовать уменьшению радикальных настроений в их среде», – пишет «Фокус», подчеркивая, что сегодня до 8 тыс. крымских татар являются сторонниками исламистов из «Хизб ут-Тахрир». «Счастья людям хочется всегда, даже если в качестве единственного инструмента для его достижения им оставляют крайние средства. Например, автомат Калашникова», – размышляют авторы киевского журнала (2010, «Новый Регион – Крым»).

Все познается в сравнении. В Центральной Азии источник терроризма, вооруженной борьбы, национализма и фундаментализма в том, что население молодеет, «издержки» образования и безработица растут, коррупция чудовищная, война кланов затрагивает все слои населения, социальные люфты практически отсутствуют, контраст между городом и деревней резкий, экстремистское подполье активно, повсеместно не хватает продовольствия, электроэнергии, воды, зато в избытке негативные социальные явления, связанные с незаконным оборотом наркотиков.

В Крыму не только отсутствуют подобные детонаторы, но есть ограничители экстремизма, связанные с историей и природой. Крым – не Северный Кавказ, партизанская борьба здесь невозможна, хотя бы по природным условиям. Сколь-нибудь массовый терроризм нереален, поскольку он означает не просто противостояние с центральной властью в Киеве, но не исключает иные, ныне кажущиеся невероятными следствия. Так, хотя Крым – не Осетия, лучшего предлога для защиты соотечественников правительству РФ не придумать. Наконец, пока крымские татары будут в явном меньшинстве среди населения полуострова (т.е. как минимум еще 40 лет), память о депортации будет жить. По тем же причинам с ваххабизмом ведут и будут вести непримиримую борьбу не только светские крымско-татарские организации, но и официальный муфтият Крыма, а борьба крымских татар за свои права будет идти в правовом поле.

«Страны Востока: Социально-политические, социально-экономические, этноконфессиональные и социокультурные проблемы в контексте глобализации», М., 2012 г., с. 218–222.

А. Казанцев,

политолог

КУДА ИДЕТ ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ: МЕНЯЮЩИЕСЯ РОЛИ ГЛОБАЛЬНЫХ ИГРОКОВ В ПЕРСПЕКТИВЕ ДО 2020 г.

В силу высокой региональной неопределенности в Центральной Азии всегда могут произойти события, выходящие за пределы самых смелых прогнозов, прежде всего негативных. Особенно это существенно в условиях, когда резко повысилась неопределенность во всей системе международных отношений. Однако и вопрос о перспективах развития в этой ситуации приобретает особую остроту, особенно в региональной политике России. В данной статье мы проанализируем перспективы развития ситуации в регионе до 2020 г. Ключевое внимание в нашем анализе будет уделяться вопросам региональной политики вовлеченных в регион ключевых глобальных игроков, так как наибольшую региональную неопределенность создает именно их тенденция то эффективно взаимодействовать (например, в период активизации глобальной войны с терроризмом после терактов в Нью-Йорке и Вашингтоне), то, напротив, противостоять друг другу (например, в период «цветных революций» на постсоветском пространстве).

В рамках данного исследования будет использована методология сценарного анализа, разработанная Национальным советом по разведке США (Mapping the global future..., 2004). В соответствии с ней мы кратко рассмотрим «движущие силы» («драйверы»), которые будут далее определять ситуацию в международном регионе в среднесрочной и долгосрочной (до 2020 г.) перспективе. Особое внимание будет уделено региональным рискам. Затем мы обратимся к возможной эволюции центральноазиатских политик ключевых глобальных игроков. В заключение будут сформулированы основные сценарии эволюции ситуации в регионе с точки зрения политики в нем крупных мировых держав, втянутых в так называемую новую «Большую игру».

Как в самом международном регионе Центральной Азии, так и в отдельных его странах будет сохраняться довольно неопределенная ситуация. Поскольку в большинстве стран региона не возникла эффективная модель развития (см. подробно: Казанцев, 2008, с. 51–70), постольку будет сохраняться в качестве основной угроза образования «несостоявшихся государств», не контролирующей свою территорию (особенно это важно для небольших

и слабо обеспеченных углеводородными ресурсами Киргизии и Таджикистана). В Центральной Азии всегда будет сохраняться и угроза обострения других разнообразных вызовов безопасности (внутри- и межгосударственные конфликты, терроризм и религиозный экстремизм, наркотрафик, неконтролируемая миграция и т.д.).

В условиях бедности, конфликтов, слабости государственных структур транзитные наркопотоки из Афганистана в Европу через Центральную Азию по-прежнему останутся важным международным фактором. При этом продолжающийся внутри постсоветских государств социальный и в еще большей степени культурно-идентификационный кризис сохранит долгосрочную тенденцию к росту наркопотребления среди молодежи. В этих условиях организованная международная преступность останется одной из важнейших угроз безопасности стран Центральной Азии. Эколого-климатическая ситуация в мире в целом в связи с глобальным потеплением тревожная. Это еще больше ударит по находящемуся в кризисном состоянии водному балансу региона и усилит все кризисные тенденции.

В исламском мире будет продолжаться развитие различного рода экстремистских движений, направленных против вестернизирующей глобализации, что скажется и на Центральной Азии. Инициативу в реализации идей исламской солидарности, в том числе в экстремистских формах, будут по-прежнему брать на себя негосударственные игроки (политико-религиозные общественные движения, исламские фонды, СМИ, разного рода религиозные сети, включая террористические). В то же время ни одно из государств исламского мира (включая Турцию) не сможет рассматриваться как один из ключевых внерегиональных игроков на центрально-азиатской арене. Таким игроком, консолидирующим против себя все международное сообщество, может стать только какое-либо экстремистское исламское государство. Например, такой игрок может возникнуть, если в основной части Пакистана (Пенджабе), а не на его племенных пуштунских окраинах придут к власти радикальные исламисты, связанные с «Талибаном» (вероятность чего в этой стране, пока основную политическую роль там играет армия, довольно низка).

Демографическая ситуация в самой Центральной Азии (за исключением Казахстана), а также в странах к югу от нее (Афганистан, Пакистан, Индия) будет сохраняться взрывоопасной, так как продолжится неконтролируемый рост населения. Это также

усилит все основные внутригосударственные и международные противоречия. Тем более существенно это в связи с депопуляцией европейской части постсоветского пространства и далее на западе – стран ЕС, куда продолжают устремляться все более интенсивные миграционные волны из Центральной и прилегающей к ней части Южной Азии (Афганистан, племенная часть Пакистана). Последние будут направляться в Европу, в том числе и через Центральную Азию и Россию. Все усиливающемуся миграционному давлению внутри региона подвергнется Казахстан как наиболее ресурсообеспеченная и богатая страна Центральной Азии с относительно невысокой рождаемостью.

В связи с глобальной тенденцией к исчерпанию ключевых ресурсов (прежде всего, углеводородных) будет также сохраняться интерес важнейших мировых потребителей сырья (прежде всего, Китая, ЕС и Индии) к региону, хотя этот интерес будет серьезно колебаться в зависимости от темпов роста глобальной экономики. В этом плане ключевые мировые игроки продолжают попытки реализации транспортных и энерготранспортных проектов (например, проектов «Набукко», транскаспийских трубопроводов, транс-афганского газопровода и т.д.).

Однако в условиях чрезвычайно неопределенной ситуации в мировой экономике в связи с глобальным кризисом трудно предсказывать стабильный рост экономик производящих сырье стран (кроме нефте- и газодобывающих). Таким образом, определенные перспективы на серьезные и стабильные источники экспортных доходов есть только у Казахстана с его нефтяными запасами и, в меньшей степени, Туркменистана с его газовыми ресурсами. Все остальные страны региона, включая даже Узбекистан с его достаточными, прежде всего для собственного потребления, запасами углеводородов, продолжают страдать от постоянных колебаний в спросе и ценах на сырье.

В мире до 2020 г. продолжится изменение соотношения сил ключевых мировых игроков, особенно ускорившееся в ситуации глобального кризиса. Ключевыми в этом плане будут уменьшение возможностей США и рост потенциала Китая и Индии. Изменение соотношения сил ключевых мировых игроков спровоцирует дальнейший рост глобальной неопределенности. В связи с этим Центральная Азия с ее «центральнойностью», важным положением «посреди Евразии» останется существенной картой в глобальной стратегической игре, а «старые» (Россия, США, ЕС) и «новые»

(Китай, Индия) ключевые глобальные игроки будут сохранять интерес к данному региону.

Россия в обозримой перспективе будет оставаться одним из самых важных игроков в регионе Центральной Азии за счет культурно-исторических связей, военно-политического влияния и некоторых видов социально-экономических связей, например трудовой миграции из региона. Последняя в силу большого числа факторов будет только возрастать при реализации практически любого сценария. Однако возможности российского контроля над маршрутами транспортировки энергоресурсов из региона практически исчерпаны после реализации китайских нефте- и газопровода. Многовекторность стала состоявшимся фактом во всех измерениях, и последняя монополярная привязка Центральной Азии к России, созданная в советское время в виде нефтегазовой инфраструктуры, перестала быть монополярной. Чем быстрее Россия выйдет из образовавшейся «концептуальной паузы» в своей внешнеэкономической политике и найдет новые, пусть менее масштабные, чем политика глобальной «энергетической сверхдержавы», экономические приоритеты в регионе, тем лучше.

Важно обратить внимание на то, что в стратегическом плане России придется во все большей мере маневрировать между другими игроками, имеющими больше чисто экономических ресурсов для региональной политики, прежде всего Китаем и ЕС. В этом плане существенно обратить внимание на постепенное изменение баланса сил между Россией и Китаем как партнерами по ШОС в силу чисто экономического фактора (в этом плане полезно обратить внимание на развенчание некоторых мифов о российско-китайском стратегическом партнерстве, см.: Lo Vobo, 2008). Чтобы не превратиться в младшего партнера Китая (причем не только в Центральной Азии, но и на своих собственных восточных территориях), России уже в перспективе до 2020 г. придется уравнивать китайское влияние при помощи ресурсов ЕС, США, Японии, Индии и т.д. То же самое можно сказать и о США – другом игроке, использующем в регионе преимущественно военно-политические инструменты влияния, которому также придется все активнее балансировать между другими игроками. Однако Россия и США именно в силу своей высокой роли в военно-политическом плане будут сохранять роль важных арбитров в ряде ключевых стратегических вопросов в регионе. Бывшая сверхдержава (Россия) и сверхдержава, которая может к 2020 г. стать бывшей (США), неизбежно в своей центральноазиатской политике будут

переходить к стратегии, которая используется самими центрально-азиатскими государствами из-за недостатка ресурсов, – многовекторному балансированию.

У США в среднесрочном и краткосрочном плане нет больше ресурсов на такой далекий регион, как Центральная Азия. В этом плане можно прогнозировать долгосрочную тенденцию к прекращению сильного давления на центральноазиатские и другие постсоветские государства (как это имело место в период поддержки администрацией Буша «цветных революций», когда американскую политику в существенной мере определяли неоконсерваторы). Однако афганская проблема и вопросы борьбы с глобальным терроризмом привязывают американские интересы к этому региону в долгосрочном плане. Даже в случае полного вывода американских войск правительства Пакистана и Афганистана продолжают получать американскую военную помощь в больших размерах. В противном случае дестабилизация в Южной Азии приобретет характер глобальной «черной дыры». В этом плане долгосрочной актуальной задачей останется обеспечение Северного маршрута снабжения в Афганистане. В связи с недостатком собственных ресурсов США придется все в большей степени маневрировать, используя других ключевых игроков в Центральной Азии.

Уже сейчас администрация Обамы проявляет готовность установить долгосрочные отношения взаимовыгодного сотрудничества с Китаем, Индией и Россией, даже, в определенной степени, в ущерб старым евроатлантическим партнерам и Японии. Это видно и по риторике администрации США, и по числу встреч Обамы с зарубежными партнерами (европейская пресса активно жалуется на то, что президент США все реже встречается с европейскими лидерами), и по реальным внешнеполитическим шагам вроде «перезагрузки» отношений с Россией и глобального партнерства с Китаем. Однако партнерство США с такими старыми союзниками, как государства – члены ЕС, Япония, Южная Корея, Турция и Израиль, в том числе в решении центральноазиатских вопросов, разумеется, сохранится. Речь идет лишь об увеличении доли внешнеполитического маневрирования.

В связи с недостатком ресурсов у США можно ожидать усиления региональной роли ЕС, который, возможно, станет основным западным игроком в Центральной Азии. Существует определенная инерция процессов «европеизации», т.е. распространения европейских норм и ценностей на сопредельные с Европой пространства. Центральная Азия неизбежно будет продолжать ос-

таваться объектом политики «европеизации» как на уровне государств, так и на уровне обществ, так как она сама приветствует разного рода формы сотрудничества с ЕС, несмотря на различия культур и систем ценностей. Однако именно это различие, при наличии устойчивой нормативной привязки внешней политики ЕС к «европейским нормам и ценностям», останется основным препятствием для регионального влияния «Единой Европы».

В целом можно спрогнозировать расширение на Центральную Азию программ вроде «Восточного партнерства». ЕС может стать основным региональным конкурентом России и Китая. Становление «Единой Европы» как глобального политического игрока и пристальное внимание к вопросам энергобезопасности (ЕС во все большей мере будет зависеть от поставок энергии извне) усилят эту конкуренцию. Это будет в дальнейшем порождать соперничество между Россией и ЕС в геополитическом плане и в плане соревнования «мягких сил» (Popescu, Wilson, 2009). При этом внутренний раскол Европы по поводу политики в отношении к России вряд ли может быть полностью преодолен, так как он связан с долгосрочными внешнеполитическими традициями и интересами отдельных европейских государств.

Рост индийской экономики, повышающий интерес к центральноазиатским ресурсам, а также стратегическое соперничество с Пакистаном по-прежнему будут притягивать к региону Индию. Однако, учитывая огромные внутренние социально-экономические проблемы Индии, наличие конфликта с Пакистаном и его старым союзником Китаем, отсутствие сухопутных путей в Центральную Азию помимо территорий Пакистана и КНР, индийское экономическое влияние в регионе никогда не будет сопоставимым ни с китайским, ни с европейским.

Основные перемены в исторической судьбе Центральной Азии могут быть связанными с Китаем. В долгосрочной перспективе Центральная Азия может оказаться в сфере китайской гегемонии, хотя последняя и будет смягчаться влиянием России и конкуренцией со стороны ЕС, США и Индии. Как неоднократно отмечал известный российский исследователь А.Д. Богатуров, может сформироваться единый Центрально-Восточноазиатский регион. При этом геополитические «привязки» Центральной Азии к исламскому миру, к постсоветскому и евроатлантическому пространству ослабеют.

Можно предположить, что в краткосрочной и среднесрочной перспективе развернется более активная конкуренция за регио-

нальное влияние между Китаем и ЕС, где основными инструментами будут экономический потенциал и «мягкая сила». При этом будет происходить медленное подключение Индии к этому соревнованию, хотя, как полагаем, в обозримом будущем индийское влияние в регионе не будет сопоставимым ни с китайским, ни даже с европейским. Россия и США с их преимущественно военно-политическими инструментами регионального влияния будут при этом играть роль балансирующих сил и основных арбитров, более близких к Китаю (в случае России) или к ЕС (в случае США) и одинаково благожелательно настроенных к Индии.

Эта новая конфигурация, которая под влиянием глобального кризиса может сложиться в перспективе до 2020 г., все еще будет сохранять старую многовекторную и неопределенную ситуацию в Центральной Азии после распада СССР. Но она будет намного более определенной, чем в период 1991–2008 гг. Следовательно, глобальный экономический кризис за счет ускорения изменения соотношения глобальных сил должен оказать решающее влияние и на ситуацию в Центральной Азии.

Китай – одна из немногих (наряду с Индией) экономик, продемонстрировавших хорошую адаптацию к мировому кризису. Уже в 2009 г. Китай занял второе место в мире по размеру ВВП, обойдя Японию. Еще более важен стремительный рост технологического потенциала этой страны. Надо иметь в виду, что если считать экономику ЕС единым целым, то Китай серьезно уступает и этому квазигосударственному образованию. Достаточно вспомнить в этом плане про мощь экономики Германии, являющейся вторым в мире экспортером после Китая, причем немецкий экспорт, в отличие от китайского, высокотехнологичен. Китайская экономика в перспективе может превзойти и ЕС, и США, хотя произойдет это, скорее всего, уже после 2020 г. Правда, следует отметить, что в Китае существуют и ограничители роста, которые могут в любой момент «сработать». Это очень плохая экологическая ситуация, рост неравенства и социально-экономических противоречий внутри китайского общества, высокая коррупция внутри государственного и партийного аппарата, сепаратизм национальных окраин. Еще важнее то, что уже к 2010 г. стоимость китайской рабочей силы серьезно выросла в силу изменения демографической ситуации и выявившегося недостатка рабочих рук, роста организованности и требований китайских рабочих, попыток государства преодолеть социально-экономические диспропорции и т.д. В результате прибыльность предприятий уменьшается. По-

этому мировые инвесторы могут начать искать Китаю замену, скажем, в виде Индонезии или Индии. КНР также предстоит решать задачи по переходу от экспортно-ориентированного роста к росту, ориентированному на внутренний спрос. Пока это делается за счет массивов государственных капиталовложений в инфраструктуру и новые технологии, но эта ситуация не может продолжаться вечно. Придется развивать внутренние рынки, т.е. еще больше увеличивать доходы населения, а прибыльность предприятий и темпы роста в результате могут серьезно замедлиться.

В перспективе до 2020 г. продолжится рост политического влияния Китая в развивающихся странах Азии, Африке, Латинской Америке, поддерживаемый китайскими капиталовложениями, массовой скупкой сырья, ростом «мягкой силы» Китая. В этом плане руководство КНР не выделяет особенно Центральную Азию. Разумеется, есть определенные стратегические соображения, связанные с использованием транспортных возможностей и ресурсов Центральной Азии для создания альтернативы снабжению через Тихий и Индийский океаны. Есть также важная региональная привязка к проблемам (сепаратизм, исламский экстремизм) и перспективам развития Синьцзяна, кстати, одного из самых отсталых регионов Китая. Однако пока (да и в обозримой перспективе) Центральная Азия не является зоной, куда китайские ресурсы идут в привилегированном порядке. Это связано с тем, что вкладывать ресурсы в Центральную Азию не в интересах самых развитых приморских регионов Китая. После ухода от власти Цзян Цзэминя и ослабления Шанхайского клана их политические позиции ослабели, но они по-прежнему определяют экономическое развитие КНР. В этих условиях региональная гегемония Китая может быть только результатом слабости его основных конкурентов по влиянию на Центральную Азию (России, ЕС, США, Индии), у которых недостает либо интереса, либо ресурсов для того, чтобы эту потенциальную китайскую гегемонию не допустить. В связи с этим ее можно рассматривать как один из возможных сценариев развития ситуации.

Стиль внешней политики Китая, направленный на эффективное и прагматичное сотрудничество со всеми игроками и воспитанный его специфической тысячелетней геополитической традицией и богатой культурой, может также серьезно смягчить эту будущую гегемонию. Вопрос заключается в том, будет ли Китай проводить столь удачную и не нарушающую интересы других игроков внутри и вне региона политику и в том случае, когда его

влияние станет близким к господствующему? Исторический опыт экспансии китайских империй в Центральной Азии (прежде всего, Ханьской и Танской) свидетельствует, что первоначальная «мягкая» политика со временем сменялась все более жесткой китаизацией. Разумеется, Китай с ходом истории меняется, и его лидеры вполне могут не повторять в будущем ошибок старых имперских правительств.

Перечисленные выше соображения позволяют сформулировать ряд основных сценариев развития ситуации в регионе.

Сценарий 1. Концерт держав. Две основные противостоящие друг другу группы государств, втянутых в новую «Большую игру» (Россия и Китай, с одной стороны, США и государств ЕС – с другой), сначала вводят свое противостояние во все более строгие рамки, а затем создают механизмы взаимодействия по образцу «концерта держав» XIX в. Это создает основу для минимизации конфликтов внерегиональных сил в Центральной Азии. Соответственно, риски на уровне региона начинают уменьшаться, так как сами государства Центральной Азии втягиваются в процесс позитивного взаимодействия. В пользу реализации этого сценария говорит увеличение региональных рисков, с которыми ни государства региона, ни крупные внерегиональные акторы справиться каждый в отдельности не могут. Кроме того, у основных противостоящих сил предшествующего раунда новой «Большой игры» (России и США) в ситуации глобального экономического кризиса остается все меньше свободных ресурсов для соперничества. ЕС и Китай, которые имеют эти ресурсы, проводят политику значительно более мягкую и направленную на многостороннее сотрудничество, т.е. они в меньшей мере создают основу для продолжения новой «Большой игры», чем Россия и США.

Сценарий 2. Потеря интереса к региону со стороны крупных мировых игроков. В условиях сохранения нестабильности в мировой экономике все ключевые мировые державы концентрируются на собственных проблемах или различных регионах мира, отдаленных от Центральной Азии. Однако этот сценарий прекращения новой «Большой игры» принесет региону мало пользы. Ведь он означает, что страны региона останутся один на один со все растущими региональными рисками. В пользу реализации этого сценария говорят следующие соображения. Уже сейчас интерес США к Центральной Азии определяется в основном проблемой Афганистана. Россия после строительства китайских трубопроводов все меньше интересуется регионом, экономические возможно-

сти в котором для нее резко уменьшились (в качестве мотивов вовлечения остаются, пожалуй, лишь миграционные процессы и вопросы безопасности). Доказательством уменьшения интереса служит недавний отказ Москвы от проведения по просьбе Бишкека операции по прекращению антиузбекских погромов. Китай вкладывает в Африку и другие, не менее отдаленные, районы мира куда больше средств, чем в Центральную Азию. ЕС пока концентрируется преимущественно на странах «Восточного партнерства».

Сценарий 3. Продолжение новой «Большой игры». На место «выдыхающихся» игроков предшествующего раунда новой «Большой игры» все активнее приходят новые – ЕС и Китай. При этом их соперничество подкрепляет старое политическое соперничество России и США, а их экономические ресурсы подкрепляют соответственно: в случае Китая – Россию, в случае ЕС – США. В этом случае для стран региона сохраняется необходимость маневрирования между противостоящими коалициями. С одной стороны, они будут иметь возможность и дальше использовать это соперничество в своих интересах, получая помощь обеих сторон и используя мотивы соперничества за влияние на регион для увеличения иностранной помощи. С другой стороны, это соперничество не даст возможности создать эффективные механизмы взаимодействия внерегиональных игроков для противодействия растущим рискам. В пользу реальности этого сценария говорит продолжение идеологического противостояния (западная демократия – не западная (не)демократия) по линии «коалиция Россия – Китай – коалиция США – ЕС».

Сценарий 4. Региональная гегемония Китая. В условиях роста глобального влияния КНР эта страна берет за себя полную ответственность за ситуацию в регионе. США, заинтересованные в том, чтобы «сбросить» с себя бремя поддержания стабильности в Афганистане, соглашаются на это. ЕС, лишенный политической поддержки США, также отказывается от расширения «Восточного партнерства» на регион. Интересы ЕС в этой ситуации ограничиваются Южным Кавказом, а границы между потенциальными сферами влияния проходят по Каспию. Ведь уже сейчас максимум, что обсуждают в ЕС, – это строительство Набукко, а о Транскаспийском газопроводе речи не идет. Россия в рамках партнерства с КНР вынуждена приветствовать это расширение китайского влияния. Однако здесь имеют место и негативные последствия с точки зрения наших национальных интересов. Китай продолжает тен-

денцию на вытеснение Москвы из региона, выходя уже за пределы экономической сферы, где этот процесс имеет место в настоящее время. При этом Россия все больше становится «младшим партнером» КНР.

В заключение можно констатировать, что с точки зрения национальных интересов России наиболее перспективным является первый сценарий. Сценарий 2 предполагает увеличение региональных рисков в непосредственной близости от границ России. Сценарий 3 предполагает активную трату российских ресурсов на противостояние Западу, от которого, видимо, куда больше выигрывает Китай (пример – строительство китайских трубопроводов и прекращение российского контроля над региональными энергоресурсами), чем Россия. Сценарий 4 предполагает отказ от статуса великой региональной державы в пользу роли младшего партнера Пекина. Описанные выше перспективы вызывают определенную тревогу в российском и мировом экспертном и политическом сообществе, заставляют пересмотреть сложившиеся ранее представления о средствах, целях и перспективах региональной политики как России, так и ряда других ключевых глобальных акторов.

«Политэкс-Politex», СПб., 2012 г., т. 8, № 4, с. 84–94.

М. Ташиева,

политолог (РУДН)

ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИЕ КОНФЛИКТЫ: ИХ ОСОБЕННОСТИ В РЕСПУБЛИКЕ КИРГИЗИЯ И ПОДХОДЫ К РЕШЕНИЮ

Современную эпоху можно назвать эпохой конфликтов (от латинского слова *conflictus*, что значит столкновение, серьезное разногласие или спор, чреватые осложнениями, борьбой). Как подчеркивается в «Политической энциклопедии», конфликт есть один из типов социального взаимодействия индивидов, социальных общностей и социальных институтов, при котором действия одной стороны, столкнувшись с противодействием другой, препятствуют реализации ее целей (интересов). Появилась новая отрасль науки – конфликтология, призванная изучать проблемы происхождения, развертывания, регулирования и разрешения разного рода конфликтных ситуаций в обществе. В центре внимания этой науки – изучение этнических конфликтов. Трудно назвать такую страну, которая бы не знала никаких – прямых или косвенных –

межэтнических противоречий и конфликтов. Свое проявление они находят и на территории бывшего СССР, опровергая тем самым господствовавшую тогда теоретическую установку о бескризисном развитии советского общества. В учебнике профессора Н.П. Медведева по политической регионалистике говорится, что на территории бывшего Советского Союза существует более 100 потенциальных очагов конфликтов, нацеленных на перераспределение политической власти в новых независимых государствах, а также на изменение их национально-государственного устройства. Только в Киргизстане, по сообщению председателя Государственного комитета национальной безопасности Республики Киргизия, имеется 147 очагов межнациональной розни, которые могут перейти в открытый конфликт.

Образование мононациональных государств в условиях смены политических режимов, социально-экономических систем и принципов управления неизбежно порождает разного рода конфликты, в том числе этнические. Это проявилось на всей территории бывшего СССР. Не стал исключением и регион Центральной Азии. Как подчеркивают А. Исаев и А. Алмакулов, в странах Центральной Азии в основу государственного строительства изначально был положен этнический принцип, осуществлялась политика, направленная на приоритетное развитие титульной нации и повышение ее доли в общей структуре населения. Представителями некоренных наций происходящие изменения были восприняты как угроза этнокультурной безопасности, это поставило их в ситуацию острой этнической дезадаптации.

Пути и формы урегулирования межэтнических конфликтов и отношений в любом государстве во многом зависят от характера установленной в нем политической системы. В этом отношении центральноазиатские республики бывшего СССР представляют весьма непростую картину. Как пишет известный казахстанский политик доктор политических наук Касым-Жомарт Токаев, «центральноазиатские республики уже сильно отличаются друг от друга с точки зрения политических систем. Они в основном пошли по пути «просвещенного авторитаризма». Правда, с просвещенностью вышла некоторая неувязка, с ней в отдельных государствах случился явный дефицит, в то же время с авторитаризмом проблем не существует, его оказалось в достатке».

Рассмотрим, какая политическая система установилась в Киргизстане, какие пути и формы урегулирования межэтнических конфликтов и отношений она, т.е. политическая система, предпо-

читает использовать. Становление государственности Киргизской Республики и новой политической системы произошло через возрождение полуфеодальной системы общественных отношений. Киргизский клан – это региональное объединение, опираясь на которое и действуя в его интересах, тот или иной политик участвует в политической борьбе и претендует на долю во власти и распределении ресурсов. И.Д. Зягелевская отмечает, что «возрождение кланово-семейных связей и национализма было продиктовано естественным чувством выживания человека, для обретения социального комфорта в условиях дикого рынка, слома традиционных экономических отношений, политической и социальной нестабильности на постсоветском пространстве».

За период с 2005 по 2012 г. в Республике Киргизия произошли серьезные социально-политические изменения – «тюльпановая революция» 24 марта 2005 г., политический переворот 7 апреля 2010 г., тяжелейший межнациональный конфликт на Юге республики в июне 2010 г., выборы Президента Республики Киргизия.

Напомним, анализ событий приводит к выводам о том, что причинами конфликта на Юге страны в 2010 г. были:

- социальная напряженность в регионе и незащищенность граждан, отсутствие жилья и безработица, социально-экономическое отставание Юга Киргизстана, кадровая чехарда как результат государственного переворота 7 апреля 2010 г.;

- бездействие властей по своевременному предотвращению сепаратистских настроений среди узбеков, митингов и пикетов. Мэр города Ош М. Мырзакматов, пишет, что на его письмо с предупреждением о возможном конфликте на Юге глава Временного Правительства Р. Отунбаева не отреагировала, позже она сослалась на то, что письмо затерялось среди документов;

- действия неформальных организаций во главе с узбекскими лидерами К. Батыровым, И. Абдурасуловым и др., ставшие причиной разжигания межнациональной розни. Напомним, основным требованием этих лидеров было создание узбекской автономии;

- отсутствие официальной и объективной информации. Очевидцы событий утверждают, что национальные телеканалы транслировали футбольные игры вместо того, чтобы освещать события на Юге;

- запоздалое и замедленное реагирование официальных властей на поступающую к ним информацию. Представители Вре-

менного правительства приехали на место событий лишь через восемь часов после начала конфликта;

– феномен психологии толпы и действия подстрекателей и криминальных лиц в разжигании межнационального конфликта. Известно, что на домах в г. Ош во время трагедии были написаны слова «SOS» и «UZBEKZONE» светоотражающими специальными красками, которые не продаются в Киргизстане. Они были ввезены из за рубежа.

Неготовность силовых структур к непредвиденным обстоятельствам, неопытность руководителей высших ступеней в системе управления войск, недостаток информации у представителей центральной власти о сложной ситуации, нескоординированные действия военных комендатур. Е. Троицкий в статье «Драма власти в Бишкеке» отмечает, что в случае повторения кризисов в республике представляются два сценария развития событий: инерционный и кризисный.

Кризисный сценарий может характеризоваться следующими чертами: фактическим нарушением территориальной целостности Киргизстана и потерей контроля Бишкека над южными Ошской, Джалал-Абадской, Баткенской областями; эскалацией захватов люмпенизированной частью населения земель и домов; фактической потерей способности Бишкека к проведению внешней политики; экономическим коллапсом; эскалацией межэтнической напряженности, прежде всего между киргизами и узбеками; сползанием страны, вследствие наложения социальных, кланово-региональных и межэтнических противоречий, к гражданской войне.

При урегулировании межнационального конфликта июня 2010 г. на Юге страны между киргизами и узбеками в интересах обеспечения безопасности граждан, в целях скорейшей нормализации обстановки Временным Правительством был введен комендантский час на территории Ошской и Джалал-Абадской областей, принят Декрет «Об объявлении частичной мобилизации в Киргизской Республике», в зону конфликта были направлены войска. Однако быстро ликвидировать столкновения между этносами правительственным силам не удалось. Ввиду продолжающихся беспорядков Киргизская Республика официально обратилась к России с просьбой ввести в зону ошского конфликта «третьи силы». Однако Россия не стала вмешиваться в конфликт путем ввода военной силы. Президент России Д. Медведев отметил, что «это внутренний конфликт и пока Россия не видит условий для участия в его урегулировании». Помощь России выражалась через эконо-

мическую составляющую. Откликнулись на призыв о помощи и страны Организации Исламская конференция, выделив Киргизстану материальную помощь в сумме около 3,3 млн. долл. США. Для расследования причин и обстоятельств межэтнической трагедии Правительством Республики Киргизия была создана Национальная комиссия по расследованию июньских событий 2010 г. на Юге, которая провела расследование обстоятельств трагедии. Однако не на все вопросы в ее отчете есть ответы.

Сложной является проблема обеспечения пострадавших жильем. В настоящее время создана Государственная дирекция по восстановлению и развитию городов Ош и Джалал-Абад. Правительство Республики Киргизия приняло Постановление «О мерах по оказанию государственной помощи пострадавшим лицам в строительстве и восстановлении города Ош, Ошской и Джала-Абадской областей». Одновременно власти республики проводят акции примирения между киргизами и узбеками. Аксакалы (старейшины) обеих национальностей собираются вместе, обсуждают сложившуюся ситуацию, пытаются найти правильные решения. Священнослужители в Ошской области проводили усиленную работу по примирению граждан во время мусульманского праздника Рамазан, проводя совместные молитвы киргизско-узбекских верующих. Следует отметить, что киргизы и узбеки приверженцы одной религии – ислама. Этот фактор является одним из мощнейших инструментов психологического воздействия на людей в стране. Пока примирительные мероприятия охватывают только старшее поколение. Считается, что у обоих народов еще сильны традиции послушания, внимательного отношения к словам аксакалов. Однако времена изменились. Молодежь уже не так прислушивается к старикам, как прежде. Поэтому мирить, прежде всего, необходимо молодежь, тех, кто активно участвовал в межнациональном конфликте. Так, в печати сообщается, что в Москве несколько узбекских лидеров, в частности Кадыржан Батыров (он находится в розыске), некоторые его друзья-коллеги по депутатскому корпусу и другие выходцы из Ошской области встречались с узбекскими олигархами и просили богатых сородичей помочь продвижению интересов узбекского населения в южных регионах страны. На предоставленные им средства был снят двухчасовой документальный фильм про «геноцид узбеков» (на базе съемок, сделанных во время июньских событий), в Лондоне отпечатан фотоальбом тиражом 5 тыс. экземпляров, содержащий 200 характерных снимков. Альбом уже распространяют в западноевропейских

странах, а в Турции заказано еще 25 тыс. экземпляров издания. Эти люди обратились и к лидерам узбекских диаспор в Москве, Санкт-Петербурге, Англии, Франции, Канаде с просьбой посодействовать им в борьбе против киргизов. На часть собранных денег парней-узбеков отправляют в Пакистан, где они обучаются ведению боя. К. Батыров дал интервью одной из украинских газет, которая представила его как «лидера узбекского сопротивления, скрывающегося от расправы киргизских спецслужб».

Известный российский ученый Т.Г. Стефаненко в ряде научных трудов по этнопсихологии подчеркивает важность взаимного обмена информацией между этническими группами с соблюдением условий, способствующих изменению ситуации. Этот метод носит название информационного пути разрешения конфликтов. Поэтому для полного и глубокого изучения конкретной межнациональной ситуации необходимо проведение социологических исследований. Поисковое прогнозирование крайне необходимо на современном этапе развития межнациональных отношений. В Республике Киргизия возникла необходимость создания системы оперативного информирования о состоянии этнополитической ситуации. Доктор философских наук, один из ведущих специалистов в России в области межнациональных отношений и этнополитической конфликтологии Э.Н. Ожиганов подчеркивает важность разработки автоматизированных баз знаний – компьютерных средств анализа этнополитических конфликтов. Он говорит, что автоматизированные базы знаний о внутренних и внешних конфликтах могут быть использованы аналитиками с целью создания «аналогий» и концептуальной разработки интересующих их баз знаний. Хотя после событий 1990 г. рядом ученых проводились социологические исследования в области состояния этнополитической ситуации в южных регионах, но они носили случайный характер, не были систематическими. В.Н. Давыдов отмечает, что технология управления этнополитическими конфликтами – менее всего теоретически освоенная «территория». Поэтому он предлагает в качестве первого шага всесторонний анализ причин возникновения и механизмов развития конфликта, происхождения стадий и фаз, состава участников и их ролевых функций, а также выявление типа генезиса этнополитического конфликта. Если мы сравним причины этнополитических конфликтов 1990 и 2010 гг., то увидим, что они остались прежними, основные причины этнической напряженности остались неустраненными.

Поэтому наши практические рекомендации посвящены, в первую очередь, технологиям предупреждения внутригосударственных конфликтов, в частности созданию банка информации, включающего следующие разделы:

1) перечень регионов (областей) и муниципальных образований (городов и сельских районов), в которых имели место локальные межэтнические конфликты;

2) статистическую информацию о социально-экономической, демографической, миграционной и криминогенной ситуации в конфликтных регионах (районах) в динамике за последние три года;

3) нормативно-правовые документы органов власти районов (административных, ОВД, прокуратуры) по проблемам миграции и межэтнических отношений;

4) документацию этнических общественных объединений (уставы, планы работы, решения, заявления и т.п.);

5) материалы местных СМИ (районных газет, радио, наглядной агитации) по этнической тематике;

6) результаты социологического мониторинга, посвященного межэтническим отношениям (соцопросы и фокус-группы);

7) мониторинг интернет-материалов;

8) экспертные оценки динамики уровня напряженности на предконфликтной и постконфликтной стадиях.

Главным в стране остается необходимость развития демократических процессов, обеспечивающих людям разных национальностей равные права, одинаковые условия для проживания независимо от веры, национальности и языка.

«Вопросы национальных и федеративных отношений», М., 2012 г., вып. 3 (18), с. 173–179.

Х. Юнусова,

доктор исторических наук (НУУз им. М. Улугбека)

**ПРИЧИНЫ И ПОСЛЕДСТВИЯ ЭТНИЧЕСКИХ
ИНЦИДЕНТОВ В ФЕРГАНСКОЙ ДОЛИНЕ.
80-е ГОДЫ XX ВЕКА**

Советское правительство со дня установления советской власти вело политику беспощадных репрессий, в том числе депортаций. Гонения не только какой-то части населения, а целых народов привели к увеличению числа национальностей в Узбекистане.

Депортации проводились во многие регионы страны – в Сибирь, Среднюю Азию и Казахстан. По архивным данным об учёте специально переселённых по республикам, к 1 июля 1950 г. в Узбекской ССР насчитывалось 184 122 депортированных человека. Среди них бывших кулаков – 5860 человек, «власовцев» – 842, из Крыма – 126 114, из Грузии – 41 885, немцев – 7788, из Северного Кавказа – 884, калмыков – 746, из Молдавии – 3 человека. Также в годы Второй мировой войны в Узбекистан были переселены несколько народностей. Переселённые крымские татары, турки-месхетинцы, корейцы, греки и другие были заселены в несколько областей республики. Число турок-месхетинцев, насильно переселённых в 1944 г. из юго-западного края Грузии – Месхетии, составляло 110 тыс. человек. Эти народы были заселены в основном в города Ферганской области – Коканд, Кувасай, Маргелан и другие места долины. Также часть из них была заселена в некоторые районы Ташкентской области.

Следует отметить, что узбекский народ всегда был в хороших отношениях со всеми проживающими здесь народами. Своей добросердечностью, искренностью, гостеприимством он установил дружеские отношения со всеми. С турками-месхетинцами, имевшими схожие языки, религию и культуру, узбеки трудились плечом к плечу, были вместе и в дни печали, и в дни радости, а со многими даже породнились. За почти полувековой период времени не возникло никаких конфликтов в межнациональных отношениях. Так, в разгар ферганской трагедии большинство узбекских семей укрыли семьи турок-месхетинцев в своих домах. Несмотря на то что в годы правления М.С. Горбачёва (1985–1991) был создан ряд комиссий по проблемам депортированных народов, ситуация оставалась неизменной. Хотя «перестройка», начавшаяся после апрельского (1985) пленума ЦК КПСС, была нацелена на изменение экономики страны, проведение реформ, население многонациональной страны в результате объявленной демократии, гласности начало переходить на путь защиты своих национальных интересов. Насильно переселённые народы начали готовиться к переезду на родные земли. В Узбекистане усилилось движение крымских татар. Другие народы также вели активные действия с целью восстановления национальных традиций и обрядов.

Турки-месхетинцы трудились в основном в таких сферах, как торговля, бытовое обслуживание и т.д. Большинство же местного населения в основном было занято сельским хозяйством, где за тяжёлый труд получали мизерную зарплату. Работа в области

торговли и бытового обслуживания считалась престижной. Хотя турки-месхетинцы в местах своего проживания имели определённые льготы и работали в доходных местах, начавшаяся в 80-х годах XX в. «гласность» послужила толчком к действиям по их возвращению на родину. Турки-месхетинцы, как и другие депортированные народы, неоднократно обращались к руководителям различных инстанций и организаций с требованием разрешить им вернуться на свою историческую родину. Позднее это требование было предъявлено к вновь избранным народным депутатам СССР. Защищая свои интересы, они требовали разрешить им переселиться в Адигинскую, Аскизинскую и в Ахалцикинскую области Грузии. В этих делах активно участвовали лидеры турок-месхетинцев Таштан Асланов, Оббос Хахутадзе, Дурсун Исмаилов.

Однако после того как «вышестоящие организации не прислушались к их требованиям, они попытались специально усилить противостояние в дни открытия первого съезда народных депутатов». Как отмечает профессор Х. Бабабеков, «противоречия между местным населением и турками-месхетинцами усиливались из года в год». По его утверждению, основной причиной ферганских событий явилась плохая социально-экономическая обстановка в Узбекистане, в частности в Ферганской области. Одновременно местное население, чаша терпения которого тоже переполнилась в тяжелой социально-экономической обстановке в республике, выступило с серьёзными требованиями улучшить условия жизни, обеспечить молодёжь работой, покончить с несправедливостью в национальных отношениях. В этих актах недовольства наряду с молодёжью вынуждены были участвовать и люди старшего поколения, недовольные тяжёлой социально-экономической обстановкой в области. Свои требования они постарались выразить в лозунге «Повысить цены на хлопок!». Один из участников смуты так выразился о причинах недовольств: «В Фергане проживают люди разных национальностей – турки, крымские татары, евреи, немцы и другие. Однако удивительно то, что они, по сравнению с узбеками, живут сытно, зажиточно. Наша ли вина, что мы живём на селе, сеем хлопок?»

Анализ ферганских трагедий свидетельствует, что появление в периодической печати сообщений о том, что «скандал сначала возник между русским парнем и татаринцом, потом за русского парня заступились узбеки, а за татарина – турки-месхетинцы, в результате скандал резко разгорелся», было попыткой держать положение в Узбекистане в напряжении, запутать действия турок-

месхетинцев по возвращению на родину. 23 мая 1989 г. в Кувасае «возник инцидент» между молодёжью местной национальности и турками-месхетинцами. В результате погибло 56 человек, были сожжены более 400 домов, 116 транспортных средств, 8 промышленных предприятий, несколько школ, были ранены более 650 человек. Оказавшиеся в тяжёлом положении турки-месхетинцы 4 июня собрались около здания областного комитета партии с просьбой защитить их. Ввиду того, что дома многих турок-месхетинцев были сожжены, их жизнь была под угрозой, прибывшие в область войска совместно с местными жителями разместили их на военной учебной базе недалеко от старого города. С 3 по 12 июня в военный лагерь был эвакуирован 4981 человек, в том числе 1765 детей.

В связи с ухудшением положения во всей области постановлением Верховного Совета Узбекской ССР с 4 июня в области с 22 часов до 6 часов утра был введён комендантский час. В связи с чрезвычайным положением приказом коменданта Ферганской области были запрещены: проведение демонстраций, митингов, организация манифестаций, массовые сборы людей. Было указано принимать строгие меры в отношении лиц, сдающих в аренду свои дома людям старше 16 лет, хранящих холодное оружие, передвигающихся по территории Ферганской области после 22 часов. 12 организаторов стычек и скандалов были арестованы. Для предотвращения распространения таких действий во все уголки долины были созданы добровольные дружины. Первая такая дружина в составе 900 человек была создана в Алтыарыкском районе Ферганской области. Когда события дошли до Коканда, сюда из Риштанского, Ташлакского, Узбекистанского районов начала стекаться вооруженная различным холодным оружием молодежь. К 11 часам число собравшихся достигло более тысячи. В ходе беспорядков в Коканде участники бесчинств захватили кокандский химический завод, кокандский масложиркомбинат, автобазу, железнодорожный вокзал и еще несколько объектов. В связи с осложнением обстановки, работники внутренних дел охраняли только банки и отделения связи. 7 июня около Риштанского областного исполнительного комитета тоже собралось около 2–3 тыс. человек. Как указывается в сведениях по этим событиям, собравшиеся требовали освободить задержанных участников событий в Фергане и Коканде, повысить цены на хлопок, кокон и другую сельскохозяйственную продукцию, обеспечить население работой, решить жилищные проблемы. Точно такие же события произошли в местечке

Курашхона Наманганской области, и в них приняло участие более 400 человек.

Стычки между местной молодежью и турками-месхетинцами после событий в Кувасае продолжились в городах Ташлак, Маргелан, Фергана. В частности, в беспорядках в Ташлаке 3 июня приняло участие около 3 тыс. человек. Было сожжено несколько принадлежащих туркам-месхетинцам домов. Как выяснилось из собранных документов, в стычках в Ташлаке погибли 16 человек, из них 11 – турки-месхетинцы, 5 – узбеки. Из 192 домов турок-месхетинцев 171 был причинён серьёзный материальный ущерб. По сведениям МВД СССР, во время ферганских трагедий до 8 июня от полученных ран погибли 56 человек. Из них 43 – турки-месхетинцы, 7 – узбеки, 1 – таджик, 1 – русский. Личности других не установлены. В общей сложности в результате ферганских трагедий погибли 103 человека, из них 52 – турки-месхетинцы, 36 – узбеки, ранено 1011 человек. Были ранены 136 военнослужащих войск МВД СССР, 110 сотрудников милиции, сожжено 757 домов, 27 государственных объектов, 275 видов автотранспорта. В области понесли убытки 1057 принадлежащих туркам-месхетинцам домов.

В целях скорейшего изучения причин этих трагедий из Центра прибыли более 200 следователей, изучавших до этого причины межнациональных конфликтов в Армении и Азербайджане. С их участием было возбуждено 56 уголовных дел по начавшимся 6 июня убийствам и поджогам, проверено более 2500 скандальных случаев. Над участниками начавшихся 21 июня массовых беспорядков было возбуждено 40 уголовных дел. За этот период, было раскрыто более 30 убийств. У участников этих событий были отобраны различные виды холодного и огнестрельного оружия. Коренные основы этих имевших глубокие корни событий бывшее руководство республики оценило как конфликт, «возникший из-за клубники на базаре». Отношение первого секретаря ЦК КП Узбекистана Р.Н. Нишанова к этому конфликту вызвало недовольство у некоторых депутатов начавшейся в те дни сессии Верховного Совета СССР. В частности, депутат из Армении Г.С. Егитян так сказал Р.Н. Нишанову: «Рафик Нишанович, вот уже несколько дней я хожу в тревоге. Я не могу не сделать вам замечание. По сообщениям корреспондентов обстановка сейчас в Узбекистане очень обострена. Вы, будучи первым секретарем ЦК КП Узбекистана, спокойно сидите здесь, хотите успокоить нас: “Не тревожьтесь, товарищи, все будет хорошо, мы уладим все дела”. У меня есть

одно понятие о лидере нации, для меня таким лидером был Машеров из Белоруссии, который руководил партизанами и освободил свою родину от фашистов. Мое предложение – вы немедленно ежайте в Узбекистан».

Первый секретарь ЦК КП Узбекистана Р.Н. Нишанов в своем докладе на собрании партийно-хозяйственного актива 15 июня 1989 г., также связывая действия узбекской молодёжи в ферганских событиях с проявлениями «национализма», оценил их «не только как национальный конфликт, но и как действия против советского строя». В выводах комиссии, созданной в Узбекистане 23 июня 1989 г. для проверки этих трагедий, констатируется, что события в Фергане являются не случайным результатом стычек между молодёжью, они имели социальные, экономические корни. Также отмечая, что стычки явились результатом усилившегося «яростного националистического» настроения среди местного населения и они были нацелены настроить проживающие в республике народы друг против друга, указывается, что «в долине проявили безразличие по отношению к действиям турок-месхетинцев, некоторые личности среди которых в целях ускорения решения проблемы их возвращения в южные районы Грузинской ССР старались взвинтить обстановку, что еще более осложняло ситуацию». На собрании партийно-хозяйственного актива республики в июне 1989 г. был рассмотрен вопрос о переселении в другие места проживающих в военной зоне турок-месхетинцев. Председатель Совета министров СССР Н.И. Рыжков в своем докладе отметил, что «гражданам турецкой национальности и их семьям, проживающим в лагере для беженцев недалеко от Ферганы, предоставлена возможность по желанию переехать в нечерноземные районы России», «это мера временная, начаты все нужные для переселения меры».

В 1970-х годах демографическая обстановка в сельских местностях России ухудшилась, в результате чего с 1959 по 1979 г. население села уменьшилось на 13 млн. человек. Многие сёла опустели, плодородные земли вышли из сельскохозяйственного оборота, инфраструктура сельскохозяйственного производства вышла из строя. По данным на 1987 г., села в отдаленных областях России опустели, количество развалившихся домов достигло 900 тыс. В список таких областей входили Псковская, Брянская, Орловская, Смоленская, Ярославская, Кировская и др. Население этих областей из-за тяжелого социально-экономического положения переехало в крупные города. Для восстановления обстановки в

заброшенных селах требовались трудолюбивые мастера своего дела. После ферганских событий в эти места был заселен турецкий народ. В те годы из Центра прибыла специальная комиссия, занимавшаяся переселением. Все расходы на их деятельность были выделены из бюджета Ферганской области. До 10 июня 1989 г. 2839 человек были переселены в Карочинский, Новооскольский, Прохоровковский, Красногвардейский, Борисковский районы города Белгорода, 500 человек – в Зубцовский, Ржевский, Оленинский районы города Калинина, 1875 человек – в город Орёл. В связи с отсутствием «обещанных» готовых жилищ, переселенцы были размещены в основном в клубах, школах, пустых домах. К концу июня из Ферганы в Смоленскую, Орловскую, Курскую, Белгородскую, Воронежскую области России было переселено 16 282 человека.

В Фергану для подавления стычек прибыли начальник Главного управления внутренних войск МВД СССР Ю.В. Шаталин и подразделения войск внутренних дел из Киева, Баку, Еревана, Ленинграда, Харькова, Саратова, Перьми, Орджоникидзе в составе 13 тыс. человек. Местными соответствующими органами и организациями были приняты все меры для оказания помощи пострадавшим в ходе столкновений в Фергане, в первую очередь туркам-месхетинцам. В этих мероприятиях активно участвовали представители местного населения. Жители сел собрали принадлежащий туркам-месхетинцам крупный рогатый скот, уточнили их хозяев, сдали на временное хранение колхозным фермам. Для налаживания материального и бытового обеспечения проживающих на военной учебной базе турок исполнительный комитет народных депутатов Ферганской области создал две комиссии. Для обеспечения нужд потерпевших и решения проблем, касающихся их имущества, были назначены ответственными: заместитель председателя облисполкома В.Н. Фомичёв, за медицинское обслуживание – заместитель председателя управления здравоохранения области Т.Г. Токмакова, руководитель санэпидемстанции области Э.В. Крюченко, заместитель председателя управления торговли области В.Б. Паршиков.

Для обеспечения продовольствием турок, переселенных в военную учебную зону, было выделено за счет запасов 15 т мяса, за счет сдаваемой по плану государству продукции дополнительно еще 25 т мяса. По поручению Совета министров Узбекской ССР Министерство торговли для нужд воинских частей выделило 160 т мяса, 60 т сахара, 45 т растительного масла. В общей сложности до

8 июня в Ферганскую область из других областей республики было завезено 500 т мяса, 500 т сливочного масла, 120 т сахара-песка. Постановлением Совета министров Узбекской ССР от 5 июня для оказания помощи пострадавшим было выделено по 300 руб. на каждого человека, в сумме 5 млн. руб. материальной помощи. Для оказания медицинской помощи пострадавшим исполнительный комитет народных депутатов Ферганской области в военной учебной зоне открыл 240-й местный стационар и принимающую 150 пациентов в день поликлинику. Распоряжением Совета министров Узбекской ССР от 5 июля 1989 г. № 218 на исполнительный комитет народных депутатов Ферганской области было возложено обеспечение строительными материалами для восстановления разрушенных домов; установление и возмещение причиненного туркам-месхетинцам убытка. Согласно этому распоряжению, если дома и скот потерпевших не были застрахованы, выплачивались 1200 руб. на каждого одинокого гражданина, состоящим из двух человек семьям – 2000 руб., на каждого остального члена семьи – по 500 руб.

Дома уехавших переходили в распоряжение местной власти. Постановлением исполнительного комитета народных депутатов Ферганской области были разрешены ремонт и восстановление домов турок-месхетинцев и продажа по их доверенности.

На обострение социально-политической обстановки в Узбекистане в конце 80-х и начале 90-х годов XX в. повлияли и события, произошедшие в Ошском и Джалал-Абадском районах соседнего Киргизстана. Несомненно, кровавые распри, названные «Ошскими событиями», не распространились по территории республики, однако большую часть потерпевших составляли уже много лет проживающие там узбеки. К тому же издревле родственные два народа не были виновными в обострении национальных противоречий и переходе их в кровавые распри. Эти события были результатом проводимой советской властью «ленинской» национальной политики. Безусловно, усилившиеся в Узбекистане конфликты в Фергане, Буке, Паркенте, Намангане нельзя назвать отдельными явлениями. Это было продолжением, составной частью усиливавшегося в стране социально-политического кризиса.

«Евразийское пространство: Прошлое, настоящее, будущее», М., 2012 г., с. 110–116.

Азиз Ниязи,
кандидат исторических наук (ИВ РАН)
**РАЗВИТИЕ УЗБЕКИСТАНА В 2012 г.
И ПЛАНЫ НА 2013 г.**

В 2012 г. Узбекистан одним из первых в СНГ отчитался о достигнутых успехах в социально-экономическом развитии за 2012 г. и объявил о ключевых планах на текущий год.

Экономика. За прошлый год ВВП страны увеличился на 8,2%. Объем производства в промышленности возрос на 7,7%, в сельском хозяйстве – на 7, объем розничного товарооборота – на 13,9%. На 11,6% увеличился экспорт. Что немаловажно – доля несырьевых позиций и готовой продукции в его структуре превышает 70%. Достигнуто положительное сальдо товарооборота в 1,12 млрд. долл. Инфляция составила около 7%. Этот уровень, как утверждается, – один из наименьших по СНГ. Бюджет выполнен с профицитом – 0,4% ВВП. Наблюдался рост доходов бюджета при снижении налоговой нагрузки на субъекты малого бизнеса и предпринимательства.

По состоянию на 1 января 2013 г. размер совокупной внешней задолженности Узбекистана не превышал 16% к ВВП, что по международным критериям относится к категории «менее чем умеренная». Инвестиции в основной капитал составили почти 23% ВВП. Привлечено 11,7 млрд. долл., что на 14% больше, чем в 2011 г. В 2012 г. совокупный капитал банковской системы увеличился на 24,3%, а за последние три года – в два раза. Уровень достаточности капитала составляет 24%, что в три раза выше общепринятых международных стандартов. Ликвидность банковской системы по итогам 2012 г. превышает 65%, что более чем в два раза выше требуемого минимального уровня.

В минувшем году завершено строительство 205 крупных инвестиционных объектов. Среди наиболее значимых проектов: ввод парогазовой установки на Навоийской ТЭС мощностью 500 мВт производства компании «Mitsubishi»; второй этап создания совместно с германской компанией «MAN» нового производства грузовых автомобилей мощностью 3 тыс. машин в год; ввод первой очереди завода по производству сжиженного газа на Мубарекском ГПЗ мощностью 258 тыс. тонн сжиженного газа и 125 тыс. т конденсата.

Реализуется проект по вводу второй очереди Дехканабадского завода калийных удобрений. Начато строительство уникального Устюртского газохимического комплекса на базе месторождения

Сургиль с общей проектной стоимостью свыше 25 млрд. долл. Продолжалась реализация крупных проектов по созданию высокотехнологичных производственных объектов в рамках свободных индустриально-экономических зон «Навои» и «Ангрен». Осуществлялись масштабное строительство и модернизация современных автодорог и железнодорожных путей. Развивается скоростное железнодорожное сообщение между Ташкентом, Самаркандом и Бухарой. В частности, это первое в регионе ЦА регулярное курсирование высокоскоростного поезда испанской компании «Talго», в разы сократившее время в пути и улучшившее комфорт передвижения. Продолжаются проекты в сфере телекоммуникаций. Повсеместно вводятся волоконно-оптические линии связи, осуществляется поэтапный переход на цифровое телевидение. Сегодня охват населения страны цифровым телевидением составляет 42%. Сельское хозяйство – собрано 3,46 т хлопка сырца, 7,5 млн. т зерновых культур, более 11 млн. т фруктов и овощебахчевых культур.

Социальное развитие. В 2012 г. бо́льшая часть (59,2%) всех расходов бюджета была направлена в социальную сферу. За минувший год создано около 1 млн. новых рабочих мест, из них около 62% – в сельской местности. За счет развития малого бизнеса и частного предпринимательства трудоустроено 485 тыс. человек. Доходы населения выросли на 17,5%, минимальная заработная плата – на 26,5%. В целом по сравнению с 2000 г. реальные доходы выросли в 8,6 раза. Соотношение в уровнях доходов между 10% наиболее и наименее обеспеченных слоев населения составило 8:1.

В центре внимания продолжали оставаться вопросы развития и реформирования сферы образования. С началом текущего учебного года в стране полностью обеспечен переход на 12-летнее обязательное образование. Завершена работа по реформированию и введению одноступенчатой системы аттестации научных и научно-педагогических кадров высшей квалификации. В области здравоохранения – узбекская модель обеспечения репродуктивного здоровья рекомендована ООН как наилучшая региональная программа для стран Восточной Европы, Балтии и СНГ. Завершено строительство и реконструкция 154 медицинских учреждений. Большое внимание уделяется развитию спорта, особенно детского. За год в Узбекистане было введено 108 крупных спортивных объектов, включая самую современную спортивную арену в Центральной Азии. В настоящее время около 1,6 млн. детей в возрасте от 6 до 15 лет регулярно занимаются различными видами спорта.

Следует особо отметить прилагаемые усилия государства на ускоренное развитие «проблемных регионов».

Проблемных – в первую очередь с точки зрения обостряющихся социально-экологических кризисов, связанных с ростом населения, увеличивающейся нехваткой водно-земельных ресурсов и рабочих мест.

И во вторую очередь – хоть и незначительным, но сохраняющимся в них влиянием радикальных и экстремистских организаций религиозного и сепаратистского толка.

Так по итогам прошлого года объем валового регионального продукта Андижанской области увеличился на 8,4% по сравнению с 2011 г. В 2012 г. в области создано 2290 субъектов малого бизнеса и частного предпринимательства. В валовом региональном продукте доля представителей этой сферы достигла 57,4%. Создано более 79 тыс. новых рабочих мест. Из них 75% приходится на долю субъектов малого бизнеса и частного предпринимательства. Трудоустроены 42,6 тыс. выпускников профессиональных колледжей. Рост валового регионального продукта Наманганской области в прошлом году составил 10%. В области создано более 75 тыс. новых рабочих мест, из них 81,6% – в сельской местности. В валовом региональном продукте доля промышленности составила 9,8%, доля малого бизнеса – 79%. Объем экспорта товаров предприятий области вырос на 9,6%, при этом экспорт готовой продукции по сравнению с 2011 г. увеличился на 53,2%.

Объем валового регионального продукта Ферганской области в прошлом году увеличился на 6,3%. В прошедшем году в области реализовано 90 проектов по развитию промышленности, освоено 122 млрд. сумов и 82 млн. долл. США инвестиций. Построено 700 новых жилых домов. В рамках целевых программ по повышению уровня занятости населения, трудоустройству выпускников профессиональных колледжей создано 92,43 тыс. новых рабочих мест.

Объем валового регионального продукта Республики Каракалпакстан в 2012 г. возрос на 12,7%. Производство промышленной продукции увеличилось на 8,7%, товаров народного потребления – на 10,6, строительных работ – на 19,5, заготовок сельскохозяйственной продукции – на 13,2%, торговли и платных услуг населению – на 12,7%. В Республике Каракалпакстан в 2012 г. было освоено 1,145 трлн. сумов инвестиций. Объем экспорта составил 11,8 млн. долл. США, что на 18,8% больше запланированного.

Как было упомянуто выше, в минувшем году начато строительство газохимического комплекса на базе рудника Устюрт Сур-

гиль. После пуска этого крупного предприятия в эксплуатацию будет налажено производство 400 тыс. т полиэтилена, 100 тыс. т полипропилена в год и будет создано 5000 новых рабочих мест. В регионе в прошлом году начали действовать предприятия «Нукус Самсунг» по производству пылесосов, «Ориент технолоджи» по переработке кожи, «Азия силк» по переработке коконов. На шести крупных предприятиях легкой промышленности проведена модернизация на сумму 65,5 млн. долл. США. В соответствии с программой занятости в регионе было создано 48,72 тыс. новых рабочих мест. В прошедшем году в аулах были сданы в эксплуатацию 400 новых домов, построенных по типовым проектам, и объекты социальной инфраструктуры.

Планы на 2013 г. Важнейшими направлениями и приоритетами экономической программы развития Узбекистана на 2013 г. являются:

– сохранение устойчивых высоких темпов роста, макроэкономической стабильности и повышение конкурентоспособности экономики. Стоят задачи по обеспечению роста экономики на 8%, прежде всего за счет увеличения производства: в промышленности – на 8,4%, сельском хозяйстве – на 6, инвестиций в основной капитал – на 11, сферы услуг – на 16%. Достижение целевых задач предусматривается путем опережающего развития высокотехнологичных отраслей промышленности;

– ускорение и расширение масштабов модернизации, технического и технологического обновления экономики и ведущих ее отраслей, диверсификация производства. Государственной инвестиционной программой предусматривается осуществление более 370 стратегически важных проектов. На эти цели будет привлечено 13 млрд. долл. Почти 3/4 инвестиций будет направлено на новое строительство, реконструкцию и модернизацию производства;

– создание рабочих мест и обеспечение занятости населения страны. В 2013 г. планируется создать свыше 970 тыс. новых рабочих мест. Особая роль отводится ускоренному развитию малого бизнеса и частного предпринимательства, сферы услуг и сервиса, за счет которых намечается создать около 500 тыс. рабочих мест.

Обзор подготовлен специально для бюллетеня «Россия и мусульманский мир» по материалам брифинга в Посольстве РУ в РФ (01. 2012) публикаций, о социально-экономическом развитии Узбекистана НИА «Туркистон-пресс» и информационного ресурса <http://www.gazeta.uz/>

ИСЛАМ В СТРАНАХ ДАЛЬНЕГО ЗАРУБЕЖЬЯ

Екатерина Степанова,
доктор политических наук (ИМЭМО РАН)
**АФГАНИСТАН: ПЕРСПЕКТИВЫ
ПОЛИТИЧЕСКОГО УРЕГУЛИРОВАНИЯ**

5 декабря 2011 г., спустя десять лет после первой боннской конференции по Афганистану, заложившей основы постталибского государственно-политического устройства страны, в Бонне состоялась вторая международная конференция по афганской проблеме. Несмотря на десятилетние усилия, увенчавший их второй боннский форум не стал серьезным шагом на пути политического урегулирования. Основная, но не единственная причина – отказ от участия в конференции Пакистана, являющегося одним из ключевых игроков в афганском вопросе, и отсутствие в Бонне представителей движения «Талибан», продолжающего вооруженную борьбу с иностранными и правительственными силами. Это, однако, не снимает, а лишь обостряет необходимость поиска политического решения острой и широкомасштабной афганской проблемы.

Асимметричный тупик. Спустя десять лет после вооруженной интервенции, предпринятой США и их союзниками и партнерами в ответ на теракты 11 сентября 2001 г., Афганистан остается самой серьезной проблемой безопасности в регионе на геостратегическом стыке Среднего Востока, Центральной и Южной Азии и ареной одного из самых интенсивных и кровопролитных вооруженных конфликтов в мире. Вопреки участвовавшим попыткам ряда западных лидеров и аналитиков представить этот конфликт как внутриафганское воплощение региональных противоречий, основной линией вооруженного противостояния в Афганистане остается именно конфронтация между США / НАТО (при более или менее условной поддержке ряда местных союзников, включая афганскую армию и полицию) и повстанческим движением, ядро которого составляют талибы.

На этом фоне еще 22 июня 2011 г. президент США Б. Обама объявил о начале вывода американских войск из Афганистана. Треть их должна покинуть страну уже в 2012 г., а остальные должны выводиться постепенно вплоть до 2014 г., по мере передачи функций «поддержания безопасности» афганской армии и полиции. Это давно назревшее решение было вызвано двумя комплексами причин.

Во-первых, оно продиктовано внутривосточными акторами, связанными с ухудшением финансово-экономической и бюджетной ситуации в США (и в европейских странах), а также с динамикой американского политического процесса.

Во-вторых, это решение явилось вынужденным признанием провала контрповстанческой кампании США и НАТО в Афганистане. Выражаясь более дипломатично, оно обозначило переход конфликта в Афганистане в стадию затянувшегося асимметричного тупика, со значительными жертвами среди комбатантов и особенно гражданского населения, но без каких-либо шансов на решающий военный успех одной из сторон, и признанием руководством США невозможности и неадекватности военного решения проблемы.

Это, однако, еще не означает, что в ходе афганского конфликта нет никаких осязаемых результатов в чисто военном плане. Эти результаты тем более очевидны на фоне колоссальной асимметрии военного и статусного потенциала основных противостоящих сторон, особенно в последние годы, – т.е. абсолютного военно-технологического превосходства США и НАТО над несравнимо более слабым в конвенциональном отношении противником. Конечно, у этого противника есть свои сильные стороны – опора на религиозную идеологию, действующая – в отличие от государственной судебной-правовой системы – сеть шариатских судов, поддержка со стороны основного регионального игрока – Пакистана, и т.д. Однако в чисто военном отношении этот противник, если и не вовсе безоружен, то воюет в основном легким и стрелковым оружием и самодельными взрывными устройствами. Если при таком колоссальном военно-технологическом превосходстве США и НАТО противостоящая им сторона способна не только вести асимметричное противостояние партизанскими и террористическими методами, но и наращивать его интенсивность и распространять свое военное, административное и судебное-правовое присутствие далеко за пределы зон своего традиционного базирования и контроля, то речь идет не просто о военном ту-

пике, а об асимметричном тупике. Такой в высшей мере асимметричный тупик равнозначен значительному военно-политическому успеху более слабой в военном отношении стороны.

Интенсивность вооруженного сопротивления не спала даже на фоне объявленного Б. Обамой в декабре 2009 г. усиления американского контингента (известного как «surge» – «рывок», «прилив», или «большая волна»). Это временное «усиление» стало продолжением стратегии переориентации вооруженного американского вмешательства с Ирака (как «неправедной войны», ассоциируемой с администрацией Дж. Буша-младшего и не связанной с противостоянием международному терроризму алькаидовского типа) на Афганистан (как арену «праведной войны»). Первоначальной стратегией администрации Обамы в этой «праведной войне» стало возвращение к «истокам» – т.е. к первоначальной «установке США на дестабилизацию, нейтрализацию и разгром «Аль-Каиды» и предотвращение возможности использования территории Афганистана (и Пакистана) для базирования террористической деятельности «Аль-Каиды». В противовес провозглашенной Дж. Бушем в 2008 г. готовности «столько, сколько требуется», содействовать «строительству процветающего, мирного и демократического Афганистана», объявленного «стратегическим и моральным интересом» США, новая администрация изначально поставила гораздо менее амбициозные задачи (как заявил Обама, нам «не удастся превратить Афганистан в “джефферсоновскую демократию”»).

Однако пересмотр стратегии не принес ожидаемых результатов и не привел к стабилизации ситуации. Первым стратегическим просчетом обернулась сама кампания по «усилению» иностранного военного контингента в стране как реакция на ухудшение безопасности и рост политической нестабильности после состоявшихся летом 2009 г. выборов с результатами, подтасованными в пользу правящей группировки и вызвавшими всеобщее негодование. К концу 2010 г. американский контингент был увеличен до 140 тыс. человек (со 100 тыс. в 2009 г.), что в 28 раз больше всей численности пятитысячного иностранного контингента в Афганистане в 2002 г. «Усиление» было предпринято под влиянием контрповстанческой стратегии генерала Д. Петрэуса в Ираке, которая предполагала сочетание усиленной военной мощи с опорой на часть бывших противников (в иракском случае, на некоторые суннитские племенные формирования), а также спорного

заклучения о том, что эта практика «сработала» в Ираке на стратегическом уровне.

В Афганистане, где главная константа последних 30 лет – «чем сильнее иностранное военное присутствие, тем ожесточеннее сопротивление» – остается неизменной, повстанческое движение отличают большой опыт и настойчивость, а правительство, на стороне которого формально выступают США и их союзники, ненадежно и коррумпированно. Местное население, которое в основном рассредоточено и живет в сельской местности, традиционно враждебно к любой оккупации. Ставка иностранных сил на «защиту» этого населения от «антиправительственных» элементов изначально бессмысленна, так как основана на наивном убеждении в существовании некоего абстрактного населения, независимого от кланово-племенной структуры, местных полевых командиров или талибов. Многослойная, разнородная, но при этом достаточно устойчивая структура афганского общества такова, что любые попытки сколотить сколько-нибудь устойчивую местную «лоялистскую коалицию» для борьбы с «врагом Запада» «Аль-Каидой» обречены на провал: если в этой стране и возможно формирование относительно широкой вооруженной коалиции, то только против самих иностранных оккупантов.

Вторым просчетом администрации Обамы стала попытка искусственно свести афганскую проблему исключительно к противодействию «международному терроризму», попутно «сместив» его центр с собственно Афганистана, где главным катализатором террористической и другой вооруженной активности остается присутствие самих иностранных войск, в соседний Пакистан. Не следует забывать о том, что хотя «Талибан» в свою бытность фактическим правительством Афганистана в конце 1990-х годов и принял руководство «Аль-Каиды» в качестве гостей на своей территории, именно теракты «Аль-Каиды», к которым сами талибы отношения не имели, спровоцировали разгром режима «Талибан» в Афганистане на рубеже 2001–2002 гг. Более того, на нынешнем этапе уже едва ли отвечает действительности представление о том, что для осуществления терактов ячейкам экстерриториального движения «глобального джихада», в основном базирующимся в самих странах Запада, необходимы единое центральное руководство и устойчивая территориальная база в каком-нибудь труднодоступном районе. Если же говорить о движении «Талибан» в 2000-е годы, т.е. на этапе сопротивление силам США, НАТО и их

местных союзников, то интересы талибов подчеркнуто не выходят за пределы афгано-пакистанского ареала.

В этом контексте неудивительно, что «усиление» военного контингента и давления США и НАТО в Афганистане в 2010 г. не только не компенсировало предыдущих контрповстанческих провалов, но и усугубило и без того сложную ситуацию. В продолжение устойчивого пятилетнего тренда, повстанческая активность в Афганистане за 2010 г. выросла на 64% (в среднем составив 33 нападения в день), в результате чего 2010 г. стал самым смертоносным годом для сил США и НАТО. Операции, нацеленные на то, чтобы «выбить из строя» среднее звено командиров талибов, в определенном смысле возымели обратный эффект, так как на их место пришли более молодые и более радикальные, с идеологической точки зрения, боевики. В целом в начале 2010-х годов талибы успешно адаптировались к изменившейся обстановке и, несмотря на потери, сумели не только поддержать высокую интенсивность как операций против иностранных и афганских сил, так и терактов, но и восстановить теневую административную систему во многих районах на юго-востоке страны и даже расширить свое влияние за их пределы. Конечно, этим военно-политическим достижениям очень далеко до сокрушительной победы над основным противником или до восстановления контроля над большей частью территории Афганистана, которого движение «Талибан» добилось в конце 1990-х годов. Но сейчас и не 1990-е годы, когда Афганистан был вне фокуса международного внимания, а талибы были вовлечены в симметричное внутриафганское противостояние разрозненным формированиям афганских моджахедов, которые нередко конфликтовали между собой. Сложившаяся на нынешнем этапе в условиях масштабного внешнего вооруженного вмешательства и резкой асимметрии сторон патовая ситуация проблематична и унизительна для США и НАТО, но не для талибов.

Усилению военно-политических позиций последних способствовала и определенная идеологическая и организационная эволюция движения. За годы противостояния США, НАТО и связанному с ними афганскому правительству идеология талибов развивалась по пути упрощения и универсализации: в начале 2010-х годов ее суть можно свести всего лишь к двум основным требованиям: «истинный ислам» и «изгнание иностранных сил» с территории страны. Сочетание этих двух требований вполне соответствует настроениям большей части населения, что частично объясняет распространение влияния талибов за пределы их тради-

ционных районов базирования. При этом сегодняшнее движение «Талибан» не особо интересуется задача захвата Кабула и принятие на себя функций центральной власти – ему гораздо важнее обеспечить себе устойчивое присутствие и административный контроль над пуштунскими районами на юго-востоке. Хотя повстанческое движение шире, чем собственно «Талибан», сами талибы, по крайней мере в Афганистане, представляют собой гораздо более организованное и консолидированное образование, чем полагают многие аналитики.

В структуру «Талибан» входят не только военные командования, но и собственные главы провинций, а также политическая комиссия (своеобразное политическое крыло вооруженного движения). За последние годы эта система практически не знала серьезных расколов. Важнейшим моральным и организационным ресурсом движения талибов является его органичная связь с сетью шариатских судов (в том числе в районах, которые ими формально не контролируются). Талибы нередко организуют исполнительные комитеты при судах, призванные контролировать осуществление их решений, устраивают передвижные, мобильные суды для работы в неконтролируемых ими районах и принимают жесткие антикоррупционные меры для сохранения беспристрастности судов. Параллельно несколько смягчилась образовательная политика талибов (например, уже допускается образование для девочек при условии, что речь идет об исламских школах).

Коррупционированность афганских властей. В начале 2010-х годов в США значительная часть внешнеполитического истеблишмента, включая экспертов, склонна объяснять ухудшение ситуации в области безопасности, эскалацию насилия и активизацию повстанцев в Афганистане – или, говоря прямым текстом, провал американской контрповстанческой и политической стратегии – сочетанием двух долгосрочных факторов:

- коррупционированности и низкой функциональности афганских властей;
- поддержки, оказываемой талибам с территории Пакистана, и в целом так называемого пакистанского фактора.

Хотя оба этих фактора интерпретируются как внешние по отношению к Вашингтону, к первому фактору США имеют непосредственное отношение: в области коррупции в Афганистане безусловным лидером выступает правительство Х. Карзая, поставленное у власти именно администрацией Дж. Буша. Свою роль здесь сыграли и ошибки США в выборе тех или иных афганских

игроков и группировок в качестве местных партнеров и союзников, и характер распределения иностранной помощи на восстановление страны, которое стало источником новых коррупционных схем и патронажных сетей. В целом, вездесущая, глубоко укорененная, традиционная для Афганистана этносектарная и клановая патронажная система сама по себе служит фундаментальным препятствием как для любого спонсируемого извне эксперимента по созданию минимально функционального централизованного государства, тем более демократического типа, так и для передачи всей полноты полномочий в области безопасности афганским властям как условия вывода иностранных сил.

В то же время сложный, переплетенный и многослойный характер патронажных систем на уровне от локального до национального по-прежнему является одной из наиболее устойчивых и долгосрочных основ афганской социальной реальности. В Афганистане патронажные системы на уровне кланово-племенных группировок, формирований полевых командиров, этноконфессиональных групп, регионов могут пересекаться, конфликтовать, наслаиваться друг на друга и т.д. Но в комплексе они жизнеспособнее любых более централизованных и идеологически ориентированных социально-политических систем и форм государственного управления, будь то светского или относительно светского типа (просоветский режим Народно-демократической партии Афганистана 1980-х годов или псевдодемократическая централизованная президентская модель «à la Карзай» 2000-х) или религиозного толка (радикально-исламистский режим талибов второй половины 1990-х годов).

Пакистанский фактор. Трансграничный характер движения «Талибан» и его поддержка со стороны вооруженных группировок по ту сторону условной границы с Пакистаном и со стороны части пакистанских структур безопасности в разных формах и с разной степенью интенсивности присутствуют и влияют на ситуацию в Афганистане уже десятилетиями. Поддержка Пакистаном пуштунских вооруженных формирований на афганской территории имела место задолго до появления движения «Талибан». Эта поддержка связана с базовыми, долгосрочными стратегическими интересами Пакистана – в том виде, как они понимаются на национальном уровне. Для Пакистана как поддержка талибов в Афганистане, так и двойственная политика «кнута и пряника» в отношении группировок талибского типа в собственной «племенной зоне» (где военные операции правительственных сил перемежаются

ся с уступками и перемириями) продиктованы двумя императивами. Во-первых, «Талибан» рассматривается как основной пакистанский союзник в Афганистане, способный служить противовесом растущему влиянию Индии и предотвратить возможность использования Афганистана в качестве стратегического плацдарма против Пакистана. Во-вторых, поддержка Пакистаном талибов служит традиционной цели смягчения остроты пуштунской проблемы в самом Пакистане.

С одной стороны, вооруженные группировки, базирующиеся в пакистанской «племенной зоне» вдоль границы с Афганистаном, играют не последнюю роль в трансграничном насилии, в том числе террористического толка. В частности, по данным ООН, в радикальных пакистанских медресе ведется подготовка боевиков-смертников для операций на юго-востоке Афганистана.

С другой стороны, при всех контактах, связях и параллелях между группировками талибского типа в Афганистане и в Пакистане (и при всей условности подразделения пуштунских племенных зон на «афганские» и «пакистанские»), группировки по обе стороны границы имеют и свои, местные корни, и полностью смешивать эти два движения не стоит. Важно понимать, что активизация талибов на пакистанской территории (которая в 2009 г. привела к формированию Пакистанского движения «Талибан») связана не только с трансграничной динамикой и конфликтом в Афганистане, но и с более широким и более фундаментальным для Пакистана процессом исламизации всех аспектов социально-политической жизни и системы страны. В начале XXI в. сохранявшийся относительно светский, «умеренно-просветительский» курс центрального правительства (несмотря на традиционную поддержку им вооруженных группировок исламистского толка в кашмирском и афганском контекстах) был особенно сильно, если не окончательно, скомпрометирован внутри страны той поддержкой, которую правительство оказало США в их «войне с терроризмом», в том числе масштабными жертвами среди гражданского населения в ходе «контртеррористических» операций в племенных зонах. Если и не социально-религиозная программа талибов, то, по крайней мере, поддержка ими афганского движения сопротивления встречает вполне позитивное отношение со стороны разных слоев населения Пакистана, включая городской средний класс и часть элит.

В условиях растущей роли политического ислама, когда умеренноисламистские партии уже контролируют две из четырех

пакистанских провинций, правительство вынуждено идти на уступки в отношении постепенной исламизации общества, пытаясь удержать хотя бы часть этих процессов в контролируемом государством русле. Исламабаду приходится балансировать между необходимостью обеспечить политическое доминирование военных и сил безопасности с учетом интересов неисламистских элит и попытками любой ценой избежать полномасштабной вооруженной конфронтации с многочисленными проявлениями вооруженного исламизма на территории страны, в том числе для того, чтобы предотвратить консолидацию радикальных исламистов на национальном уровне. Давление на Пакистан со стороны США и Запада по афганскому вопросу и по вопросу борьбы с радикальным исламизмом усложняет внутривластную ситуацию в самом Пакистане, но не способно коренным образом повлиять на изменение его роли и интересов в регионе.

Конечно, оба указанных фактора: (а) nepoтизм, нефункциональность и коррумпированность афганских властей в целом и центрального правительства в особенности и (б) вмешательство пакистанских структур и группировок в конфликт в Афганистане, – сыграли свою роль в развитии ситуации не по американскому сценарию. Однако не менее очевидно и то, что оба этих фактора носят настолько устойчивый и долговременный характер, что списать лишь на них провал вооруженного вмешательства США и НАТО в Афганистане невозможно, как бы ни пыталось это сделать руководство США и их союзников в целях создания более благоприятного пиар-прикрытия для политически непростого и в целом бесславного вывода американских и натовских сил. Попытка переложить вину за тяжелую ситуацию в Афганистане на кого-то другого – например, исключительно на внутриафганские или «враждебные» региональные силы и факторы, «внешние» по отношению к США и НАТО, плохо маскирует нежелание и неготовность признать крупные провалы собственной политической и контрповстанческой стратегии в Афганистане.

Политическое урегулирование в национальном и региональном измерении. Начавшийся летом 2011 г. вывод американских войск из Афганистана стимулировал диалектическое взаимодействие двух процессов – с одной стороны, не спадающего повстанческо-террористического, контрповстанческого и иного вооруженного насилия, а с другой стороны, неформальных и полуофициальных контактов и переговоров между участниками

конфликта. На этом фоне как никогда актуальными становятся два критических измерения афганской проблемы:

- необходимость внутриафганского примирения и политического урегулирования путем переговоров и соглашения о разделе власти между основными игроками;
- региональное измерение.

Политическое урегулирование конфликта требует соглашения о перемирии с повстанческим движением, разделе власти и новом государственно-политическом устройстве Афганистана. Какой бы характер ни носило такое соглашение, оно даже теоретически не может удовлетворять интересам всех заинтересованных сторон. Речь не только о многочисленных внутриафганских группировках и группах интересов, но и о различных региональных игроках, интересы которых нередко противоречат друг другу (не говоря уже о внерегиональных блоках и державах – США и НАТО, вооруженное вмешательство которых, собственно, и привело к нынешней стадии афганского конфликта).

Это не значит, что политическое урегулирование бесперспективно. Однако оно вряд ли возможно без понимания и учета трех ключевых моментов.

1. Во-первых, хотя афганское и региональное измерения тесно взаимосвязаны, их часто рассматривают по отдельности или в обратном порядке (начиная с регионального измерения и сводя ключевой вопрос – проблему политического урегулирования конфликта в самом Афганистане – лишь к производной от комплекса интересов региональных держав. Следуя этой искаженной логике, нельзя не попасть в ловушку многочисленных и порой весьма острых противоречий между интересами основных региональных держав (по линии Пакистан–Индия, Иран–Пакистан, страны Персидского залива–Иран и т.д.). Хотя эти противоречия не препятствуют участию государств региона в международном диалоге по афганской проблеме, они с легкостью берут верх над любыми многосторонними форматами и заведомо подрывают эффективность любых региональных инициатив. Но даже если бы удалось найти относительный баланс между интересами основных региональных игроков, такой баланс не может служить заменой внутриафганскому политическому урегулированию. Более рациональным представляется следующий порядок анализа и решения афганской проблемы.

– Первичен поиск адекватного политического урегулирования вооруженного конфликта внутри Афганистана (включая как

непосредственных участников конфликта – США / НАТО и правительство Афганистана, с одной стороны, и движение «Талибан», с другой стороны, так и другие крупные политические силы и группировки Афганистана).

– По сравнению с этим процессом, региональное измерение проблемы имеет очень важное, но вторичное значение – иными словами, соглашение о разделе власти внутри Афганистана должно быть сформулировано с учетом регионального измерения, но не определяться преимущественно региональными интересами.

2. Во-вторых, необходимо подразделить региональных игроков в афганском вопросе на три категории, или три уровня, по степени их значимости для конфликта в Афганистане и его урегулирования. Эти три уровня перечислены ниже, в порядке от более к менее важному. На первом уровне находятся две граничащие с Афганистаном региональные державы – Пакистан и Иран. Эти страны – особенно Пакистан, но в значительной мере и Иран, – самым прямым образом, гораздо больше, чем любые другие внешние игроки, и уже много лет затронуты ситуацией в Афганистане. Именно они несут на себе основное бремя региональных последствий афганского конфликта (от потоков беженцев и наркотиков до трансграничной нестабильности). Одновременно эти две страны обладают наибольшим и устойчивым влиянием внутри Афганистана – в определенных регионах и среди определенных этноконфессиональных групп (Пакистан – в пуштунских районах на юге и юго-востоке страны, включая районы наиболее интенсивной повстанческой активности, а Иран – в прилегающих к нему западных районах Афганистана, а также в районах, населенных хазарейцами (шиитами) и таджиками). Без учета интересов Пакистана и Ирана никакое политическое урегулирование в Афганистане не имеет перспектив.

К игрокам второго уровня можно отнести других крупных соседей Афганистана (Индию, Китай), а также ряд государств в прилегающих или даже более отдаленных регионах (например, страны Персидского залива, Турцию и Россию), которые в меньшей степени и опосредованно затронуты последствиями афганского конфликта, но имеют свои серьезные причины для беспокойства и / или определенное влияние в стране. Некоторые государства этой группы – особенно страны Залива и Турция – могут даже служить посредниками в политическом урегулировании в целом и в переговорах между иностранными правительственными силами, рядом других афганских группировок и повстанческим движением

(например, в начале 2012 г. было достигнуто соглашение об открытии представительства движения «Талибан» в Катаре).

Наконец, к третьему уровню регионального измерения можно отнести различные многосторонние форматы. При всей важности этих международных, региональных и трансрегиональных объединений и инициатив, над ними уверенно преобладают односторонние интересы сторон. Самых многосторонних форматов явно недостаточно, а те, что есть, либо слабо или вовсе не институционализированы (например, трехсторонние саммиты по линии Афганистан–Пакистан–Иран, Пакистан–Афганистан–Турция и т.п.), либо сосредоточены преимущественно на экономических вопросах (Организация экономического сотрудничества и Ассоциация регионального сотрудничества в Южной Азии), либо являются региональными инициативами или форумами под эгидой более широких международных организаций (от размытой и ни к чему не обязывающей консультативной Международной контактной группы по Афганистану до более узких, конкретных и специализированных инициатив – например, трехсторонней ирано-афгано-пакистанской инициативы по борьбе с наркотиками под эгидой Управления по наркотикам и преступности ООН или программы «Шелковый путь» под эгидой Миссии содействия ООН (УНАМА) в Афганистане), либо объединяют ряд стран прилегающих регионов, но не включают Афганистан и основных региональных игроков в афганском вопросе – Пакистан и Иран, в лучшем случае оставляя за ними лишь статус наблюдателя (как, например, в рамках Шанхайской организации сотрудничества).

Важно понимать, что, при всем многообразии региональных интересов, абсолютно критическим региональным уровнем, с точки зрения афганского урегулирования, является первый уровень – т.е. участие и роль в таком урегулировании, прежде всего, Пакистана, а также Ирана.

3. В-третьих, исходя из (а) приоритета афганского измерения над региональным и (б) необходимости подразделить страны региона по степени их значения для афганской проблемы и влияния в Афганистане, логично предположить, что оптимальным путем примирения афганского и регионального измерения должно стать само содержание мирного соглашения, в том числе характер и тип нового государственно-политического устройства страны. Такое соглашение и политическое устройство не могут одинаково устроить всех, но способны учесть некоторые из ключевых, законных

интересов основных региональных игроков в афганском вопросе – Пакистана и Ирана.

На внутриафганском уровне любой поиск политического решения конфликта путем переговоров между противоборствующими сторонами сталкивается с фундаментальной проблемой. Она состоит в том, что без участия исламистских повстанцев во главе с движением «Талибан» в процессе урегулирования в стране не могут быть достигнуты мир и стабильность. Ряд мирных инициатив 2011 г. – например, международный план политического урегулирования, известный как «план Брахими–Пикеринга» по имени авторов (родоначальника концепции восстановления мира ООН («peace-building»), алжирца Лахдара Брахими, и бывшего высокопоставленного американского дипломата Томаса Пикеринга), – предполагают, что талибы в принципе могут быть интегрированы в существующую государственно-политическую систему Афганистана, при условии определенной, но не коренной модификации этой системы.

Однако другие наблюдатели, включая автора этих строк, не считают такую перспективу возможной или вероятной. Нынешнее государственное устройство Афганистана, основанное на Конституции 2004 г., сформировано в рамках Боннского процесса при активной «руководящей и направляющей роли» США и стран Запада, без какого-либо участия талибов. Этот механизм представляет собой чрезмерно централизованную, относительно светскую систему, с сильным креном в сторону президентской власти. Такая система не только малофункциональна и неадекватна сложной и разнородной социально-политической структуре Афганистана, но и в принципе не способна интегрировать движение талибов. «Талибан» представляет собой не только вооруженное движение, но и альтернативную административную, нормативную и социально-политическую систему – Исламский эмират Афганистана. Талибы не признают существующую коррумпированную, сверхцентрализованную, «марионеточную», в их трактовке, президентскую республику и отказываются обсуждать вопросы политического устройства с афганским правительством и формально участвовать в каком-либо мирном процессе в условиях, которые они считают «иностранный оккупацией». Иными словами, примирение с талибами на основе Конституции 2004 г. и в рамках нынешней государственно-политической системы, даже при определенной ее модификации, невозможно. Ситуацию с талибами можно суммировать, перефразируя известное выражение «казнить нельзя поми-

ловать»: «исключить нельзя интегрировать». Однако без примирения с талибами, без какой-то формы их политической и административной интеграции в ближайшие годы не будет ни мира, ни даже минимальной стабильности.

На этом фоне напрашивается вывод: либо, при сохранении нынешнего политического курса США и их европейских и местных союзников конфликт в Афганистане урегулирован не будет, либо такое урегулирование потребует коренного – а не частичного и косметического – пересмотра государственно-политического устройства страны. Если США и их местные союзники будут продолжать настаивать на сохранении Конституции 2004 г. в качестве основы для переговоров и будущего устройства страны, то тогда речь о каких-либо серьезных переговорах с талибами, а тем более о примирении с ними идти не может – по крайней мере, до того момента, пока какие-либо силы США и НАТО остаются на территории Афганистана. Напомним, что в сложившихся условиях асимметричного тупика, равнозначного определенным военно-политическим успехам повстанцев, талибы не находятся под таким же политическим давлением к ведению переговоров с противником или уступкам ему, как администрация США, которой к тому же в 2012 г. предстоят выборы. Соответственно, Вашингтону придется выводить свои основные силы из Афганистана – и объявлять о завершении афганской кампании в ее нынешнем виде – в отсутствие политического урегулирования конфликта. Это означает, что США и НАТО ограничатся передачей всех или части функций безопасности слабому, нефункциональному, коррумпированному, непопулярному и дискредитировавшему себя связями с «иностранными оккупантами» центральному правительству, не вполне контролирующему даже прилегающие к Кабулу районы. Такой вариант развития событий чреват еще большей дестабилизацией и продолжением или даже эскалацией внутреннего конфликта в Афганистане (и послужит очередным ударом по международной репутации США и внутривнутриполитическим позициям администрации Б. Обамы и руководства стран-союзниц). К сожалению, пока именно этот вариант развития событий наиболее вероятен.

Это, однако, не означает, что внутриафганское примирение с талибами и их интеграция – а точнее, относительно мирное сосуществование с ними в рамках одной страны, – невозможны. Но такое урегулирование потребует не поверхностной модификации, а коренного пересмотра «Боннской» конституции и государственно-политического устройства страны. Главным направлением та-

кого пересмотра должны стать регионализация и децентрализация в качестве центральных принципов государственно-политической системы. На взгляд автора, сочетание этих двух терминов («регионализация» и «децентрализация») более корректно и лучше передает суть необходимых изменений, чем более радикальное понятие «федерализация».

В такой системе роль центральной власти существенно сократилась бы. Она свелась бы к ограниченной и в то же время весьма важной роли арбитра между регионами и к представительским функциям на международном уровне. Основным содержанием национальной Конституции стало бы регулирование отношений между входящими в состав страны регионами. В Конституции также должны быть прописаны ограниченные полномочия всего лишь нескольких общенациональных органов:

- Национальной джирги (всеафганского собрания представителей);

- профессиональной армии гораздо меньшей численности, чем ныне, нацеленной исключительно на задачи внешней обороны;

- в значительной мере символической президентской власти, служащей в основном арбитром между региональными властями, а также основным «лицом» Афганистана для внешнего мира;

- небольшой исполнительной администрации, в основном занятой содействием межрегиональным торгово-экономическим отношениям, восстановлением экономики и более долгосрочными проектами в области социально-экономического развития.

При этом основные функции управления в политической и социально-экономической областях, а также в сфере безопасности (включая судебные-правовые и правоохранительные) должны быть переданы на уровень пяти–шести крупных регионов, которые стали бы основой государственно-политического устройства страны. По сути, эти регионы уже существуют. Речь идет о двух–трех крупных регионах, прежде всего таджикском и узбекском, на севере страны, о Герате на западе, о Центральном регионе со смешанным населением, но с большой долей хазарейцев, и, наконец, о юго-востоке страны, где преобладает пуштунское население, где наиболее прочны позиции талибов и других повстанческих сил и где уже существующая *de facto* «теневая» административно-правовая система талибов должна быть признана *de jure*. Основные властные полномочия должны быть переданы на уровень регионов, при условии признания ими афганского суверенитета. При

этом регионам должна быть предоставлена высокая степень автономии – особенно в плане определения наиболее предпочтительной и подходящей для каждого из них политико-правовой модели, включая степень интеграции норм шариата. Например, на юго-востоке страны будут доминировать шариатские суды, в то время как в более светских северных и Центральном регионах степень интеграции шариатских норм была бы гораздо ниже.

Следует отметить, что такая конфигурация вполне укладывается в русло государственной традиции Афганистана, где центральная власть (в форме монархии) – до апрельской революции 1979 г. и прихода к власти режима НДПА – всегда была относительно слабой, но играла важную роль арбитра между основными регионами и группами интересов. Конечно, такое политическое урегулирование, основой которого станет процесс регионализации страны, потребует переходного периода, а соответственно, изменения статуса, формата и состава участников международного присутствия в Афганистане на этот период – желательно, под эгидой ООН и Организации Исламского сотрудничества (ОИС).

Конечно, вопрос о том, согласятся ли талибы вести переговоры о таком устройстве страны (и о том, кто может вести с ними такие переговоры), остается открытым, особенно до тех пор, пока основные силы США и их союзников по НАТО все еще находятся в Афганистане и остаются основным вооруженным оппонентом повстанческого движения. Однако предложенный вариант «регионализации» страны – это больше, чем талибы в принципе могут получить в результате любого другого возможного или гипотетического соглашения о разделе власти в Афганистане.

Рассмотренный вариант предпочтительней и той ситуации, которая может сложиться, если конфликт будет «пущен на самотек» (т.е. если вывод войск США и НАТО не будет сопровождаться политическим урегулированием). В таком случае наихудший сценарий развития событий сведется к возобновлению междоусобной войны между основными афганскими военно-политическими группировками – прежде всего, группировками, входящими в Северный альянс, и движением «Талибан» – при возможном втягивании в конфликт соседних региональных держав. При этом, в отличие от 1990-х годов, маловероятно, чтобы внутриафганское противостояние в 2010-е годы привело бы к односторонней победе талибов и установлению их контроля над большей частью территории страны. В отличие от 1990-х годов, Афганистан сегодня находится в фокусе несравнимо более пристального

международного внимания, и противники талибов, в случае эскалации междоусобной войны, могут рассчитывать на значительную военную, политическую и финансовую поддержку извне. Кроме того, военный потенциал группировок Северного альянса и так значительно укрепился, в том числе благодаря масштабным иностранным вложениям последнего десятилетия в новую афганскую армию, основу которой составляют северяне.

В таких условиях возобновление полномасштабной междоусобной войны с участием талибов неизбежно приведет к реальному распаду Афганистана на те же самые пять–шесть крупных регионов, но только уже не в форме союза автономных регионов, *de jure* признающих афганский суверенитет, а в форме полного развала страны и ценой нового кровопролития, новых жертв, особенно среди гражданского населения, и более широкой международной региональной дестабилизации. Вариант же регионализации Афганистана как основа мирного соглашения и политического урегулирования конфликта может служить реальной – и как минимум заслуживающей внимания – альтернативой возврата к междоусобной войне, в том числе и для талибов.

Политическое урегулирование, основой которой стали бы децентрализация и регионализация страны, может также обеспечить вполне адекватный баланс между национальным и региональным аспектами проблемы, т.е. между внутриафганским мирным процессом и интересами ключевых региональных игроков. Децентрализация Афганистана, его реальное превращение в «Афганистан регионов» при сохранении в качестве единой, международно признанной страны, хотя и не удовлетворили бы максимальных интересов всех региональных сил, но ответили бы ряду основных законных интересов ключевых игроков – Пакистана и Ирана.

Так, поддерживаемые Пакистаном пуштуны в районах, контролируемых талибами, *de jure* получили бы значительную долю властных полномочий – но в форме легитимизации их системы управления на региональном, а не центральном уровне и оставаясь при этом составной частью децентрализованного афганского государства. При этом регионы со значительным шиитским населением или со смешанным в этническом и конфессиональном плане населением (особенно на западе и в центре) будут обладать таким же уровнем автономии, как и контролируемый талибами юго-восток. Особое значение приобретает Хазараджат как наиболее уязвимый в плане безопасности регион с населением, которое в

1990-е годы больше всего пострадало от правления талибов. Этот регион должен стать естественным центром притяжения международного миротворческого присутствия (под эгидой ООН / ОИС). Иран продолжил бы играть свою традиционную роль экономического и культурного покровителя персо(дари)-язычного (таджики, хазарейцы) и шиитского (хазарейцы) населения Афганистана. Иран, а также Узбекистан, Россия и Индия продолжили бы оказывать традиционную военно-политическую поддержку узбекским и таджикским политическим силам в северных регионах страны.

В более широком плане, региональные игроки разного уровня и степени вовлеченности в афганскую проблематику могут не только оказать содействие в заключении соглашения о политическом урегулировании конфликта в Афганистане (под эгидой ООН и ОИС), но и стать своего рода дополнительными неформальными гарантами выполнения условий этого соглашения. При этом они не смогут заменить официальные международные гарантии мирного соглашения по Афганистану (которые должны быть закреплены на уровне Совета Безопасности ООН), но могли бы стать их естественным дополнением на региональном уровне, на основе тех реальных связей и влияния, которыми те или иные региональные державы располагают в разных частях Афганистана, в том числе на базе различных многосторонних региональных форматов.

*«Пути к миру и безопасности»,
М., 2012 г., вып. 1, с. 19–31.*

Тахер Джабер,

аспирант кафедры теории и истории МО (МГЛУ)

ВЛИЯНИЕ «АРАБСКОЙ ВЕСНЫ»

НА ПАЛЕСТИНО-ИЗРАИЛЬСКИЙ КОНФЛИКТ

Американские администрации, сменявшие друг друга, придерживались следующей позиции: в интересах могущественных Соединенных Штатов и Большого Ближнего Востока – достижение прочного мира между арабскими странами и Израилем. Однако со временем точки зрения по поводу политики Вашингтона в отношении мирного процесса изменились, поскольку американская администрация проводила в отношении этого процесса политику, исходя из своих союзнических отношений с Израилем, вместо того, чтобы обеспечить все объективные предпосылки, необходимые для успешного осуществления мирного процесса.

Сегодня представляется более отчетливо, чем прежде, что американская политика на Ближнем Востоке зашла в тупик. Несмотря на значительные перемены, которые имели место в 2011 г., что нашло свое выражение в изменении политической карты арабского мира в результате падения правящих режимов в Тунисе, Египте, Ливии, подъема оппозиционных народных движений в Йемене, Сирии и Бахрейне, а также возможной вспышки протестных движений в других арабских странах, остается актуальной задача создания независимого, жизнеспособного, суверенного палестинского государства в границах палестинских территорий, оккупированных в 1967 г., со столицей в Восточном Иерусалиме. Именно через такую призму видятся намерения США и предлагаемые ими варианты для разрешения арабо-израильского конфликта.

Существуют острые противоречия в механизме разработки решений в сфере внешней политики США. Например, некоторые высокопоставленные офицеры в американской армии, мнение которых после оккупации Ирака стало играть решающую роль в дискуссии по проблеме мирного разрешения арабо-израильского конфликта, считают, что американским интересам на Ближнем Востоке грозит опасность и что такая ситуация будет продолжаться, поскольку прочный мир на Ближнем Востоке не достигнут. Так, в январе 2010 г. генерал Д. Петреус, командующий US.CENTCOM (Центральное командование армии США), в своем отчете главе Объединенного комитета начальников штабов США адмиралу М. Муллону подчеркивал, что в американской армии существуют тревога и опасения в связи с тем, что топот израильских сапог наносит вред Соединенным Штатам. Далее он продолжал, что борьба является источником отсутствия стабильности в регионе и наносит ущерб американской позиции, как в арабском, так и в исламском мире. Он подчеркивал также, что мир между арабами и Израилем является решающим условием обеспечения национальной безопасности и стратегических интересов США.

Однако события 2011 г. показали, что Соединенные Штаты продолжают проводить политику поддержки Израиля и ослабления давления в направлении урегулирования. Так, институты, вырабатывающие решения в США, продолжают говорить о прочной стратегической связи с Израилем. Можно отметить, что администрация во главе с Обамой пыталась отделить изменения, происходящие в арабском мире, от возможных позитивных результатов этих изменений в палестинской ситуации. Ожидается, что США

будут продолжать этот курс и в 2013 г, пытаясь запретить соответствующим структурам предпринимать какие-либо меры, которые могли бы эскалировать политическое давление на израильское правительство, не говоря уже о том, что курс на политические инициативы США, связанные с Палестиной, будет ослаблен или будет пробуксовывать.

Это подтверждает, что администрация Обамы не сделала никаких выводов из «арабской весны» и протестных движений в арабских странах, она не извлекла урока, что необходимо серьезно и основательно пересмотреть традиционный политический курс, проводимый США в отношении Ближнего Востока. Следовательно, администрация Обамы, как и все предшествовавшие ей американские администрации, нуждается в выработке позиции и в политической воле, что превратит урегулирование на основе создания двух государств из заявлений и риторики в реальные шаги и действенные механизмы на палестино-израильском направлении.

Президент Обама сам признал это в интервью американскому журналу «Тайм» от 21 января 2010 г., в котором он объяснял причину провала миссии своего специального посланника на Ближнем Востоке Джорджа Митчелла, говоря: «Мы переоценили наши возможности в деле убеждения обеих сторон». Палестинский аналитик М. Шафик, комментируя слова Обамы, подчеркнул, что никто не оспаривает уровень американских исследовательских центров, в чьи обязанности вменялась выработка решений во времена «холодной войны», никто не умаляет способности этих центров анализировать актуальные проблемы борьбы, а затем давать детальную оценку для принятия надлежащих решений. То есть никто не отрицает квалификацию тех, кто подготавливал решения, и тех, кто выполнял эти решения, в различных американских структурах в период «холодной войны».

Однако представляется, что ситуация изменилась с тех пор, как к власти в Белом доме пришла администрация Клинтона, затем ситуация еще более обострилась с приходом Джорджа Буша-младшего и стала совсем скверной в период администрации Обамы. Возможно, причина этого кроется в непонимании тех изменений, которые произошли в соотношении сил после развала Советского Союза и наступления эпохи после «холодной войны». И вместо того чтобы признать, что Америка стала слабее после окончания периода существования двух лагерей в мире, сформировалась почти общая убежденность в том, что Америка стала единственной великой державой в мире и может отныне делать

все, что захочет, начиная от создания однополярной мировой системы и заканчивая рассмотрением любой проблемы, унаследованной от предыдущей эпохи, с позиций вопиющего гегемонизма.

По моему мнению, подобная неправильная оценка реального соотношения сил заставила экспертов прошлого периода и их последователей ошибаться при анализе ситуации на всех уровнях, начиная с основ, которые они разрабатывали для системы экономической глобализации, а затем определяя политику в отношении других крупных держав, и заканчивая отношением к региональным проблемам. Погрешность здесь больше чем простое преувеличение. Америка стала слабее, поскольку раньше она могла путем соглашений и конфликтов с социалистическим лагерем регулировать мировой двухполюсный порядок, хотя это был относительный порядок. Однако когда она стала рулить одна, отдаляясь даже от НАТО, с целью создания мирового экономического, военного и политического порядка по своему усмотрению, когда она начала проводить гегемонистский курс в разрешении различных проблем, то это оказалось ей не по силам.

Все эти изменения, которые привели к ослаблению роли США во многих областях, не способствовали повышению уровня сознания американских политиков, экспертов и исследовательских центров для того, чтобы они смогли пересмотреть свою глобальную позицию по всем направлениям, а затем признать, что это уже не та Америка, которая существовала в период «холодной войны». То же самое относится и к другим государствам и народам. Позже разразился финансовый экономический кризис, который стал новым фактором, усугубившим дисбаланс в расстановке сил в мире в отличие от того, как это было в эпоху «холодной войны».

Таким образом, такая ошибочная позиция была связана не с переоценкой своих возможностей, а с ошибкой в самой формуле, в ее внутренней структуре и в балансе сил. Затем эта формула была взята в качестве руководства к действию. Здесь можно задать вопрос: «Когда Америка осознает истину, которая заключается в том, что те изменения в расстановке военно-политических и экономических сил, и даже научных, произошли не в ее интересах?»

Вице-президент США Дж. Байден заявил, что нельзя не поверить в прогноз известного американского историка П. Кеннеди, автора книги «Величие и падение империй», который предсказывал закат «звезды» Соединенных Штатов и восхождение «звезд» Китая, Японии и Европы в ущерб «американской звезде».

Ранее в 2008 г. Агентство национальной безопасности США впервые признало, что мировое господство США с течением времени будет ослабевать, т.е. оно будет двигаться по наклонной. Это явление будет связано со многими факторами, и прежде всего с тем, что огромные ресурсы и финансовые потоки будут перемещаться с Запада на Восток. (Можно отметить, что после мирового финансового кризиса США перестали быть локомотивом мировой экономики. Таким локомотивом становятся Китай, Индия и Бразилия. Кроме того, семерка крупнейших промышленных стран уже не является органом, управляющим миром – появилась «двадцатка», которая взяла в свои руки штурвал, с помощью которого она вершит все дела на мировой экономической арене.) Даже Международный валютный фонд, который обвиняли в том, что он является игрушкой в руках США, ожидает, что китайская экономика обгонит американскую с наступлением 2016 г.

В этой связи А. Макуэй – историк, профессор Висконсинского университета США, автор книги «Американская полицейская империя и пытки», пишет, что «падение США как мировой супердержавы будет беспрецедентно, и возможно это случится раньше, чем многие себе представляют». Затем профессор Макуэй продолжает: «Если США сами захотят оставаться крупнейшим политическим и экономическим центром мира вплоть до 2040 или 2050 г., чтобы завершить то, что называется американским веком, то это, как нам представляется, лишь обманчивая мечта, не подкрепленная реальными данными со всеми их деталями и сложностями, как на уровне конкретной ситуации в Америке, так и на глобальном уровне в мире. Реальный закат Американской империи произойдет с наступлением 2025 г., т.е. через 13 лет, или не позднее 2030 г.».

25 февраля 2011 г. британская газета «Дейли телеграф» утверждала, что революции и протестные выступления на Ближнем Востоке, направленные по своей сути против прогнивших деспотических режимов, были поддержаны США во имя собственных интересов. Газета охарактеризовала происходящее как «падение американской империи на Ближнем Востоке». Газета констатировала, что «американский президент Обама долго колебался, прежде чем занять четкую позицию в отношении кризисных ситуаций на Ближнем Востоке. Затем он пытался представить дело так, что эти движения, в конечном итоге, придут в согласие с американскими представлениями о демократии. Это стало ясно, когда аме-

риканский народ стал полагать, что то, что происходит, напоминает падение социалистических режимов в Восточной Европе».

В отчете газеты говорилось, что история арабского мира после падения Османского государства была свидетелем двух этапов – первый этап был связан с прямым колониальным правлением Франции и Великобритании, а второй этап был связан с американской империей, которая после окончания Второй мировой войны распространила свое влияние в регионе. Газета считает, что арабские государства входят сегодня в третий этап – на этом этапе не является неизбежным, что они примут решение избрать американский вариант развития, и, видимо, Вашингтон до сих пор не осознает это.

Далее газета вспоминает о падении империй, начиная от истории Испанской империи в пользу Великобритании, и заканчивая появлением Американской империи после Второй мировой войны. Америка стала наследницей Великобритании и Франции в регионе после Суэцкой войны 1956 г., «вначале при этом были обещания о предоставлении независимости и самоопределения, однако это продлилось недолго. Америка выбрала путь господства с помощью деспотических прогнивших диктатур, которые она снабжала оружием, тренировала их вооруженные силы и давала им советы из Вашингтона». В заключение говорится: «Так же как 1989 г. был свидетелем развала советской империи, 2011 г., как нам представляется, станет свидетелем падения проамериканских режимов в арабском мире, а затем последует развал американской империи и ее падение» (Daily Telegraph, 25.02.2011).

Я полагаю, что все, что было сказано выше, тесно связано с арабскими революциями и с отношением США к ним, а также с перспективами урегулирования палестино-израильского и арабо-израильского конфликта, поскольку арабские революции коренным образом повлияли на соотношение сил в регионе, что, в свою очередь, связано с соотношением сил на международной арене. Дело в том, что арабо-израильский конфликт органически связан тесными узами с американо-израильским альянсом, а также с тем, что США безоговорочно поддерживают правящие круги Израиля и их политику, направленную на срыв всестороннего урегулирования конфликта на основе соответствующих международных резолюций по Ближнему Востоку и на основе «принципа: земля в обмен на мир», что может дать возможность палестинскому народу осуществить свои законные и неотъемлемые права.

Несмотря на то что палестинская проблема и арабо-израильский конфликт не были непосредственными факторами, повлиявшими на волну арабских революций в Тунисе, Египте, Ливии, Йемене, а также на массовые протестные движения во многих других странах, палестинская проблема и отношение арабских режимов к ней не потеряли свою актуальность на фоне этих революций и народных движений, поскольку данный факт глубоко проник в массовое сознание арабов. При этом надо учитывать, что палестинская проблема остается фактором, который объединяет все арабские народы; любой революционный подъем и изменения, происходящие в регионе, будут иметь последствия и для палестинской проблемы. В то же время эти последствия будут связаны с социальными изменениями и политическими силами, которые возглавят движения масс и возьмут в свои руки бразды правления после победы революций. Здесь необходимо учитывать связь этих сил с крупными державами, имеющими отношение к ситуации на Ближнем Востоке.

В этой связи американская газета «Крисчен сайенс монитор» в своем докладе о результатах арабских революций указывала, что палестинцы больше всех выиграли от «арабской весны», а Израиль больше всех потерял, за ним следуют США. Писатель А. Нуфал, выступая на симпозиуме по вопросам арабских революций (Амман, 11.02.2012), отметил следующее: «Арабские революции частично ослабили влияние Израиля и Америки на выработку арабского решения. Это означает, что приоритет отдается национальным и исламским интересам, которые превалируют над противоречащими им соображениями, связанными с внешним давлением. Таким образом, открылись перспективы для проекта арабо-исламского возрождения, с помощью которого будут осуществляться крупные политические, экономические, социальные и, возможно, военные преобразования. Эти перемены будут сопровождаться изменением в соотношении сил в регионе, что негативно скажется на перспективах сионистского проекта и израильского образования в регионе».

Ситуация в арабском регионе находится под влиянием действующих игроков, как региональных, так и международных, а также под влиянием их позиций. Арабские революции начались в период геостратегических изменений, они привели к переменам, которые, как мне представляется, окажут большое влияние на геостратегическую карту с точки зрения баланса сил и их роли таким образом, что это будет соответствовать возможностям и ресурсам

заинтересованных государств, их устремлениям и значению арабского региона.

Основной чертой геостратегических изменений в арабском мире в период после «холодной войны» является утверждение интересов великих держав в арабских странах, поскольку арабские страны были важной сферой для осуществления таких интересов. При этом на официальном уровне арабский мир не стал стратегическим фактором. Отдельные элементы соперничали между собой за сближение с Соединенными Штатами, при этом каждая страна действовала в одиночку. К этому можно добавить ослабление Ирака после второй Войны в Заливе. Таким образом, отсутствовала руководящая роль какого-либо арабского государства, после того как Египет отказался от этой роли, подписав «Кэмп-Дэвидское соглашение». Все это способствовало тому, что великие державы стали формулировать свои стратегические устремления за счет арабских интересов. Израиль извлек из этой реальности пользу, поскольку его альянс с США и Западом защищал его от любой угрозы его безопасности, которая могла бы изменить существующую формулу противостояния. Все это усугубилось после того как США оккупировали Ирак и вывели его из структуры арабо-израильского противостояния. Оккупация Ирака в апреле 2003 г. показала, что официально арабская система вошла в новую стадию. На этой стадии США пытались утвердить свои новые позиции и укрепить их, руководя при этом мировым порядком.

Таким образом, США стремились создать новое ближневосточное пространство, и одной из их целей стала оккупация Ирака. Американский проект вызвал два вида реакции:

- сопротивление внутри Ирака, которое было усилено массовым арабским движением против политики США и их целей;
- соглашательская позиция многих деспотических режимов на Арабском Востоке в отношении американского проекта и нового баланса сил с геостратегической точки зрения.

Казалось, что будто бы появилась новая, противоположная формула в связи с возникновением новой ситуации в арабском регионе. В этот период большое значение приобрело движение сопротивления в отношении политики США. Это происходило в результате того, что Соединенные Штаты проводили гегемонистскую политику на международной арене, а также в отсутствие каких-либо международных сил, способных уравновесить роль США. Военные операции США в Афганистане и в Ираке превратились для американцев в реальное бремя и повлияли на геостра-

тегическую роль США в мире. Казалось, что США увязли в болоте и не в состоянии изменить что-либо. Все это требовало внесения изменений в стратегическое планирование и контуры этого процесса начали проявляться в конце правления президента Буша-младшего в 2007 г. Приход президента Обамы к власти в конце 2008 г. представлял из себя стратегическое дополнение ко всем указанным факторам. Таким образом начался период стратегических перемен – это проявилось в мировой системе и нашло свое выражение в усилении международной роли Китая, в росте присутствия России и в отказе США от своей гегемонистской роли на международной арене.

Арабские революции оказали большое влияние на различные аспекты геополитического ландшафта. Это касалось как самих государств региона, так и международных и региональных игроков, хотя революции в Тунисе и Египте не отразили характер геостратегических изменений в арабских странах в силу того, что они продолжались недолго. Однако этого периода времени было достаточно для того, чтобы вызвать тревогу в Израиле и других странах в результате падения египетского режима.

Арабские революции вызвали относительный поворот в американском курсе. Революции заставили США пересмотреть рычаги своей внешней политики на Ближнем Востоке, изменить стратегию использования «мягкой силы», что проявилось в попытке администрации Обамы избежать столкновения с арабским миром, а также в попытке взаимодействовать с ним позитивно и контролировать революции, чтобы сохранить свои прочные позиции в Египте и в странах Арабского Залива. Однако было невозможно гарантировать осуществление этого курса при той позиции, которую занимали Соединенные Штаты в отношении конфликта на Ближнем Востоке. Арабская «улица» оказывала давление на правящие арабские режимы и не позволяла им, как это бывало в прошлом, проводить политику уступок в противостоянии с Израилем, а также политику подчинения давлению со стороны США и государств Запада. Кроме того, изменение понятия национальной безопасности арабских государств неизбежно потребует от арабских режимов занять твердую позицию в отношении агрессивных действий Израиля. Это, в свою очередь, приведет к изоляции Израиля в регионе и нейтрализует его влияние как государства, которое может навязать свою политику всему региональному пространству, особенно таким ключевым арабским государствам, как Египет.

Это также окажет свое влияние в новых формах на Ближнем Востоке с точки зрения усиления американских устремлений с целью сохранения американского влияния, стратегических альянсов и интересов Израиля. Однако в то же самое время Соединенные Штаты будут вынуждены принять во внимание требования арабских народных масс и реакцию режимов на эти требования, в частности в том, что касается арабо-израильского противостояния.

С другой стороны, правые силы, находящиеся у власти в Израиле, извлекут пользу из геостратегического соперничества между региональными и международными игроками в регионе, а также из ситуации, когда арабские государства будут заниматься нормализацией внутренней жизни или завершением переходного периода, с тем чтобы осуществить свои планы, направленные на то, чтобы свернуть досье палестинской проблемы, заменив его частичными решениями. Следует ожидать усилий Израиля, направленных на продолжение курса на строительство еврейских поселений, а затем выставить его в качестве географического и демографического препятствия, с тем чтобы это стало одним из ограничителей в любом переговорном процессе в будущем. Израиль будет извлекать пользу из временных последствий арабской революционной ситуации в ближайшем будущем, а влияние арабского общественного мнения будет самым важным определяющим фактором, который покажет ограниченность роли Израиля и его политики. Таким образом, Израиль окажется в центре арабского пространства, пытаясь навязать свои планы в самом ближайшем будущем. Мне представляется, что революции позитивно повлияли на обе силы, участвующие во внутреннем палестинском расколе. Кроме того, эти революции привели к укреплению официальной палестинской позиции в отношении переговоров, особенно в условиях отсутствия давления со стороны официального Египта, что в прошлом практиковал режим Х. Мубарака, который оказывал давление на палестинское руководство, с тем чтобы оно подчинялось американо-израильскому диктату.

Решающим для определения позиции в отношении Израиля, в конечном счете, будет способность арабских стран, ставших свидетелями революций, создать динамичные демократические режимы, как с точки зрения политики, так и экономики, режимы, которые будут проявлять сплоченность, как в сфере безопасности, так и в военной сфере. Эти государства будут иметь международное влияние в качестве демократических государств. Решающим фактором будет также способность этих режимов дать успешный

образец внутреннего развития, выражая в то же самое время ущемления арабского общественного мнения и его реальные анти-израильские настроения.

В этой связи, самое важное, что сделали революции «арабской весны», заключается в том, что они выдвинули на первый план факт существования у США других интересов кроме Израиля. В Вашингтоне убедились в том, что США не смогут сохранить свои стратегические интересы в регионе в ситуации, когда арабские народы стремятся расширить границы своих свобод и свое влияние на принятие национальных государственных решений, в том числе освободиться от зависимости некоторых арабских режимов от Соединенных Штатов и Израиля.

Таким образом, две стороны, участвующие во внутренней дискуссии в США по поводу определения американских интересов в регионе Ближнего Востока, пытаются использовать события, происходящие в арабском мире, в своих интересах. В результате, Нетаньяху, недовольный «небрежной», по его мнению, американской позицией в отношении арабских революций, и особенно в Египте, где революция привела к свержению режима союзника США Х. Мубарака, хотел предотвратить любую попытку США в будущем оказать давление на Израиль. Основываясь на советах своих союзников в США, он потребовал от американского Конгресса разрешения выступить в обеих палатах Конгресса – Палате представителей и Сенате – по вопросу о последних событиях, происходящих в арабском мире, а также по поводу стремления палестинской администрации обратиться в ООН и Совет Безопасности с просьбой получить международное признание Палестинского государства. Иначе говоря, Нетаньяху хотел противопоставить Конгресс американскому президенту. Хотя США выразили свое несогласие с обращением палестинского руководства в Совет Безопасности ООН, угрожая наложить вето по этому вопросу, Нетаньяху желал от американской администрации большего, а именно: оказать давление на европейских союзников, особенно Великобританию и Францию, с тем чтобы они не поддерживали просьбу палестинцев.

На основе вышеизложенного анализа можно сделать следующий вывод: поскольку американская администрация не способна сделать выбор между своими жизненными интересами в регионе и Израилем, а арабские революции не завершились и пока еще не принесли свои плоды, возможность изменения политиче-

ского курса США будет реализовываться по следующим двум направлениям.

Первое. США будут оказывать давление на Израиль и способствовать ускорению урегулирования палестинской проблемы. В силу изменений, произошедших на политической карте Ближнего Востока, а также в результате того, что США потеряли свою роль в качестве главной экономической державы, не говоря уже о значительных проблемах внутри страны, кроме того, ослаб международный престиж США в результате их агрессивной политики, в частности, в период правления Джорджа Буша ослабла способность США использовать свой значительный военный арсенал, все эти факторы в будущем приведут к давлению на структуры, разрабатывающие американские решения, в целях пересмотра их отношения к региону Ближнего Востока. Однако полное осуществление этого курса не произойдет в ближайшем будущем, кроме того, смычка Соединенных Штатов с Израилем останется стабильной, по меньшей мере, в обозримом будущем. С тем чтобы ускорить давление на США с целью сделать взаимодействие с проблемами региона более сбалансированным, в условиях успешного развития «арабской весны» необходимо, чтобы арабские государства имели единую, совместную стратегию, которая бы принимала в расчет народную поддержку выдвигаемых ими требований. И тогда выбор Вашингтона будет заключаться в том, что: будем ли мы жертвовать нашими жизненными интересами и нашей стратегией в регионе во имя Израиля или мы будем стремиться сохранить эти интересы путем выстраивания более справедливого политического курса с позиций большего уважения данного региона и его народов.

Второе. Продолжение курса на смычку с Израилем за счет интересов арабов и палестинцев. Попытка администрации Обамы оказывать давление на Израиль ни в коем случае не означает отхода от смычки с Израилем. Израиль имеет в США «собственный вес», что ставит его выше партийных разногласий. Израиль имеет идейные, политические и исторические позиции в США. Когда мы говорим о «собственном весе Израиля», мы имеем в виду известный проект (израильский надгосударственный и надпартийный), который, как считают в Америке, повествует об успешном плаваньи в океане корабля, вокруг которого бушуют волны, которые стремятся потопить корабль, исчезающий в пучине волн. Возможно, этот «собственный вес», как в историческом, так и политическом плане, останавливает усилия Обамы и ослабляет их. Это

можно объяснить значительным влиянием Израиля на обе палаты американского Конгресса: Палату представителей и Сенат. Еврейское лобби имеет в США огромные финансовые и информационные возможности, поэтому любой член Конгресса тысячу раз подумает, прежде чем бросить ему вызов. Таким образом, давление на Израиль является сложным делом.

Существует много вопросов, которые необходимо рассмотреть, если мы говорим о перспективах противостояния на Ближнем Востоке. Какова судьба процесса политического урегулирования между палестинцами и израильтянами, если будет денонсировано «Кэмп-Дэвидское соглашение», подписанное между Египтом и Израилем, а также соглашение Вади Араба, подписанное между Иорданией и Израилем? Если же эти соглашения сохраняются в обозримом будущем, то как повлияет падение режима Х. Мубарака на переговорный процесс? Как повлияют успехи новой власти в Египте на осуществление перемирия между движениями «ФАТХ» и «ХАМАС»? Что означает прорыв Египтом израильской блокады против сектора Газа в марте 2006 г.? Что останется от того, что называлось «осью арабской умеренности» после того, как ее покинули режим Мубарака и режим З. Аль-Абедина Бен-Али?

Сложно предвидеть будущее, однако можно сказать, что с падением режима Х. Мубарака в Египте была разрушена одна из фундаментальных основ израильской концепции безопасности, поскольку Израиль опирался прежде всего на сговор с арабскими контрагентами с целью обеспечения своей безопасности. Мирное соглашение между Египтом и Израилем, подписанное режимом А. Садата, явилось самым важным шагом для развития этой арабской роли в обеспечении безопасности Израиля, поскольку это соглашение и последовавшие за ним обязательства и соглашения Израиля с режимом Мубарака, начиная с конца 1981 г., дали Израилю два стратегических преимущества. Первое заключается в том, что южный израильский фронт с Египтом стал безопасным и охранялся четкими обязательствами, взятыми на себя Каиром, а второе – в роли, которую играл режим Х. Мубарака, пытавшийся осуществить демонтаж движения сопротивления в рамках арабской стратегической концепции. Этот поворот толкнул режим на то, чтобы действовать в рамках условий, поставленных Израилем, а также чтобы блокировать и исказить все формы арабского сопротивления, позволить Израилю проникнуть в сферу арабского менталитета, культуры и воли. В результате идея капитуляции стала господствующей при выборе арабского политического ре-

шения. Это дало возможность Израилю направить все свои усилия, с одной стороны, на укрепление своей военной и стратегической мощи, а с другой стороны, на создание международных и региональных альянсов, на расширение борьбы с силами, поддерживающими арабское сопротивление, так же как это происходит в настоящее время с Ираном после того, как Израиль успокоился, добив способность арабов к сопротивлению.

В настоящее время после падения режима Мубарака Израиль стремится к созданию «новой теории безопасности», которая будет строиться на четком понимании новой политической, стратегической и культурной реальности в арабском мире. Он должен поставить точку в своих отношениях с прежним Египтом эпохи Мубарака и хорошо подумать о перестройке своего южного фронта, мобилизовав для этого все необходимые ресурсы и финансы. В то же время он должен противостоять переменам в некоторых арабских странах, которые в большинстве случаев будут исламистскими и революционными, поскольку они должны вернуть веру в возможность сопротивления, вернуть связь с палестинской проблемой, являющейся центральной арабской проблемой, с помощью которой можно построить новый арабский порядок в соответствии с новым течением арабской революции.

Эти факты толкнули министра обороны Израиля Э. Барака на то, чтобы сравнить революционные перемены в арабском мире с «историческим землетрясением», которое повлечет за собой, как он считает, «дипломатическое цунами». Это приведет к тому, что Израиль полностью потеряет свою легитимность.

Если так мыслит министр обороны Израиля, то это означает, что дело дошло до состояния реальной опасности. Так считает Ш. Афнири, профессор политологии и в прошлом ответственный сотрудник МИД Израиля. Он сказал, что повестка дня, которая стоит перед Израилем вследствие политических изменений, происходящих в настоящее время в арабских государствах, будет неизбежно отличаться от того, что имеет место в Европе и Америке. Далее он продолжает: «Если бы я жил в Европе, а в Египте в это время начались беспорядки (!), то это плохо, что касается Израиля, то здесь это не просто очень плохо, а это изменение всей жизни. У нас был мир с Египтом на протяжении 30 лет, а сегодня мы не знаем, что происходит». Подобное отсутствие уверенности быстро сказалось на реакции Израиля, прежде всего со стороны руководства сил безопасности. Такая реакция имела место даже до падения режима Мубарака. Так, Министерство обороны потребовало

предусмотреть дополнительный бюджет – приблизительно 200 млн. долл. для того, чтобы выделить дополнительные средства для армии. Как считалось, это будет первый этап, за которым неизбежно последуют другие этапы с целью увеличения бюджета и выделения дополнительного финансирования на военные цели и силы безопасности.

С другой стороны, в Израиле стала разрабатываться новая стратегия, которая должна была учитывать всю ситуацию в целом. Реальные факты были обнародованы на конференции в Герцлии, работа которой началась 16 февраля 2011 г. На конференции было заявлено об «ослаблении национального иммунитета», при этом были проанализированы результаты исследований, которые опирались на такие научные данные, как основные показатели национального иммунитета, отражающие способность граждан и общества к стойкости и противодействию в условиях продолжающегося противостояния, а также их способность противостоять давлению и вызовам и проявлять достаточную гибкость, что даст им возможность сохранить стабильность, имея в виду основные понятия и идеи, которые образуют социально-политическую ткань общества.

Профессор Дж. Бен Дур, один из известных специалистов в этой области, пришел к выводу, что результаты нового исследования критерия национального иммунитета показывают существенное снижение национальной идентичности евреев в Израиле, а также снижение их готовности к борьбе за свободу своей родины, и это снижение явилось беспрецедентным за последние 20 лет, в течение которых проводились эти исследования. В этой связи он упомянул влияние экономических и социальных факторов, наличие коррупции, кризис верхов и т.д.

Важный результат, который можно считать сутью позиции, был изложен руководителем сектора политических и стратегических исследований А. Монтесом в Центре Герцля. Он сказал: «Время сейчас уже не работает на Израиль, который делал ставку на слабость арабов и разногласия между ними». Что касается важного совета для осуществления срочных действий Израилем во имя спасения ситуации, то об этом на конференции говорил Д. Ротшильд, организатор этой конференции, призвавший Израиль предвосхитить те события, которые произойдут в регионе, и «принять твердые решения, достигнув договоренности с палестинцами до того, как «поезд уйдет».

Эти изменения, следовавшие одно за другим, среди которых были возможные последствия революционных перемен в арабских странах, а также возможный крах расчетов Израиля и его альянсов с «осью арабской умеренности», которой угрожал развал, и в дополнение к этому «ослабление национального иммунитета Израиля» и утрата эффекта так называемого «израильского чуда», как образца прогресса и демократии, все эти угрозы усугублялись по мере того, как Израиль становился все бóльшим бременем для Соединенных Штатов.

А. Гилад, заведующий Отделом политической безопасности Министерства обороны Израиля, считал, что все эти изменения вкупе равнозначны «объявлению войны существованию Израиля». Подобная точка зрения означает лишь то, что Израиль должен вести войну против того, что он считает «стратегической опасностью его существованию». Эта опасность заключается в настоящее время в революционных изменениях, которые продолжаются в Египте и многих других арабских странах и являются главной угрозой, которая может обостриться в период, когда революционные движения превратятся в правящие революционные режимы. Это означает, что Израиль будет стараться вести войну на двух уровнях:

Во-первых, он будет стремиться прервать нынешний процесс революционных изменений путем создания альянсов с силами контрреволюции. Кроме того, он будет стремиться не провоцировать переходный режим в Египте, призывая его сделать выбор в пользу стабилизации, чтобы этот режим сделал Египет демократическим, но не революционным и не враждебным Израилю государством.

Во-вторых, Израиль находится в полной готовности начать борьбу с новой египетской властью, которая в свою очередь может вновь начать конфронтацию с Израилем, считая его стратегическим противником. Этот уровень противостояния более значительный. Новая теория примет в расчет стратегического противника, находящегося на южных границах Израиля. Значительные перемены на карте региональных альянсов и противостояний, возможно, окажут свое влияние на обоих уровнях. Во-первых, демонтаж «альянса или оси умеренности в арабском мире»; во-вторых, создание партнерского союза между Египтом, Ираном и Турцией, в случае, если он осуществится, приведет Израиль к историческому тупику, которого он боится, поскольку тогда под вопросом окажется само его существование.

Именно этот аспект заботит Израиль в настоящее время, в равной степени как на уровне блокирования революционных изменений и прерывания их, так и на уровне выстраивания спокойных отношений с новым режимом, предотвращая разжигание противостояния, которого в настоящее время не желают израильтяне. Таким образом, эти силы стремятся нейтрализовать революцию в Египте, подкармливая своих партнеров среди бизнесменов, журналистов и всех, кого израильтянам удалось мобилизовать, с целью купировать революцию и превратить ее лишь в «реформистское движение». Это «движение», в конечном итоге, приведет к установлению демократического строя, целью которого будет проведение внутренней реформы без внешнего влияния. Израильтяне будут стремиться к нормализации отношений с режимом в Египте и будут оказывать косвенное влияние для того, чтобы противостоять сближению его с Ираном, используя при этом своих партнеров среди арабов, американцев, европейцев и даже африканцев.

Что касается палестинской проблемы, в равной степени в отношении того, что происходит в Газе, или в отношении попыток палестинского примирения, а также в отношении палестинской дипломатической активности с целью провозглашения создания государства с трибуны Генеральной Ассамблеи ООН, то израильтяне считают, что они вынуждены принять один из следующих сложных выборов, которые, возможно, ускорят их столкновение с режимом в Египте

1. Проводить политику нанесения превентивного военного удара по сектору Газа с целью запутать все расчеты палестинской, арабской и международной сторон и создать кризис для того, чтобы, отвлечь внимание, во-первых, от усилий по национальному примирению палестинцев и, во-вторых, от обращения в ООН для заявления о создании Палестинского государства. Однако подобный выбор чрезвычайно опасен в настоящее время, поскольку Израилю будет сложно перенести его последствия.

2. Осуществить тактический вывод войск с Западного берега в соответствии со сценарием «временного Палестинского государства», к созданию которого призывал Ш. Мофаз, бывший начальник Генерального штаба и крупный руководитель в партии Кадима. Или же осуществить этот план в соответствии с неофициальной инициативой, которую выдвинули 40 «израильских» персон. Эта инициатива заключается в создании Палестинского государства на большей части территории, оккупированной в 1967 г.,

путем проведения обмена территориями в границах, не превышающих 7%. Эта инициатива нацелена на то, чтобы вывести Израиль из изоляции и кризиса.

3. Осуществить дипломатический выбор, который в равной степени касается призыва к возобновлению переговоров с палестинской администрацией или к предотвращению усилий палестинцев, направленных на провозглашение создания государства. При этом будет продолжаться кампания давления, которую проводит Израиль в отношении США и Евросоюза.

Данные варианты являются сложными, но они необходимы, несмотря на все последствия, к которым они могут привести в сфере отношений с новым режимом в Египте и с «народными революциями и движениями в арабском мире» в глобальном смысле. При этом в Израиле понимают, что эти отношения рано или поздно приведут к столкновению. Таким образом, в перспективе ничто не говорит о возможных изменениях в нынешней политике Израиля, который навязывает свое видение урегулирования. При этом даже заявления Израиля о том, что он принимает идею создания Палестинского государства, всегда связаны с комплексом условий, навязываемых палестинцам.

Итак, ожидаемые альтернативы для Израиля:

1. Одностороннее решение. Этот выбор заключается в попытке продлить нынешнюю ситуацию на возможно более длительный срок, с тем чтобы использовать время для продолжения навязывания новых реалий. Например, Израиль навязывает палестинцам вариант принятия государства с временными границами в соответствии с тем, как он видит эти границы, с обменом территориями и людьми. Кроме того, Израиль сохраняет большую часть территорий и ресурсов, и среди них Иерусалим и крупные поселенческие агломерации, а палестинское население составляет в этих поселениях меньшую часть.

2. Предложения о создании временного государства. Эта идея означает попытку толкнуть палестинцев на принятие соглашения, по которому будет создано государство с временными границами на 60% территории Западного берега. В то же время будут отложены проблемы окончательного урегулирования. Таким образом, после этого Израиль будет стремиться превратить временное соглашение в окончательное. Прежде подобный вариант уже выдвигался некоторыми израильскими руководителями, в том числе Ш. Муфасом и И. Иланд.

3. Обращение к «третьей стороне». Этот выбор означает стремление возратить роль третьих сторон для управления делами палестинцев на Западном берегу и в секторе Газа. Однако этот выбор требует согласия третьей стороны, вмешательство которой предполагается.

4. Сохранение фактического статус-кво. Это означает, что Израиль будет вновь навязывать существующие реалии, не пытаясь достичь соглашения с палестинцами. И это по причине того, что, во-первых, не существует в стране общей точки зрения по поводу подобного соглашения, а во-вторых, нет реального давления, которое толкало бы политический курс в этом направлении. В-третьих, существует растущее движение в Израиле в сторону правого и религиозного экстремизма, что усложняет возможность пойти на уступки палестинцам.

Все эти альтернативы предложены для обсуждения в Израиле, хотя их подъем и спад находятся под влиянием ряда факторов, как на региональном, так и международном уровнях. Несмотря на то что идея одностороннего урегулирования отступила назад в период между 2005 и 2006 гг., она вновь стала выходить на первый план, в то время как идея временного государства, которая стала выдвигаться с 2009 г., постепенно отошла на задний план по причине неприятия этой идеи со стороны палестинцев. Однако в нынешних условиях, как мне представляется, Израиль будет вынужден думать о быстром урегулировании лишь в случае существенных изменений в арабском мире.

Что можно сказать о палестинских альтернативах в противовес израильским, предложенным для обсуждения? Отвечая на этот вопрос, можно сказать, что руководство Палестинской автономии и ООП стало понимать, что переформирование сил, действующих в регионе, позитивно скажется на палестинской проблеме со всеми ее составляющими. Здесь надо подчеркнуть, что это влияние не будет прямым и не произойдет в скором будущем, однако оно будет иметь важные последствия в долгосрочном плане, а возможно и в среднесрочном, поскольку любые реальные изменения в арабских странах в ближайшем будущем будут идти вразрез с интересами Израиля, ведь арабские народы в стратегическом плане выступают против него. Таким образом, процесс сдвига и достижения успеха в том, что касается политического урегулирования, пока еще не поздно, палестино-израильского и арабо-израильского противостояния, остается на израильском поле.

В заключение можно сделать следующие выводы. Осенью 2000 г. «Интифада Аль-Акса» взорвала ситуацию. Длившийся почти десятилетие и испытывавший значительные трудности на финальном этапе окончательного урегулирования мирный процесс был остановлен. Новые надежды породила программа «Дорожная карта», опубликованная 30 апреля 2003 г. Предложенная от имени США, России, ООН и ЕС, эта программа рассматривалась мировым сообществом как наиболее приемлемый путь продвижения к справедливому и всеобъемлющему урегулированию арабо-израильского конфликта на основе принципа мирного сосуществования двух государств – Израиля и Палестины. К сожалению, дальнейшее развитие событий показало, что попытки мирового сообщества навязать сторонам компромиссные условия урегулирования извне и переломить с помощью «Дорожной карты» ситуацию в пользу политического урегулирования столкнулись с трудно преодолимыми препятствиями. Выяснилось, что несовпадений во мнениях и противоречий у руководителей Израиля и Палестины гораздо больше, чем предполагалось, и что им чрезвычайно трудно прийти к согласию. Реализация «Дорожной карты» была сорвана. По моему мнению, причин было несколько.

Во-первых, сохранившиеся принципиальные разногласия между израильской и палестинской сторонами в отношении главных вопросов – территорий и границ будущего Палестинского государства, статуса Иерусалима, палестинских беженцев, еврейских поселений на оккупированных палестинских территориях.

Во-вторых, непрекращавшиеся столкновения между участниками «Интифады Аль-Акса» и израильскими войсками.

В-третьих, в то время как палестинская сторона выполнила большую часть требований «Дорожной карты», израильские власти не выполнили своих обязательств по выводу еврейских поселений с Западного берега и освобождению из израильских тюрем палестинских заключенных.

Можно с уверенностью сказать, что в условиях отсутствия взвешенной и активной международной и общееарабской позиции Вашингтону удалось оказать давление на Палестинскую автономию и превратить бегство Израиля из сектора Газа в его стратегический выигрыш. Правительство Нетаньяху взяло курс на эскалацию насилия против палестинцев, и в декабре 2008 г. израильские войска напали на сектор Газа. Это был удар по усилиям, которые предпринимала Москва, призывая к проведению международной

мирной конференции по Ближнему Востоку, состоявшейся несколько позже – весной 2009 г. Администрация Б. Обамы не оказывает давления на Израиль с целью замораживания строительства еврейских поселений на оккупированных палестинских территориях. Она требует от палестинцев вернуться за стол переговоров без каких-либо условий.

В ситуации активного израильского давления внутри США через связи с членами Конгресса, а также в результате доминирования еврейского лобби в большинстве СМИ исполнительная власть в США стала заложницей давления со стороны законодательной власти и «четвертой власти», т.е. СМИ. Проблема здесь заключается в том, что разделительная линия проходит не между правящей Демократической партией и оппозиционной Республиканской. «Израильское влияние» охватывает обе партии. Значительное число «демократов» участвует в оказании давления на администрацию Обамы в интересах Израиля. Напрашивается вывод, что администрация Обамы не извлекла никаких уроков из «арабской весны» и продолжает проводить традиционный произраильский политический курс на Ближнем Востоке. В результате действий всех вышеперечисленных факторов, политический процесс мирного урегулирования палестино-израильского конфликта продолжает «пробуксовывать» и находится в настоящее время в стадии «зависания» конфликта.

*Статья предоставлена автором для публикации
в бюллетене «Россия и мусульманский мир».*

Ольга Бибикова,
кандидат исторических наук (ИВ РАН)
**ИСЛАМ И МУСУЛЬМАНЕ
НА АПЕННИНСКОМ ПОЛУОСТРОВЕ**

В отличие от многих других западноевропейских государств, на Апеннинском полуострове ислам получил распространение более тысячи лет назад. Франко Кардини, автор книги «Европа и ислам. История непонимания», описывая первые набеги арабов на европейские земли, пишет, что «после того, как Сирия и Палестина в 630–640 гг., а Египет – в 639–646 гг. – были захвачены арабами, сирийские и египетские моряки... перешли на службу к последователям Пророка. Причем делали они это добровольно, будучи в большинстве своем христианами-монофизитами и, сле-

довательно, подвергаясь дискриминации со стороны византийских властей». Уже в 652 г. произошло несколько набегов на Сицилию. Несколько раньше, в 647 г., под власть мусульман попала старая провинция Римской империи Африка (по-арабски «Ифрикия»). Известно, что арабы также проникли на территорию Пиренейского полуострова и основали там свои эмираты. Кроме того, арабы освоили южное побережье Франции.

В VIII–X вв. пиратский промысел был чрезвычайно распространен на Средиземном море. В частности, набеги на Балеарские острова начались в 798 г., а в 902 г. произошло их завоевание. С 1015 г. островами владел Аль-Муджахид аль-А'мири, командующий пиратским флотом. После арабского завоевания острова управлялись мусульманскими наместниками, закрепившими за собой титул эмира. В XI в. острова входили в состав тайфы Дения, но в 1050 г. губернатор Балеарских островов Абдаллах ибн Аглаб объявил себя независимым правителем.

Арабы, или «агаряне» (так их называли в честь Агари, служанки и матери Исмаила, внебрачного сына Авраама, к которому возводят всех арабов), в тот период стали своеобразным «козлом отпущения», так как виновниками всех неприятностей, которые происходили в Средиземноморье, европейцы объявляли арабов. Анри Пиренн считал, что морские набеги «сарацин» способствовали упадку развития региона. На самом деле, мусульмане отнюдь не были единственными героями грабительских набегов на южные районы Европы – побережье и острова Средиземного моря, – однако рассказы об их набегах постепенно обросли художественными образами и превратились в эпическую традицию.

В IX в. арабы завладели островом Сицилия и продержались здесь до 1091 г. Ив Торваль, автор словаря «*Civilisation musulmane*», пишет, что после долгой и изнурительной борьбы за остров, группа сицилийцев, враждебная Византии, обратилась за помощью к тунисским Аглабидам, которые поспешили завоевать Сицилию (частично) вместе с Палермо. Мессина была захвачена в 843 г., Сиракузы – в 878. В то же время арабы с Сицилии нападали на южные районы Италии. В 837 г. они оккупировали Неаполь, а в 845 г. – Бари, город, который после этого служил их базой на Адриатическом море в течение 30 лет. В 846 и 849 гг. арабы угрожали Риму и даже вынудили папу платить дань. Затем неожиданное вторжение византийцев вынудило их покинуть Апеннинский полуостров. Но на Сицилии в течение 150 лет продержалась целая плеяда арабских эмиров: Абу аль-Футух Юсуф аль-Давля (989–

998), Джа'фар бен Юсуф Тадж ад-Давля (998–1019), Ахмад бен Юсуф аль-Акхаль (1019–1036), аль-Хасан бен Юсуф аль-Самсам (1038–1053). У власти в Палермо была династия Кальбидов. В период их правления сельское хозяйство обогатилось новыми культурами. Важнейшим нововведением арабов явились грандиозные работы по мелиорации острова. Сицилия покрылась густой сетью водных каналов и других ирригационных сооружений. Некоторые из привнесенных мусульманами на остров культур, в особенности цитрусовые, до сих пор составляют основу сицилийской экономики.

Исламское культурное влияние на остров произвело большое впечатление на путешественника и географа ибн Хаукаля, посетившего Сицилию в 972–973 гг. Он описывал кварталы Палермо, его дворцы и несметное количество мечетей: «Городские и квартальные мечети превышают числом три сотни...» Он утверждал, что никогда не видел столько мечетей даже в городах, которые вдвое превосходили Палермо по размерам. Большинство жителей Сицилии остались верны своей христианской вере и находились, в соответствии с исламской практикой, на положении защищаемых мусульманами религиозных меньшинств (зиммии). Это означало, что в ответ на выплату подушного налога (джизья) и соблюдение определенных обязательств им гарантировались безопасность личности, имущества, свобода следовать законам собственной религии, учреждать необходимые для их религиозной общины институты. Тот же самый статус был предоставлен маленькой иудейской общине острова, которая большей частью проживала в прибрежных городах.

Среди правителей, судя по сохранившейся ономастике, были и выходцы из Средней Азии. Например, первоначальное название селения Буккери – Бухари. Итальянский востоковед Микеле Амари насчитал 328 арабских названий населенных пунктов (включая города), основанных или переименованных в свое время мусульманскими завоевателями. Сицилийская золотая монета называлась арабским словом «рубайя», что означает «четверть» динара. Даже при норманнах надписи на монетах делались по-прежнему по-арабски, и год выпуска проставлялся в двух вариантах – по христианскому и мусульманскому летоисчислению. Арабо-исламская цивилизация оставила заметный след в культуре и искусстве этого региона. О длительном и благотворном арабском присутствии на острове свидетельствуют архитектурные памятники в Палермо и других городах и селениях острова. Этническое и религиозное

разнообразие характеризовало сицилийское общество в течение всего мусульманского правления. На Сицилии писал свои стихи великий арабо-сицилийский поэт Ибн Хамдис (ум. 1133), позже уехавший в Испанию. Здесь же работал известный грамматик, уроженец острова, Ибн Катта (ум. 1121). Кроме того, в собрании местных музеев находятся книги и рукописи на арабском языке, в том числе древние копии Корана.

Ив Торваль отмечает, что в период господства арабов на Сицилию съезжались люди науки и искусства. Многие сицилийцы арабизировались и принимали ислам. Однако норманнские военачальники Роберт и Роджер Гискар, воспользовавшись внутренними распрями, высадились на остров (1060) и завоевали его, несмотря на сопротивление мусульман. В 1091 г. на острове возникло норманнское королевство со столицей в Палермо. К тому времени мусульманская культура и религия прочно прижились на острове. Норманнские правители благосклонно отнеслись к арабскому культурному наследию. Они изучали арабский язык, проявляли интерес к мусульманским наукам и перенимали арабский образ жизни вплоть до создания сераля (т.е. придерживались многоженства. – *Авт.*), что вызвало негодование папы. Вместе с тем тысячи арабов трудились на плантациях практически в качестве рабов, хотя и нередко отвечали на это восстаниями.

Роджер II, первый король из династии Отвилей (с 1130) и основатель Сицилийского королевства, был воспитан в космополитической атмосфере Палермо. Он с детства был окружен греками и арабами. Роджер говорил на арабском и греческом языках, которые в это время были подлинными языками науки, покровительствовал великому географу и картографу аль-Идриси, который посвятил своему меценату главный труд «Книга Роджера», полное название которой «Развлечение для человека, жаждущего полного знания о различных странах мира». Эта работа – наиболее значительный и точный географический труд доколумбовой эпохи.

Роджер относился к сицилийским арабам так же, как к сицилийцам европейского происхождения, учитывая их способности. В частности, его армия состояла в основном из сицилийских мусульман, кроме того, они служили во флоте. При Роджере местные правители назначались из той религиозной общины, которая преобладала в данном районе, и управляли в соответствии с обычаями этой общины. Уголовное судопроизводство осуществлялось разъездными судьями в присутствии представителей всех конфессий. Роджер использовал приближенных из числа арабов при захвате

городов на североафриканском побережье: Триполи (1146), Габес (1147), Махдия (1148), Сус (1148), Сфакс (1148). Захват этих городов обеспечил сицилийскому флоту господство в Центральном Средиземноморье, а стране принес значительные богатства.

В 1194 г. Сицилия попала под власть германского императора Генриха VI из династии Гогенштауфенов. Фридрих II, его сын и будущий император Священной Римской империи (1212–1250), проявлял исключительную любознательность и интерес к арабской культуре. Его двор носил полувосточный характер. В числе его придворных было много образованных арабов и евреев. Некоторые из них были привлечены к воспитанию и обучению юного короля. Г. Уэллс в «Краткой истории мира» пишет, что ему был привит «мусульманский взгляд на христианство одновременно с христианским взглядом на ислам». Основав в Неаполе первый в истории университет, он стал приглашать знаменитых ученых, проявляя терпимость относительно вероисповедания приглашаемого ученого. В его университетах преподавали, наряду с христианами, и арабы, и евреи. Благодаря Фридриху арабские цифры и алгебра проникли в христианские университеты, он основал весьма необычный зоологический сад: в клетках содержались собаки, леопарды, жирафы, слоны и экзотические птицы. После своей поездки в Египет, где он встречался с султаном, он написал книгу о соколиной охоте.

Арабское влияние ощущалось и в культурной традиции средневековой Италии. В частности, в 1530 г., в связи с началом книгопечатания, в Венеции был впервые издан печатный текст Корана. Это событие совпало с возобновлением интереса к Востоку. В конце XVII в. в соседней Падуе итальянский теолог и арабист Лудовико Марраччи подготовил первое для западного мира научное издание Корана.

На островах Сицилия и Сардиния, а также Средиземноморском побережье всегда проживало некоторое число выходцев из стран Магриба, в основном из Туниса. Сегодня в небольшом городке Мазара-дель-Валло на Сицилии, насчитывающем 50 тыс. жителей, около 7 тыс. из них – тунисские моряки, мусульмане. Среди них есть и нелегалы, которые обычно записываются в судовой журнал под итальянскими именами. До недавнего времени дети иммигрантов обучались в специальной школе, где обучались арабскому и французскому языкам, что объясняется тем, что рыбаки Средиземноморского бассейна традиционно пользовались этими языками.

По времени пребывания современных мусульман на Апеннинах их можно разделить на старожилов – потомков тех, кто поселился в Сицилии и на соседнем побережье несколько столетий назад, более поздних выходцев из Сомали и Ливии, бывших колоний Италии, а также на пришельцев 1980-х годов и начала XXI в. Естественно, что представители второй группы в настоящее время преобладают.

Долгое время южные провинции Италии, ввиду экономической отсталости и высокой рождаемости, были источником рабочей силы не только для северных, динамично развивающихся районов страны, но и для соседних стран. Однако со временем и здесь темпы рождаемости снизились, что можно объяснить нежеланием местного населения иметь детей из-за хронической безработицы в этом регионе. Значительная часть предпринимателей по-прежнему предпочитает использовать иностранную рабочую силу, ибо таким образом уменьшаются страховые взносы и вообще можно платить гораздо меньше, чем коренным итальянцам.

В отличие от большинства стран ЕС, в Италию иммигранты из мусульманских стран стали прибывать сравнительно недавно – в последней трети XX в. До этого времени Италия не была для них привлекательной страной, ибо безработица и сложная экономическая ситуация заставляли самих итальянцев отправляться на заработки в другие страны. Почти за 100 лет (с 1881 по 1976 г.) из южных провинций Италии эмигрировала почти половина населения (9 млн. человек). После Второй мировой войны поток эмигрантов значительно усилился. Пик эмиграции пришелся на 1961 г., когда из страны выехало почти 400 тыс. человек.

В традиционно непрестижных сферах производства Италии всегда были заняты выходцы из других стран, в том числе из африканских. Сегодня иностранцы заняты в таких сферах, как уборка улиц, сбор и переработка мусора, металлургическое и литейное производство, складские работы, строительство, сфера общественного питания (официанты, посудомойки), здравоохранение (санитары, сиделки), а также в домашнем хозяйстве – домработницы, служанки, садовники. В 1961 г. в Италии законодательно была введена система видов на жительство в сочетании с разрешением на право работы, выдачей которых ведало Министерство труда. Кроме того, трудоустройством занимаются религиозные благотворительные организации. Предусматривалось, что за таким разрешением должны были обращаться предприниматели, желающие нанять рабочего.

В начале 70-х годов, в связи с резким подъемом цен на нефть, вызвавшим сокращение промышленного производства в Европе, итальянские предприниматели были вынуждены отказаться от легальной иностранной рабочей силы. Это несколько облегчило трудоустройство самих итальянцев, особенно выходцев из сельской местности, согласных на низкооплачиваемую работу в городе. В результате эмиграция итальянцев из страны замедлилась.

Однако каких-либо существенных изменений в иммиграционном законодательстве не произошло. По-прежнему въезд в Италию не был строгим. В 1981 г. Италия присоединилась к конвенции Международной организации труда (МОТ) о нелегальной иммиграции. Это заставило Министерство труда предпринять законодательные усилия для управления миграционными потоками. В частности, был разработан законопроект, предусматривающий ужесточение контроля над иностранной рабочей силой. Тогда же было принято решение о замораживании оформления разрешений на право работы. Однако, по мнению итальянского исследователя К. Коданьоне, это решение опоздало. К тому же оно шло вразрез с нуждами экономики страны, переживавшей стадию подъема. Рост иммиграции в Италию (а также Испанию и Грецию) в это время был также предопределен введением визовых ограничений на въезд в Скандинавские страны, а также ростом безработицы в странах исхода. Спрос на дешевый труд иммигрантов со стороны итальянских предпринимателей спровоцировал приток новых нелегальных иммигрантов.

В середине 1980-х годов в Италию без специальных виз могли въехать граждане 78 стран. Либеральный визовый режим (в том числе и для стран – традиционных поставщиков дешевой рабочей силы) не препятствовал въезду иммигрантов. В 1986 г. правительство Италии приняло первый Иммиграционный закон, который был направлен на реформирование системы внутреннего контроля над иммиграцией. Однако закон не лимитировал срок действия вида на жительство для иностранных рабочих. То есть после окончания срока найма рабочих, имеющий вид на жительство, имел право зарегистрироваться в Бюро по трудоустройству. Однако очень скоро стало ясно, что подобная система играет на руку теневой экономике, так как зарегистрировавшиеся в качестве безработных гастарбайтеры, получая небольшое пособие, одновременно находили работу в сфере теневой экономики. Таким образом, отсутствие трудовых договоров было выгодно обеим сторонам. Эта

форма трудоустройства оказалась весьма жизнеспособной. Одновременно наблюдался рост нелегальной иммиграции. При этом большинство прибывающих в Италию иммигрантов в качестве причины приезда указывало графу «транзит».

Перепись населения 1981 г. продемонстрировала наличие значительного числа иностранной рабочей силы, обосновавшейся в Италии. Однако в тот период проблеме иммиграции не было уделено должного внимания со стороны правительства. До середины 80-х годов единственными юридическими документами, регулирующими положение иммигрантов, были двусторонние соглашения, которые Италия подписывала, прежде всего, для защиты интересов итальянских эмигрантов в других странах. Принятие действенного закона, регулирующего иммиграционные потоки, затянулось. Таким образом, до 1986 г. в стране отсутствовало законодательство, которое регулировало бы пребывание иммигрантов на ее территории, в результате чего нельзя было выслать из страны даже тех, у кого не было вида на жительство.

На середину 1980-х годов пришелся пик массового притока иммигрантов из мусульманских стран. Кроме Италии, центром притяжения для иммигрантов из развивающихся стран стали некоторые другие государства Южной Европы, в том числе Испания, Греция и чуть позже Португалия. Не последнюю роль сыграло и ухудшение экономической и политической ситуации в некоторых развивающихся странах, в том числе военные конфликты между племенами и странами Африки. В этот период правительства ряда государств, использовавших труд гастарбайтеров в период восстановления и развития национальных экономик, пострадавших во время Второй мировой войны, ввели ограничения на въезд новых рабочих и приняли меры для отправки на родину части гастарбайтеров. Учитывая сложившиеся обстоятельства, выходцы из стран Африки стали добираться до берегов Апеннинского полуострова, переплывая водное пространство Средиземного моря на небольших суденышках. Большая протяженность береговых границ и впоследствии налаженный местными криминальными сообществами транзит иммигрантов способствовали увеличению числа беженцев из Африки.

Первый Иммиграционный закон, разработанный коалиционным правительством во главе с социалистом Б. Кракси в 1986 г., впервые определил условия и процедуру получения разрешений на работу, а также санкции против работодателей, использующих труд нелегальных мигрантов, и лиц, поощряющих нелегальную

иммиграцию. Закон предоставлял рабочим-мигрантам, приехавшим из стран – не членов ЕС, практически те же права, которыми пользовались итальянские рабочие. Легально въехавшим в страну и имеющим вид на жительство иммигрантам гарантировалось право на воссоединение с семьей. На основе закона была проведена первая легализация иммигрантов. В общей сложности вид на жительство получили 400 тыс. человек. Однако, по оценкам экспертов, в стране находилось в два, а то и в три раза больше мигрантов.

В декабре 1989 г. Комиссия по конституционным вопросам палаты депутатов итальянского парламента подготовила доклад под названием «Исследование условий пребывания иностранцев в Италии и феномен фашизма», в котором впервые была обозначена серьезность проблем, порождаемых нерегулируемой иммиграцией, и невозможность их решения с помощью существующего иммиграционного законодательства. В докладе особо обращалось внимание на усиление антииммигрантских настроений в стране.

В 1990 г. был принят новый Иммиграционный закон № 39/90, авторы которого попытались создать механизм регулирования миграционных потоков. Согласно закону, вводилась ежегодная квота для легальных иммигрантов и обязательная высылка тех иммигрантов, которые нарушили общественный порядок. Закон также предписывал проведение серии амнистий для нелегальных иммигрантов, включая лиц, не имеющих работы. Одновременно для граждан значительного числа стран вводился визовый режим. Внутри страны проблема иммигрантов привлекла внимание общественности, которая стала демонстрировать недовольство наличием иностранной рабочей силы и требовала пересмотра законодательства. Одновременно активизировались правозащитники, в результате чего итальянские политики оказались не в состоянии помешать процессу воссоединения семей иммигрантов.

Новый Иммиграционный закон также предусматривал предоставление права убежища гражданам любой страны. Однако урегулировать иммиграцию закон оказался неспособен, в результате чего в стране все громче зазвучали шовинистические высказывания в адрес иммигрантов и критика миграционной политики правительства. В частности, националистическая партия Лига Севера требовала ужесточить условия въезда в страну для иммигрантов. Эта точка зрения контрастировала с позицией левых кругов и христианских демократов, которые традиционно терпимо относились к иммигрантам.

В период между 1981 и 1991 гг. численность иммигрантов в стране удвоилась и достигла 648 935 человек, а в 2001 г. составила 1,5 млн. человек. Но переписи населения фиксировали лишь легальных иммигрантов, имеющих разрешение Министерства внутренних дел на пребывание в Италии. С этого времени правительство стало последовательно проводить линию на общее ужесточение доступа иностранцев в страну. Однако политики оказались не в состоянии помешать естественному процессу воссоединения семей иммигрантов и образованию новых, что стало характерным для Италии 1990-х годов. Тогда же слово «беженец» прочно вошло в повседневный лексикон итальянцев, ибо помимо иммигрантов из дальних стран на Апеннины устремились тысячи людей из Албании, Македонии, Боснии, Косова. Позднее появились и турки.

В 1995 г. правительство Л. Дини приняло декрет, который, по замыслу его авторов, должен был стать компромиссом между двумя точками зрения. Новый декрет содержал противоречивые положения, в результате чего он так и не стал законом. В 1998 г. левоцентристское правительство Италии приняло новый Закон № 40/98 (так называемый Единый иммиграционный закон), предусматривающий меры по борьбе с нелегальной иммиграцией, которая к тому времени приняла весьма широкий размах. Было предусмотрено тюремное заключение (сроком до трех лет) для организаторов нелегальной иммиграции, создание центров временного содержания нелегальных иммигрантов до их последующей депортации (в том числе на острове Лампедуза), а также было предусмотрено заключение межправительственных соглашений со странами – основными источниками иммиграции. Кроме того, закон предусматривал защиту прав легальных иммигрантов. Их детям было предоставлено право на образование. На тот период общая численность иммигрантов составляла примерно 2,2 млн. человек, что составляло 3% от общей численности населения. Одновременно правительство вернулось к введению квот на использование иностранной рабочей силы. Однако уже скоро число заявлений намного превысило предусмотренную на тот период квоту (38 тыс. человек в 1998 г.). При рассмотрении заявок, представленных работодателями, выяснилось, что в большинстве случаев речь шла о гастарбайтерах, уже находящихся в Италии. В результате правительство было вынуждено провести очередную (пятую за 16 лет) амнистию нелегальных иммигрантов. Квота на 2000 г. составила уже 63 тыс. мест. В рамках новой миграционной поли-

тики были также заключены соглашения с основными странами – источниками иммиграции о беспрепятственном пропуске депортируемых мигрантов на родину.

Главной особенностью закона 1998 г. было то, что итальянское правительство впервые задумалось о проблемах интеграции иммигрантов. Были учреждены территориальные советы по вопросам иммиграции и специальный фонд финансирования иммиграционной политики, на средства которого должны были создаваться курсы итальянского языка для взрослых иммигрантов, а также подготовка педагогических кадров для работы в школах с детьми иммигрантов.

В 2002 г. была проведена новая кампания по легализации иммигрантов, не имеющих трудовых разрешений. В результате в МВД поступило 700 тыс. заявлений от лиц, находящихся в стране не менее трех месяцев. Однако на этот раз бо́льшая часть заявлений была представлена беженцами из Восточной Европы.

Важнейшим фактором, стимулирующим использование иностранной рабочей силы, является наличие теневой экономики, которая составляет около 30% ВВП страны. Теневая экономика энергично впитывает все большее число нелегальных иммигрантов, кроме того, иммигранты годами работают в качестве домашней прислуги, не регистрируясь в миграционных бюро. Это обстоятельство является специфической чертой иммиграционной политики Италии. Наибольший спрос на иностранную рабочую силу наблюдается на севере Италии. Здесь находится почти 55% иммигрантов. В центральных районах Италии иммигранты заняты в сельском хозяйстве, а в городах – в гостиницах и медицинских учреждениях, на транспорте, в гаражах и т.п. Что касается Юга, то это район, через который идет основной поток иммигрантов. Именно здесь происходит первоначальный отбор иммигрантов криминальными сообществами, которые занимаются поставкой рабочей силы в остальные районы Италии и соседние страны. Работающие здесь иммигранты, как правило, зарабатывают меньше, чем в других районах, поэтому стремятся перебраться в другие места, тем более, что на юге, ввиду высокого уровня безработицы, спрос на иностранных рабочих намного ниже, чем в других районах.

Основная масса мусульман в Италии – это иммигранты, выходцы из стран Азии и Африки. В 1990-е годы в Италии появились выходцы из стран Восточной Европы – албанцы, румыны, косовары (уроженцы Косова), которые устремились в Италию в поисках

лучшей доли. Согласно официальному докладу 2002 г. в Италии уже проживали 142 тыс. албанцев и 40 тыс. бывших югославских граждан. Естественно, что часть иммигрантов из Восточной Европы пополнила ряды мусульман. Со вступлением в ЕС Румынии число румынских (среди них и цыгане) иммигрантов стало расти с такой скоростью, что уже скоро выходцы из Румынии по численности вышли на первое место. Одновременно мусульманская община пополнилась за счет мусульман цыганского происхождения из этой страны.

Из североафриканских стран наиболее многочисленной является марокканская община – 159,6 тыс. человек. Выходцы из африканских стран составляют примерно 30% от общего числа иммигрантов в стране. Кроме марокканцев, исторически укоренившихся на Апеннинском полуострове (особенно на островах и прибрежной части страны), растет численность иммигрантов из Сенегала, в большинстве своем также мусульман.

Присутствие среди иммигрантов значительного числа выходцев из исламских стран имело своим последствием возникновение мусульманского социума. Процесс формирования мусульманских общин в сердце католического мира проходил неоднозначно. В печати разгорелась полемика между противниками и сторонниками ислама. Второе поколение итальянских мусульман (дети первой волны иммигрантов) – это уже люди, свободно говорящие по-итальянски, нередко получившие среднее и даже высшее образование. Однако большая часть из них тяготеет к традиционным ценностям своих родителей, что препятствует их включению в итальянский социум. Эта ситуация особенно заметна среди мусульман, живущих на окраине больших городов, в бедных кварталах, где большая часть населения по-прежнему придерживается своей культуры, этнических и конфессиональных корней. На наш взгляд, одной из причин сложившейся ситуации является негативизм европейцев по отношению к представителям других континентов. Об этом все чаще пишут европейские СМИ, называя это явление шовинизмом, исламофобией и даже расизмом.

В 1990-е годы ислам (так же как и во Франции и Германии) стал второй религией после католицизма в Италии. Однако по данным благотворительной католической организации «Каритас», в процентном соотношении доля мусульман в стране в 2003 г. уменьшилась до 33% в связи с наплывом иммигрантов-христиан из стран Восточной Европы и прежде всего из Румынии.

На территории Италии зарегистрировано присутствие иммигрантов 191 национальности. Примерно 30% иммигрантов живут в Италии более 20 лет. До начала XXI в. самой крупной диаспорой считалась марокканская, она же находится на первом месте по количеству воссоединенных семей. К мусульманам также относятся выходцы из Туниса (60 тыс.) и значительная часть беженцев из Сенегала и других стран Африки. По численности на 2002 г. первое место среди иммигрантов заняли румыны (240 тыс.), затем марокканцы и албанцы (224 тыс.), украинцы и китайцы и т.д. Ныне румынская диаспора считается самой крупной – 625 тыс., второй является албанская – 402 тыс. (данные 2008 г.).

Для Италии характерна неравномерность расселения иммигрантов. Наибольшее число марокканцев проживает в Ломбардии, албанцы – в Базиликате в Южной Италии. Существенное влияние на территориальное размещение иммигрантов в последние годы оказывают такие факторы, как воссоединение семей, активизация диаспоральных общественных и религиозных институтов, что, в свою очередь, способствует сохранению связей с родиной. Мусульмане, выходцы из одной местности, создают свои региональные сообщества. В соответствии с традицией, мужчины собираются по пятницам на молитву, которой обычно руководит кто-либо из наиболее сведущих в исламе и уважаемых сограждан. После полуденной молитвы мужчины обсуждают политическую ситуацию в стране и на родине, а также проблемы общины.

Одно их первых заявлений, с которым мусульмане обратились к властям, было продиктовано желанием совершать пятничный намаз в отдельном помещении. Для отправления культа в ряде городов стали выделять сначала специальные комнаты на крупных предприятиях, затем молельные дома, и после переговоров с городскими властями в ряде мест были построены малоприметные сооружения (без минаретов), которые выполняли функцию мечети. К 2000 г. в Италии уже насчитывалось 350 молельных домов и мечетей, из которых подавляющее большинство зданий было приспособлено под отправление мусульманского культа, и только несколько зданий были построены специально и снабжены (непременным для мечетей) минаретом. Молитвенные дома и мечети стали центром притяжения местных мусульман, что способствовало организации различных культурных ассоциаций. Подобные организации существуют на пожертвования зарубежных спонсоров, в том числе крупных международных мусульманских организаций. Самые известные центры находятся в Риме и Мила-

не, остальные (всего их около 30) – на юге страны. Однако в последние годы число молящихся (особенно в период мусульманских праздников) растет, моленные дома не вмещают всех желающих, и часть мусульман молится на улице у стен молитвенного дома, что вызывает недовольство жителей близлежащих кварталов.

В 1998 г. мусульмане отправили в мэрию Рима просьбу разрешить им построить полноценную мечеть в Риме, однако получили отказ. Повторное обращение также не дало результата. Представитель мэрии по связям с этническими общинами, приняв прошение о строительстве мечети, сообщил, что в мэрии уже рассматриваются просьбы разрешить строительство культовых помещений для буддистской и индуистской общин, а также землячества православных румын. Однако власти не спешили принять положительное решение о строительстве мечети. Следует отметить, что почти повсеместно вопрос о строительстве мечетей сталкивается с недовольством местного населения. В Тоскане мусульмане получили право на строительство Исламского центра еще в 1999 г. Однако строительство по техническим причинам было задержано. И когда в сентябре 2007 г. было решено начать строительство, жители Тосканы резко выразили недовольство. На стенах домов появились граффити: «Нет мечети!», «Спасибо коммунистам за то, что арабы в нашем доме!» На наш взгляд, уровень ксенофобии в Италии напрямую зависит от экономической ситуации в стране, а за период между 1999-м и 2007 г. произошло резкое ухудшение уровня благосостояния итальянцев.

Сенегальцы на территории Италии создали свои объединения – мусульманские братства (тарикаты), которые не только осуществляют необходимые для них ритуалы, но и занимаются вопросами жизнедеятельности своих этноконфессиональных сообществ. Они придерживаются принципов солидарности, принятых в суфийских братствах, но действуют автономно от других мусульманских организаций.

В Милане находятся Исламский центр и Исламский институт культуры, основанные при мечети. Эти организации проводят различные мероприятия в соответствии с мусульманским календарем, ведут издательскую деятельность, готовят переводы на итальянский язык книг по истории ислама, теологии и культуре. Здесь же организованы курсы арабского языка для детей иммигрантов, а также итальянцев, желающих изучить арабский язык. Перед праздниками центры берут на себя реализацию дозволенного ша-

риатом мяса (халяль), а также занимаются благотворительностью. По словам директора института, имама Абделхамида Шаари, после 11 сентября 2011 г. центр находится под пристальным вниманием властей: «У нас работают секретные службы всего мира: итальянские, арабские, американские... Слава Богу, они все регистрируют, все знают. Поэтому мы являемся самым прозрачным и самым спокойным исламским центром, и о нас все известно. Если бы речь шла о террористах, то они были бы глупцами, если бы попытались укрыться у нас».

21 июня 1995 г. в Риме была открыта Соборная мечеть, которая на момент открытия считалась крупнейшей в Западной Европе. Архитекторами мечети были П. Портогези, который работал над проектом в 1984–1995 гг., а также В. Джиглиотти и С. Мусави. Мечеть расположена в северной части итальянской столицы – в районе Паниоли. Она занимает территорию площадью 30 тыс. м². Площадь крытой части Римской мечети равна 7 тыс. м², которая включает в себя различные компоненты мечети, в том числе два зала – мужской и женский. Мечеть вмещает до 12 тыс. молящихся одновременно. При мечети также имеется конференц-зал вместимостью в 400 человек. Помимо этого в Римской мечети имеется несколько учебных классов, предназначенных для обучения Корану и арабскому языку, а также салон для выставок.

Диаметр купола мечети равен 11 м. Купол обрамлен со всех сторон малыми куполами. Фасад мечети покрыт кирпичом. Внутренняя архитектура мечети спроектирована таким образом, что для освещения внутреннего пространства максимально используется естественный дневной свет. Пространство молельного зала укреплено 32 колоннами в виде пальм. Для украшения михраба и отдельных фрагментов стен марокканские мастера изготовили панели с мозаичной инкрустацией и гипсовой лепкой. При мечети есть библиотека, в которой хранятся более 10 тыс. книг на арабском и европейских языках.

Стоимость строительства составила около 100 млрд. лир. Финансировала строительство Саудовская Аравия, которая и сегодня оказывает финансовую поддержку мусульманским центрам Европы. Мечеть находится в ведении Итальянского исламского института культуры, связанного с аккредитованными в Риме посольствами мусульманских стран. Дипломатические представители этих стран входят в состав руководящего совета института, где ведущая роль принадлежит Саудовской Аравии.

Появление столь масштабного культового центра укрепило положение римской мусульманской общины. Дело в том, что в отношениях между исламскими центрами Рима и Милана существует определенное противостояние. Кроме соперничества между общинами, представляющими выходцев из разных стран, косвенно ощущается и противостояние между Севером и Югом Италии. Так, община Неаполя считает себя старейшей в Италии и в нынешних условиях стремится к автономии. В Неаполе находится Исламский центр, в котором располагаются мечеть, собственная кораническая школа, а также радиостанция.

Как и повсюду в Европе, мусульманская община Италии не представляет собой какого-то единого сообщества. Этнический фактор остается главным разделяющим фактором. Деятельность марокканской и туниской общин сравнима с деятельностью таких же общин во Франции, которые функционируют самостоятельно. Албанская община (менее изученная), а также сенегальская распадаются на объединения, возникшие на базе суфийских тарикатов (братств), и отражают социально-культурную специфику социума своих стран. Среди сенегальских мусульман сильны племенные группировки и кланы, а также наблюдается синтез местных родоплеменных и исламских верований. Среди албанцев присутствуют члены суфийского братства «Бекташия». Община выходцев из Албании, страны, которая долгие годы была «закрытой» атеистической страной и оставалась вне зоны влияния ислама, имеет свои специфические черты, которые помогают ей адаптироваться в европейской стране. Часть албанцев, благодаря телевидению, довольно сносно могут объясняться по-итальянски. А привычка скрывать свои религиозные предпочтения помогает избегать проявлений исламофобии.

В третью годовщину событий 2001 г. в Нью-Йорке авторитетные представители мусульманской общины Италии, выступили с открытым «Манифестом против терроризма», подписанным 26 руководителями мусульманских организаций, действующих в Италии, и имамом римской мечети. «Мы, мусульманки и мусульмане Италии, полностью и единодушно выступаем против терроризма, тех, кто, используя экстремистскую и искаженную интерпретацию ислама и опираясь на идеологический фанатизм, развязал агрессивную войну террора против всего мира и общечеловеческой цивилизации, – говорится в «Манифесте». – Мы стоим на стороне итальянского государства против террористов и экстремистов исламского толка, которые угрожают безопасности и

стабильности общества, как путем подрывных действий, так и используя некоторые культовые места для пропаганды и вербовки боевиков и кандидатов в террористы-самоубийцы». Министр внутренних дел Италии Дж. Пизану назвал «Манифест» «документом большой религиозной, культурной и политической ценности, а также актом смелого противопоставления террористическому варварству исламского толка», и выразил надежду, что «Манифест» получит широкую поддержку мусульман, проживающих в Италии.

Итальянское государство, так же как и другие европейские страны, предпринимает попытки объединения мусульман в единое сообщество. Власти неоднократно заявляли о том, что для ведения диалога с государством следует иметь общее для всех мусульман официальное представительство. В конце 1990-х годов был создан Союз исламских общин в Италии, объединивший в то время около десяти мусульманских центров и ряд отдельных мечетей. Его генеральным секретарем был избран Хамза Роберто Пиккардо, итальянец, принявший ислам. С мусульманской стороны инициатором проекта стал старейшина миланских мусульман и глава Исламского центра Милана Абдул Вахид Паллавичини, представитель одной из самых известных итальянских фамилий. Однако уже скоро были представлены еще два проекта: один был представлен Исламским культурным центром в Риме, а другой подготовлен Ассоциацией мусульман Италии. Свою лепту внесли новообразованные мусульмане, объединившиеся в общину «Курейш».

В течение двух лет велись дебаты по поводу выработки единого документа, содержание которого удовлетворило бы всех и стало бы платформой для создания единого координационного органа. В результате был создан Исламский совет Италии «Consulta islamica». Министр внутренних дел Джузеппе Пизану лично выбрал 16 кандидатов для включения в состав Исламского совета, среди них журналисты и писатели, преподаватели и медики, религиозные и профсоюзные деятели. В Совете также участвуют четыре женщины. Исламский совет представляет интересы большинства этнических групп мусульман, проживающих в Италии (из Албании, Алжира, Иордании, Ирака, Кении, Ливии, Марокко, Пакистана, Сенегала, Сирии, Сомали и Туниса). Коренных итальянцев представляют: Яхья Серджио Паллавичини, старейший член и вице-президент исламской религиозной общины «Курайш» из Милана, и Марио Шалоя (бывший итальянский посол в Саудовской Аравии), руководитель итальянской секции Всемирной исламской лиги. В основном члены совета – сунниты, исключение составляет

уроженка Кении Г. Антивалле. Президент Итальянской общины исмаилитов Д. Пизану подчеркнул, что «члены Совета представляют умеренный ислам и, следовательно, являются нашими естественными союзниками в борьбе против терроризма». По его мнению, создание Исламского совета продиктовано желанием разумно решать вопросы, связанные с иммиграцией, и способствовать процессам интеграции новых граждан в итальянское общество. Хотя Совет будет иметь «консультативный характер», он будет определять приоритеты и давать рекомендации по возникающим проблемам.

Президентом нового Совета избран новообращенный мусульманин Марио Шалоя, а его заместителем – Нур Дахан (уроженец Сирии). Первостепенной задачей Совета стала подготовка соглашения с государством, в котором излагались основные требования итальянских граждан – последователей ислама к правительству. Поскольку свобода вероисповедания гарантирована Конституцией Итальянской Республики, Совет предлагал: ввести преподавание Корана в школах или в качестве альтернативы создать мусульманские школы, которые должны иметь права нормального учебного заведения; предоставить женщинам право фотографироваться с покрытой головой при оформлении удостоверения личности; предоставить возможность отсутствовать на работе в период совершения хаджа; признать пятницу нерабочим днем для мусульман, а также их право совершать полуденный намаз во время рабочего дня; уравнивать брак, совершенный по исламскому обряду, с гражданским браком. Кроме того, ряд вопросов касался выделения участков под мусульманские кладбища, хотя в некоторых районах власти уже дали разрешение на выделение специальных участков на кладбищах для захоронения мусульман.

Власти откликнулись на инициативу мусульманских организаций. Летом 2007 г. министр внутренних дел Италии Дж. Пизану заявил о том, что одной из главных задач новой организации будет «изоляция экстремистски настроенных мусульман от умеренно настроенных представителей мусульманского сообщества». «Война против исламского фундаментализма должна вестись в двух направлениях. С одной стороны – непосредственная, в некоторых случаях и вооруженная борьба против экстремистов, а с другой – полная открытость в отношениях с умеренно настроенными мусульманами», – сказал министр в интервью газете «Ла Република». Он также отметил, что «Европа, к сожалению, недостаточно делает для того, чтобы найти общий язык с мусульманами, большинст-

во из которых не разделяют экстремистских взглядов, уделяя все внимание исключительно борьбе против тех, кого считает террористами».

Весной 2008 г. в Италии было официально объявлено о создании Итальянской исламской федерации. Это своего рода зонтичная организация, включившая в себя общины маликитского толка. Новый министр иностранных дел Д. Амато заявил, что перед новой организацией ставится задача противодействовать распространению радикальных взглядов среди мусульман страны. Инициаторы создания федерации заявили также, что организации, не входящие в состав федерации, не будут иметь права публичной проповеди. Кроме того, федерация будет участвовать в управлении мечетями, заниматься подготовкой имамов, а также сотрудничать с итальянскими учреждениями по вопросам обеспечения межрелигиозного диалога и уважения свободы вероисповедания. Руководство федерации заявило о своем намерении осуществлять свою деятельность в духе ценностей, провозглашенных в «Хартии ценностей, гражданства и интеграции», принятой Министерством внутренних дел страны в 2007 г. Среди них защита прав мусульманок в Италии, уважение неприкосновенности жизни, отказ от любой формы насилия, терпимость ко всем мировоззрениям, уважение принципов умеренности, толерантность и уважение по отношению к другим.

Президентом этой организации стал выходец из Марокко Фихри Вахид. Вместе с ним работает совет из 16 мусульман и мусульманок. Мечети, объединившиеся в федерацию, обязались следовать умеренной концепции ислама, что позволяет сделать вывод о сознательном дистанцировании от радикальных элементов.

В мусульманском сообществе Италии существуют специфические проблемы, характерные только для этой страны. Так, например, в соответствии с национальным законодательством, каждый житель страны, имеющий итальянское гражданство или пребывающий здесь временно, при заполнении налоговой декларации обязан внести 0,008% от суммы заработка на общественные нужды. Этот взнос может быть направлен в фонд помощи католической церкви, иудаистской общины и т.д. в зависимости от вероисповедания налогоплательщика. Однако среди перечня организаций, получающих средства из этого фонда, исламские организации отсутствуют, что вызывает протест со стороны итальянских мусульман.

Спецификой итальянского среднего образования является также обязательное включение в школьные программы курса истории религии, на который выделяется один час в неделю. При этом учащийся изучает не историю мировых религий, а ту религию, которую исповедует его семья (католицизм, православие, иудаизм). По требованию семьи ученик может быть освобожден от посещения занятий по религии, но для этого родители должны написать директору специальное заявление. До недавнего времени в школах не было предусмотрено изучение истории ислама для детей из мусульманских семей. Чиновники Министерства образования Италии о сложившейся ситуации знают. Но, признавая, что сложившаяся практика нарушает права учащихся, сетуют на отсутствие специально подготовленных кадров. Тем не менее родители учащихся-мусульман уверены в том, что нерасторопность чиновника объясняется исламофобией. Так, например, в Ватикане вопрос об обучении детей из мусульманских семей основам ислама в итальянских государственных школах вызвал полемику между кардиналами. Тем не менее в марте 2006 г. Римско-католическая церковь поддержала предложение о введении в школах Италии уроков мусульманской религии для учеников, исповедующих ислам. Кардинал Р. Мартино от имени папы сказал: «Речь идет об уважении к человеку, а уважение не может быть избирательным».

Мусульманские общины уделяют большое внимание образованию своих детей в контексте исламской морали. Опросы общественного мнения свидетельствуют о том, что около 1/3 итальянских мусульман считают задачу преподавания детям основ своей исламской веры приоритетной. Кроме того, мусульмане хотели бы, чтобы в госпиталях и больницах (в том числе и в местах заключения или лагерях для беженцев) за мусульманами ухаживали бы не католики, а мусульмане.

Власти Италии рассматривают вопросы пребывания мусульман в стране, прежде всего, через призму комплекса проблем нелегалов и беженцев. А после событий 11 сентября 2001 г. в итальянских СМИ вопрос об исламском факторе приобрел тревожную окраску. Появились материалы, свидетельствующие о наличии шовинистических настроений в стране. А в связи с глобальным экономическим кризисом многие социальные проблемы Италии рассматриваются теперь исключительно в контексте пребывания в стране беженцев из стран Восточной Европы (в частности, албанцев и румын) и иммигрантов из африканских стран (в

том числе мусульман). Каждый случай выступления исламских фанатиков вызывает негативную реакцию со стороны итальянских националистов (особенно на Севере), которые требуют сократить присутствие иностранцев в стране, прежде всего исповедующих ислам. Масло в огонь подлил и бывший премьер-министр страны С. Берлускони, который в одном из своих выступлений заявил о превосходстве западной цивилизации над исламской, что вызвало беспокойство даже у ряда его коллег и простых граждан из других западноевропейских стран. Итальянские политики из крайне правой партии «Национальный альянс» и объединения «Лига Севера» потребовали немедленно принять против иммигрантов самые решительные меры: выдворить из страны всех мусульман, закрыть мечети, ввести запрет на въезд в страну гражданам исламского вероисповедания. Рецидивы неприязни в отношении мусульман наблюдались и в лоне Римско-католической церкви, хотя ее руководство старалось проявлять известную осторожность в этих вопросах. Кардинал Биффи, архиепископ Болоньи, в частности, призвал к тому, чтобы в Италию пускали в основном иммигрантов-христиан. «Мусульмане слишком далеки от нас, и они хотят сделать нас такими же, как они сами», – так обосновал он свой призыв.

Существует миф о том, что Папа Римский извинился перед арабскими странами за последствия Крестовых походов. На самом деле, Иоанн Павел II извинился перед православными греками за то, что в 1204 г. участники IV Крестового похода разорили Константинополь. Впрочем, впоследствии, именно благодаря поддержке папы Иоанна Павла II, правительство Италии дало согласие на строительство мечети в Риме. Однако следующий папа, Бенедикт XVI (Ратцингер), отнюдь не стремился к созданию благоприятных условий для христиано-мусульманского диалога. В первый же день понтификата (19 апреля 2005 г.) в своей инаугурационной речи папа Бенедикт XVI помянул христиан разных конфессий, иудеев и даже «неверующих братьев», но ни словом не обмолвился о мусульманах. Месяц спустя папа не принял прибывших в Рим арабских богословов, просивших об аудиенции. 12 сентября 2006 г. папа произнес речь на богословском факультете Регенсбургского университета. Лекция называлась «Вера, разум и университет. Воспоминания и размышления». Рассмотрение «вопросов о Боге с помощью разума» папа назвал признаком западной христианской традиции, которой противостоит исламская традиция, заявляющая о ненужности обоснования веры рацио-

нальными доводами. В подтверждение своих слов папа привел цитату из письма византийского императора Мануила II Палеолога (1371–1425) к некоему «персу» (так византийцы называли турок). Письмо было написано во время очередной осады Константинополя в конце XIV в. Бенедикт XVI признался, что его буквально «очаровал» один аргумент императора Мануила в споре на тему веры и разума: «Покажи мне, что нового принес Мохаммед, и ты найдешь там только нечто злое и бесчеловечное, такое, как его приказ распространять мечом веру, которую он проповедовал...» Естественно, что высказывание папы вызвало волну возмущения во всем исламском мире.

26 сентября 2006 г. состоялась встреча Папы Римского Бенедикта XVI с послами исламских государств, аккредитованными при Святом Престоле, и представителями исламских общин Италии в Апостольском дворце в Кастельгандольфо. Понтифик начал свою речь с заверений собравшихся в «полном и глубоком уважении» к исламу. Он в четвертый раз дал объяснения по поводу неправильно воспринятого мусульманским миром его выступления в университете немецкого города Регенсбург. Папа Римский подчеркнул, что он лично с Мануилом II Палеологом не согласен и призвал всех верующих независимо от вероисповедания отвергнуть насилие и объединиться в противостоянии многочисленным вызовам и угрозам человечеству, «особенно в том, что касается человеческого достоинства». Он назвал «жизненной необходимостью» диалог между религиями, от которого «во многом зависит будущее». Понтифик подчеркнул, что, защищая жизнь человека, христиане и мусульмане исполняют волю Творца: «Христиане и мусульмане, защищая ценность личности и не покладая рук работая ради уважения к человеческой жизни, свидетельствуют о послушании Творцу, которому угодно, чтобы жизнь каждого человека была исполнена достоинства, дарованного свыше». Это была первая в истории Римско-католической церкви встреча папы с представителями мусульманских общин.

Свою лепту в формирование исламофобии внесла и итальянская журналистка Ориана Фалаччи, скончавшаяся в 2006 г. Ее вышедшая в 2002 г. книга «Ярость и гордость» переведена на многие языки мира. В ней сказано: «Единственное, что я нахожу в мусульманской культуре, так это Пророка с его священной книгой, ужасно нелепой, которая вероятно является плагиатом Библии, Евангелия, Торы... Еще я нахожу у них Аверроэса с его неоспоримыми заслугами перед наукой (имеются в виду комментарии к

Аристотелю. – *Авт.*), Омара Хайяма... И еще несколько красивых мечетей. Никаких иных достижений ни на полях Искусства, ни в садах Мысли, ни в мире Науки, технологии или бытоустройства». Фалаччи стала своеобразным рупором правых сил. В Милане ей была присуждена премия «Золотой Амвросий». Дарио Фо, лауреат Нобелевской премии по литературе, отреагировал на это следующим образом: «Если вспомнить, что святой Амвросий был проповедником терпимости, епископом, который крестил темнокожего, каковым был святой Августин, я скажу, что теперь “Золотой Амвросий” полностью дискредитирован. Какое отношение к нему имеет Фаллачи?»

Подобные книги не редкость, как правило, они представляют собой набор цитат из Корана, которые призваны доказать жестокость ислама, жестокость и нетерпимость мусульман к представителям иных религий. Исламофобские настроения Фалаччи находят отклик на фоне неудач в реализации моделей ассимиляции или мультикультуризма в странах Запада. К чести большинства итальянцев, они не поддержали экстремистских подходов к проблеме взаимоотношений с мусульманами, и в обществе в целом восторжествовал здравый смысл. К тому же бьют тревогу итальянские предприниматели, испытывающие значительный недостаток рабочей силы, как на промышленных предприятиях, так и в аграрном секторе. По мнению крупнейшей газеты страны «Коррьера делла сера», Италии «нужны ежегодно новые 357 тыс. рабочих-иммигрантов», ведь без них могут закрыться множество мелких и средних предприятий, являющихся основой итальянской экономики.

В начале 1990-х годов в северных и центральных районах имели место нападения на иммигрантов. Нарастание ксенофобии в итальянском обществе стало подтверждением факта увеличения численности иммигрантов в стране. Часть из них, имея низкий образовательный уровень, не могут найти себе работу и промышленляют сбытом наркотиков, попадают в сети организованной преступности. «Иммиграция становится видимой глазу: на улицах итальянских городов появилось множество выходцев из Африки, днем торгующих в исторических центрах итальянских городов, а вечером толпящихся у вокзалов... В больших городах старые районы превращаются в иммигрантские кварталы. Это все отрицательно сказывается на восприятии иммиграции итальянцами. Одновременно итальянские социологи считают, что формированию негативного образа иммигрантов способствует не только реальная

действительность, но и алармистские публикации в СМИ, а также популистская риторика правых партий».

Опросы населения показывают, что более половины итальянцев (особенно в северных областях) испытывают недоверие к живущим по соседству иммигрантам. Примерно треть населения высказывает опасения по поводу сохранения культурных традиций итальянского общества. Неоднозначно власти отнеслись к проблеме ношения хиджаба. Итальянский министр внутренних дел Д. Амато сначала отклонил призывы об исключении мусульманского покрывала из общественной жизни Италии. В своем интервью газете «Ла Stampa» он сказал: «Если мы запретим вуаль в общественных местах, это немедленно вызовет вопрос: почему монашка может носить свое облачение, а женщина-мусульманка – нет?» Но в августе 2011 г. итальянские законодатели были вынуждены вернуться к этому вопросу. Комиссия по конституционным вопросам внесла поправки в действующий Закон «О защите общественного правопорядка и идентификации людей» (от 15 мая 1975 г.), ст. 5 которого под угрозой штрафа от 1 до 2 тыс. евро и заключения в тюрьму на срок от 1 до 2 лет запрещает «немотивированное использование» в общественных местах защитных шлемов, масок и иных закрывающих лицо предметов. Теперь в перечень был включен и хиджаб. Инициатором поправок в закон стала Суад Сбаи – натурализованная в 1981 г. в Италии марокканка, являющаяся депутатом от правящей партии «Народ свободы» (партия С. Берлускони). По словам С. Сбаи, которая также является ответственным редактором журнала «Аль-Магрибийя», издающегося в Италии на арабском языке, главой ассоциации марокканских женщин в Италии и членом Исламского совета Италии, эта поправка «поможет устранить дискриминацию женщин». В руководстве мусульманской общины Италии новый законопроект вызвал противоречивые оценки. Лидеры организации «Умеренные мусульмане в Италии» выразили удовлетворение, считая, что закон защищает свободу женщин», однако представители других организаций реагировали негативно.

Большой резонанс в Италии вызывают отказ мусульман от своей веры и переход в христианство. С точки зрения ислама этот шаг рассматривается исключительно негативно, поэтому бывшие мусульмане часто вынуждены менять местожительство и даже скрываться от своих родственников. В 2006 г. в Италии вышла книга «Христиане, пришедшие из ислама». Ее написал главный редактор католической газеты «Авенире» Дж. Паолуччи в соав-

торстве с маронитским епископом К. Эдде. В книге собраны анонимные свидетельства мусульман, проживающих в Италии, которые, рискуя собственной безопасностью, приняли крещение. По словам Дж. Паолуччи, «это попытка пролить свет на некий айсберг. В то время как западные люди, обратившиеся в ислам, стали известными, выступают на телевидении, возглавляют исламские ассоциации и не имеют проблем гласности, мы разыскивали людей, которые неохотно рассказывают о том, что они предпочли христианство исламу. Эти люди сделали собственный свободный выбор и сознательно пошли навстречу дискриминации, угрозам. Подобный шаг в некоторых исламских странах имеет своим последствием не только утрату гражданских прав, но даже риск подвергнуться смертной казни... Нашей задачей было познакомиться с историей и личностями людей, обратившихся в христианство и живущих теперь в Европе и Италии». Однако, как утверждает эксперт Ватикана по исламу египетский иезуит Самир Халил Самир, мнение которого приводится в книге, в Коране нет указания на смертную казнь за вероотступничество. Из 14 сур, где речь идет о вероотступничестве, лишь в одной говорится: «Вероотступник будет наказан наказанием в мире сем и мире ином». Вид наказания не уточняется. Характерно, что перешедшие в ислам – в основном политические беженцы, в том числе из Афганистана.

Отказаться от приема новых гастарбайтеров для Италии, как и для других европейских стран, невозможно. Здесь также присутствуют демографические проблемы, связанные с сокращением рождаемости. По данным на 2000 г. 18% населения перевалило 65-летний рубеж, а по прогнозам демографов к 2040 г. 65-летние могут составить уже 30%. Естественно возникает вопрос о том, как государство сможет выплачивать пенсии и т.д. Очевидно, что без труда гастарбайтеров пополнить пенсионный фонд будет невозможно. По оценкам ООН, Италия для обеспечения промышленного роста в ближайшие годы будет вынуждена принимать до 300 тыс. иностранцев в год.

Важным фактором, стимулирующим приток иммигрантов в Италию, является наличие теневой экономики, где производится от 20 до 30% ВВП страны. Обширный теневой сектор активно «заглатывает» дешевую рабочую силу в лице иммигрантов. Аграрный сектор также практически постоянно требует сезонных рабочих. Таким образом, получается замкнутый круг. Постоянный приток рабочей силы из-за рубежа является необходимым условием для нормального функционирования итальянской экономики. Соглас-

но опросу, проведенному в 2007 г., 57% опрошенных считают иммигрантов «экономическим ресурсом страны». Представитель «Каритас» даже заявил, что без иммигрантов промышленность Италии будет испытывать серьезные затруднения.

Выше уже было сказано, что в начале XXI в. на первое место по численности в Италии вышла румынская община. На втором месте – албанская община. Характерно, что на территории Италии албанские поселения возникли еще в XV в. Жители этих деревень в Калабрии, Бриндизи, Базиликате и на Сицилии говорят на диалекте (смесь албанского с греческим и итальянским), который называется «тоска». В 2008 г. численность албанцев превысила 400 тыс. человек, это в основном молодые люди до 40 лет. Характерно, что пик массовой иммиграции албанцев в Италию пришелся на первую половину 1991 г. При этом итальянское правительство благосклонно отнеслось к «представителям адриатической культуры», вероятно надеясь заменить албанцами выходцев из Африки. Однако уже во второй половине 1991 г. отношение изменилось. В августе того же года около 30 тыс. албанцев были остановлены на границе, а затем депортированы на родину. Вскоре правительство перестало препятствовать въезду албанских иммигрантов. Работодатели отмечали стремление иммигрантов из Албании усвоить профессию и закрепиться на рабочем месте. Любопытно, что религиозные традиции не мешают им работать в таких отраслях, как виноделие; итальянцы не испытывают симпатии к албанским иммигрантам, считая, что они поголовно связаны с преступностью. Действительно, часть албанцев вовлечена в незаконный оборот наркотиков, сутенерство, торговлю людьми, поставку девушек в публичные дома, ограбления и т.д.

Третье место по численности занимает марокканская община. Первоначально иммигранты предпочитали селиться во Франции. Однако в 1970-е годы, в связи с подъемом экономики в одном из центров итальянской экономики Милане, марокканцы устремились в соседние страны. В Италии практически нет марокканских этнических поселений (за исключением двух в окрестностях Турина). Иммигранты из Марокко равномерно расселены по стране. Созданные ими организации – Марокканская ассоциация Италии, Союз марокканских студентов, Объединение марокканских женщин – существуют на пожертвования, а также средства, предоставляемые властями Марокко. Марокканская община чрезвычайно активна, ее лидеры стремятся наладить контакт с католической церковью. В то же время вопрос о положении марокканских имми-

грантов неоднократно становился предметом обсуждения на уровне глав правительств. Представители марокканской общины участвуют в работе многих итальянских общественных организаций.

Интеграция в реальность итальянского общества не могла отлучить марокканцев от их этнических и конфессиональных корней. Тем не менее число смешанных браков растет. Е.Л. Верещагина описывает ситуацию, когда молодая марокканка подала в суд на свою семью, которая подвергла ее наказанию за любовные отношения с итальянцем. Суд отклонил иск на том основании, что это якобы нормальная реакция мусульманской семьи и ситуация не заслуживает внимания правосудия. Однако Суад Сбаи, глава Ассоциации мусульманских женщин в Италии и член итальянского парламента, назвала решение суда достойным арабской страны, следующей законам шариата, и обвинила суд в использовании двойных стандартов под видом следования принципам мультикультурализма.

Количество смешанных (исламо-католических) браков составляет от 10 до 15%. Примерно 53% марокканцев имеют жен итальянок. Средняя продолжительность таких браков составляет 5 лет в Милане и 13 лет в южных регионах, например в Лечче.

После начала американской экспедиции в Ираке, а затем и волнений в Сирии, из этих стран стали выезжать арабы-христиане, часть которых попала под опеку европейских благотворительных организаций. Часть из них обосновалась в Италии, где уже давно проживает небольшое количество христиан-выходцев из арабских стран. Еще в 1966 г. папа Павел VI передал церковь Святой Марии в Космедине (*Santa Maria in Cosmedin*), которая была построена в IV в. греческими мастерами, в ведение одной из католических церквей восточного обряда. Настоятелем церкви является сириец отец Мганиос Хаддад, а большинство прихожан – ливанские, палестинские, сирийские, а теперь и иракские христиане. В начале 2010 т. прошла первая в истории Италии католическая месса на арабском языке.

В начале 2011 г., сначала в связи с «жасминовой революцией» в Тунисе, а затем в связи с событиями в Египте и военной операцией в Ливии, начался массовый приток беженцев на южное побережье Италии, на маленький остров Лампедуза (площадь 25 км², численность населения 6 тыс. человек). Этот остров, находящийся в преддверии материковой Италии и на расстоянии 113 км от Туниса, стал перевалочным пунктом для рвущихся в Европу бежен-

цев, число которых буквально за месяц превысило количество местных жителей. Европейское агентство по приграничному патрулированию «Fortex» было вынуждено поставить «под ружье» всю береговую линию Средиземноморья. Однако поток беженцев не ослабевал.

Первоначально итальянские власти пытались следовать общепринятым в ЕС законам, однако уже скоро стало ясно, что ситуация на острове критическая и может обернуться гуманитарной катастрофой. Елена Пустовойтова, обозреватель Фонда стратегической перспективы, отнюдь не симпатизирующая иммигрантам из Африки, в статье, опубликованной 01.04.2011 на сайте Фонда, пишет: «Насаждение “западной демократии” бомбометанием не побуждает “освобожденную” нацию к созиданию будущего у себя дома».

За два года до этих событий Италия подписала соглашения с правительствами Ливии и Туниса о депортации нелегальных иммигрантов. Однако уже 6 апреля 2011 г. правительство Италии было вынуждено вернуться к этому вопросу и подписать с Тунисом (в Ливии тем временем шли бои) новое соглашение об упрощении механизмов депортации нелегальных мигрантов.

Ситуация на Лампедузе накалялась, население острова потребовало от властей срочного принятия мер. Поразительно, но через некоторое время значительная часть прибывающих на Лампедузу беженцев, связавшись со своими соотечественниками в других европейских странах, уезжали с острова, по-видимому, пополняя тамошние иммигрантские общины. Как известно, на начальном этапе политических потрясений в Северной Африке все происходящее приветствовалось и в Европе, и в США. Так, события в Тунисе получили почти поэтическое наименование «жасминовой революции». А мигрантов на той же Лампедузе встречали в лучших традициях европейского либерализма, представляя их «политическими жертвами авторитарных режимов». По мере прогрессирующего роста их числа менялось и восприятие событий. Уже в конце марта Италия призвала европейских партнеров принять участие в решении проблемы по приему беженцев из Северной Африки. В большинстве стран прошли антииммигрантские манифестации. Некоторые страны согласились выделить финансовую помощь. Свое негативное отношение к прибывающим из Африки массам мигрантов выразил ряд европейских стран. Таким образом, нынешний поток нелегалов из Туниса и Ливии по-

ставил перед Европой выбор: «права человека» или социальная стабильность.

Очевидно, однако, что следующая «революция» в арабском мире, начавшаяся в Сирии, заставила Запад отказаться от прямого вмешательства. Стало совершенно ясно, что под угрозой своей жизни те же сирийцы устремятся в Европу, что поставит ряд европейских государств перед необходимостью (хотя бы временно) отказаться от провозглашенных либеральных ценностей. На наш взгляд, события на острове Лампедуза должны заставить Европу пересмотреть свои отношения со средиземноморскими соседями. Однако вопрос о том, нужны ли иммигранты итальянскому государству, получает однозначный ответ. Италия, как и все другие европейские государства, переживает период демографического спада рождаемости и старения населения. Традиционно Юг Италии демонстрировал высокие показатели рождаемости. Однако сегодня рождаемость в стране снизилась. В 2000 г. на Севере на одну женщину приходился 1 ребенок, а на Юге – 1,3. Итальянские демографы забили тревогу: если данная тенденция сохранится, то через 50 лет население Италии может сократиться с 60 млн. человек до 40 млн.

Вывод один: иммигранты нужны Италии. Возможно, что приток восточноевропейских беженцев, меньше отличающихся по внешности и привычкам от автохтонного населения, несколько сгладит впечатление о среднестатистическом пришельце на Апеннины, но вряд ли это обстоятельство повлияет на отношение католиков к мусульманам, и, следовательно, итальянский социум будет по-прежнему испытывать недоверие и даже ксенофобию по отношению к иммигрантам из мусульманских стран.

«Страны Востока: Социально-политические, социально-экономические, этноконфессиональные и социокультурные проблемы в контексте глобализации», М., 2012 г., с. 171–193.

Александр Пономаренко,

историк (РУДН)

**«ИСЛАМСКИЙ ФАКТОР» В МИГРАЦИОННЫХ
ПРОЦЕССАХ В ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЕ НА ПРИМЕРЕ
ВЕЛИКОБРИТАНИИ, ГЕРМАНИИ И ФРАНЦИИ**

Под «исламским фактором» принято понимать политически и социально значимую деятельность различных мусульманских

субъектов в рамках какого-либо общества, государства или отдельного региона. В настоящее время внимание к «исламскому фактору» растет, прежде всего, в связи с ростом численности мусульманских общин на территории государств Европы. Присутствие огромного количества мусульман в европейских странах делает вопрос об их интеграции особенно актуальным. Однако они в меньшей степени, чем любые другие иммигранты, проявляют способность и желание интегрироваться в новую, чуждую им в культурном и религиозном плане среду. Это порождает массу проблем для правительств стран Западной Европы.

Следует учитывать и тот факт, что, по прогнозам экспертов, уже в 2020 г. мусульмане будут составлять 10% населения Евросоюза, а в Германии и Франции численность мусульман к 2020 г. может превысить численность коренного населения. Некоторые аналитики, которым, как представляется, присущи алармистские настроения, предупреждают, что уже через несколько десятилетий мир станет свидетелем «мирной трансформации европейской христианской цивилизации в мусульманскую».

Проникновение ислама в Европу началось еще в Средние века, в эпоху Великих арабских завоеваний. Однако в те времена и вплоть до середины XX в. это проникновение не сопровождалось массовой миграцией мусульманского населения в европейские государства. После окончания Второй мировой войны страны-победительницы (Великобритания и Франция) разрешили солдатам, набранным в колониях, поселиться в метрополиях. Так во Францию стали приезжать трудовые мигранты из стран Магриба – Алжира, Туниса и Марокко, а в Великобританию – жители Индии и Пакистана. В свою очередь, Западная Германия, стараясь восполнить свои людские потери, открыла пункты по вербовке рабочих в странах Ближнего Востока, преимущественно граждан Турции и некоторых стран Северной Африки. Так начали складываться мусульманские общины в Западной Европе.

В этих условиях спецификой иммигрантов-мусульман было то, что они селились близко друг к другу, создавая тем самым анклав наподобие гетто. Они всегда проявляли восточное гостеприимство, приглашая к себе родственников, друзей, а также укрывая земляков и единоверцев, нелегально прибывших в Европу. Кроме того, семьи мигрантов-мусульман разрастались быстрее, чем семьи представителей титульного народа. И если в то время, когда число мусульманских мигрантов было невелико, они стремились интегрироваться в европейское общество и не претендовали на

многое, то по мере роста численности мусульманских общин они стали заявлять о желании сохранить свою идентичность, религию, культуру и обычаи.

Постепенно общины мусульман продолжали крепнуть, образуя общественные организации и увеличиваясь не только за счет новых иммигрантов, но и путем естественного прироста. Стали раздаваться первые просьбы об открытии школ, где преподавание велось бы на родном языке, о строительстве мечетей. Росли общины, росли и требования.

Еще одной специфической особенностью мусульманских сообществ в Европе является то, что, несмотря на внешнее разделение на этнические и конфессиональные группы, мусульмане в любой стране мира благодаря исламу всегда чувствуют себя частью единой, глобальной общины всех мусульман мира – уммы, а их поведение в стране пребывания определяется особыми правилами и предписаниями исламского вероучения.

Не могут не оказывать влияние на настроения в мусульманских общинах Европы и события, происходящие в исламском мире в целом. Повышение уровня жизни ряда мусульманских стран и укрепление их политических позиций стимулируют выступления европейских мусульман, подстегивают их намерения требовать уважительного отношения к своим традициям и образу жизни. В результате в начале XXI в. государства Европы столкнулись с проблемой, которая не существовала еще 30-40 лет назад, а сейчас остро стоит на повестке дня, – проблемой интеграции мусульманских общин в европейские общества.

Существующие в государствах ЕС мусульманские общины и организации, часто финансируемые из-за рубежа, играют значительную роль как в экономике, так и в социально-политической жизни западноевропейских государств. В Германии, Франции и Великобритании мусульмане оказывают серьезное влияние на общественно-политические процессы. Их требования признать самобытность мусульманских общин и сделать ислам неотъемлемой частью жизни европейских стран звучат все громче. Ситуация осложняется и тем, что не существует единства внутри самих мусульман Европы. Так, острые противоречия существуют во взаимоотношениях курдов с турками, между выходцами из различных арабских стран, между представителями разных политических или религиозных течений.

Бесспорным лидером по количеству мусульманского населения среди стран – членов ЕС является Франция (около 4–

4,5 млн. мусульман). В Германии, по разным данным, проживает от 3,2 до 3,5 млн. приверженцев ислама, а в Великобритании – не менее 3 млн.

Положение мусульман в Западной Европе сильно различается в зависимости от конкретной страны. Это обусловлено как принципами иммиграционной и внутренней политики государств по отношению к мусульманам, так и историей формирования мусульманских общин в отдельных государствах Европы.

Во Франции, например, основную часть мусульманского населения составляют арабы, прежде всего, магрибинцы – выходцы из Туниса, Марокко и Алжира. Во Франции также проживает значительный процент турок, африканцев из стран южнее Сахары, пакистанцев и афганцев, а также новообращенных французов-мусульман. Согласно статистике, более 30% мусульман Франции родились на французской земле и являются ее гражданами. При этом наблюдается тенденция к увеличению числа мусульман, получивших французское гражданство. Особенно стремятся стать гражданами Франции выходцы из стран Магриба. Напротив, граждане Турции, Пакистана и выходцы из африканских мусульманских стран (Мали) не стремятся к ассимиляции, поскольку предполагают вернуться на родину. Отличительной особенностью французских мусульманских общин является то, что процесс их превращения во французов протекает достаточно быстро. У второго поколения французских мусульман, т.е. тех, кто родился во Франции, родным языком фактически является французский. Арабы-североафриканцы, родившиеся во Франции (*beurs*), образуют субкультуру, имеющую мало общего с исламом и арабомусульманской культурой. Определенный контроль исполнения мусульманских обычаев существует только в районах или кварталах компактного проживания мусульманской общины, причем в большей степени это касается поведения женщин. Однако, общаясь вне дома, мусульмане следуют западным образцам поведения и мало отличаются в этом от французов. Тем не менее, несмотря на то что в повседневной жизни многие установки ислама нарушаются, французские мусульмане продолжают считать себя приверженцами ислама и не отказываются от веры.

На территории Франции в настоящее время действует около 3 тыс. мечетей и молельных домов, которые чаще всего объединяют этнические общины. Здесь также существуют мусульманские школы, где помимо общеобразовательных предметов преподаются основы исламского вероучения, Коран, арабский язык, соблюда-

ются мусульманские запреты в питании учащихся. Мусульмане-иммигранты во Франции фактически полностью принимают новую для них европейскую культуру, идентифицируют себя с ней и отрицают либо не подчеркивают свою принадлежность к этническому или религиозному меньшинству. Политика ассимиляции, которой следует французское правительство, вовсе не подразумевает уничтожение специфических черт ассимилируемых народов. Наоборот, в личной жизни этнические или религиозные особенности личности могут сохраняться. Однако ассимиляция не допускает этнической и религиозной пестроты на политическом уровне. «Мультикультурализм» с его признанием культурного разнообразия в общественно-политической жизни противоречит не только политической традиции Франции, но и представлению французов о нации.

В стране сложилась особая историческая модель социально-политической организации, ориентированная на нацию. Французская модель стремится устранять появляющиеся в обществе социальные и культурные различия, ставя на первый план принадлежность к нации. В свою очередь, единство нации поддерживается за счет общности языка, культуры, истории, общих ценностей. Для Франции все жители являются индивидуумами и признается только одно деление – на граждан и неграждан. В своих отношениях с иммигрантами Франция намеренно игнорирует национальную особенность иммигрантов. На официальном уровне и в публичной сфере исключается всякое упоминание об этнических и культурных корнях иммигрантов, такая же политика проводится и в отношении вероисповедания.

Подобный государственный курс реализуется с целью предотвратить дифференциацию общества по этническому или конфессиональному признаку и снизить уровень ксенофобии, которая всегда, так или иначе, существует в обществе. Во Франции действуют законы, запрещающие дискриминацию людей по национальной и религиозной принадлежности. Фактически делается все, чтобы не напоминать иммигрантам и их потомкам об их этнических и культурных корнях.

Франция была первым европейским государством, которое подняло на общенациональный уровень вопрос о ношении платка на голове мусульманскими женщинами. Это произошло потому, что во французском обществе ношение платка часто рассматривается как подтверждение присутствия ислама и исламской идентификации. В свою очередь, это противоречит идеологии секуляри-

ма как основе общества. В возникшей ситуации французское правительство заняло твердую позицию, отстаивая как внутри страны, так и за ее пределами «принцип светскости». Согласно этому принципу государство не дает никаких привилегий ни одной из религиозных конфессий, но и не позволяет навязывать кому-либо или же обществу в целом ту или иную религиозную идентичность.

Во Франции в рамках курса на включение граждан мусульманского вероисповедания в общество демонстрация интереса к исламской культуре, к делам и заботам приверженцев ислама сочетается с жесткой позицией в отношении виновных в нападениях на мусульман, осквернении их кладбищ. В феврале 2003 г. во Франции был принят закон, ужесточивший наказания за преступления, носившие расистский, антисемитский и ксенофобский характер. Кроме того, в июле 2003 г. была создана специальная правительственная Комиссия по претворению в жизнь принципа светскости во Французской Республике. Уже в декабре 2003 г. Комиссия сформулировала основные принципы взаимоотношений религии и государства, а также предложила целый ряд мер, необходимых для ликвидации практики общественной дискриминации.

Эти меры включают:

- во-первых, уничтожение кварталов наподобие гетто и возведение для иммигрантов новых современных построек;

- во-вторых, обеспечение детям мигрантов доступа в государственные школы и открытие мусульманских религиозных школ в Эльзасе и Лотарингии;

- в-третьих, обеспечение возможности изучать во французских школах такие языки, как берберский, курдский и т.д.

- в-четвертых, введение в школьные программы более полного изучения истории Франции, включая темы колонизации, рабства, деколонизации и иммиграции;

- в-пятых, допущение мусульманских служителей культа в армию и тюрьмы;

- в-шестых, усиление борьбы против дискриминации, и т.д.

В свою очередь, реагируя на обеспокоенность французов усилением радикальных настроений в местной мусульманской общине, активизировали свою деятельность те ее представители, которые видели будущее в интеграции во французское общество. В мае 2003 г. была создана организация «Светская конвенция за равенство прав и участие в общественной жизни мусульман Франции», а чуть позже возник Французский совет светских мусульман. Эти организации ставили перед собой задачи содействовать диало-

гу между французскими властями и мусульманскими общинами, а также объяснять мусульманам значение инициатив французских властей по интеграции иммигрантов в принимающее общество.

Что касается Германии, то там среди мусульман преобладают турки и курды. Так же как и во Франции, в Германии ислам стал второй по числу адептов религией. Первыми иммигрантами-мусульманами в Германии были выходцы из сельской местности, которым не удалось найти работу в городах своей страны. Пребывание иммигрантов в Германии оценивалось и принимающим обществом, и самими мусульманами как временное, поэтому стороны не предпринимали каких-либо усилий по интеграции или культурному взаимодействию. Ситуация усугублялась еще тем, что мусульмане, выходцы из сел, плохо представляли себе реалии жизни в западном обществе. В результате они оказывались фактически полностью изолированными от немецкого общества. Они жили вне городских зон, на окраинах, в особых лагерях. Однако постепенно мигранты перебирались в города, снимая квартиры в старых рабочих кварталах. К ним начали приезжать семьи. Но поскольку по мере развития производства снижалась потребность в неквалифицированном труде, иммигранты-мусульмане становились безработными. Так, пострадали турки, занятые в сталелитейной промышленности: увольнение влекло за собой расторжение трудового договора с Германией, т.е. они лишались законного основания для проживания на территории принимающего государства. Ислам стал для них тем «плотом», который препятствовал размыванию турецкой диаспоры в либерально-демократическом государстве с христианскими корнями. Еще одной причиной культурно-религиозного фундаментализма турецких иммигрантов было то, что они принадлежали к наименее образованным слоям населения и, как было отмечено выше, были выходцами из сельской местности, где традиционно сильны религиозные традиции.

В целом, рост мусульманской общины в Германии происходил за счет привлечения рабочей силы из мусульманских стран, за счет беженцев из республик бывшей Югославии, из Афганистана, Ирана, Ливана и Палестины, а также за счет миграции турецких и иракских курдов в Германию. Так, например, в 1990-х – начале 2000-х годов численность мусульманской общины в Германии росла и за счет притока политических беженцев, которые направлялись в Западную Германию, где либерально относились к данной категории иммигрантов.

Выбор Германией сегрегационной модели интеграции объясняется, во-первых, традиционным национализмом, присущим немецкому обществу, а во-вторых, простым незнанием немцами обывателями реалий мусульманского мира, отсутствием прочных исторических взаимосвязей. Мусульманских иммигрантов воспринимают в Германии как «инородный элемент», незнакомый, чуждый, отрицаемый.

Еще одной категорией мигрантов, привносящих «исламский фактор» в жизнь немецкого общества, стали иммигранты из арабских стран. Беженцы из стран с исламскими режимами привнесли огромный вклад в радикализацию ислама внутри Германии. С их въездом в значительной степени изменилась социальная структура мусульманской общины Германии: если турецкие иммигранты с социальной точки зрения представляли собой относительно благополучную группу, то арабские беженцы сформировали прослойку социально нуждающихся мусульман. В этой связи важно отметить, что в настоящее время иммигрантам-мусульманам в Германии присуще стремление поближе познакомиться с культурой и религией своего народа. При этом нынешнее молодое поколение является более религиозным, чем предыдущее. Это создает благоприятную почву для распространения фундаментализма и исламского радикализма среди молодежи, причем неприятие немцами мусульманских иммигрантов как части общества еще больше подталкивает молодых людей из семей мигрантов «в объятия» радикально настроенных улемов и имамов.

В последние годы в Германии все чаще разгораются дискуссии о границах терпимости к иммигрантам. Например, журналист Г. Лахманн в своей книге «Смертельная толерантность» пишет о том, что Германия с ее широко понимаемой толерантностью и мечтами о мультикультурализме давно упустила шанс интегрировать мусульман в свое общество. Получила распространение идея «руководящей культуры», выдвинутая в конце 1990-х годов консервативным политиком Ф. Мерцем, но отвергнутая тогда из соображений политкорректности.

В августе 2010 г. Германия была потрясена книгой «Германия. Самоликвидация, или Как мы ставим на карту нашу страну». Автором нашумевшей книги является Тило Саррацин, один из влиятельных членов Социал-демократической партии Германии. В данной книге говорится о том, что иммигранты-мусульмане представляют главную угрозу для Европы, так как они не интегрируются в принимающие общества, отказываются уважать европей-

ские ценности, но при этом их численность растет с невероятной скоростью, а страна тратит все больше и больше средств на выплаты социальных пособий. Т. Саррацин обвиняет германское правительство в том, что вследствие его чрезмерно либеральной политики приток иммигрантов в страну не убывает, в то время как численность коренного населения сокращается. В книге также подчеркивается, что на протяжении последних 45 лет Германия закрывала глаза на свои демографические проблемы, обратив на них внимание только сейчас, а наличие проблем с мигрантами не признается до сих пор в связи с политкорректностью и отказом признать Германию иммигрантским государством.

Выход книги Т. Саррацина вызвал бурную реакцию немецких политиков. С осуждением автора выступили политики, представляющие различные партии Германии. Федеральный канцлер А. Меркель также не преминула раскритиковать Саррацина.

Примечательным является тот факт, что, осудив книгу в августе, в октябре того же года на конференции молодежной организации Христианско-демократической партии А. Меркель сделала заявление об абсолютном крахе политики мультикультурализма в Германии: «Наш подход состоял в мультикультурализме, в том, что мы будем жить рядом и ценить друг друга. Этот подход провалился, совершенно провалился». Кроме того, госпожа канцлер заявила о том, что ислам является «частью Германии». Таким образом, А. Меркель признала правоту аргументов и выводов Т. Саррацина.

В этом контексте важно отметить, что европейцы не впервые издают книги, в которых в резкой форме декларируется необходимость бороться с ростом численности мусульманских общин в Европе. Так, в 2001 г. увидела свет книга итальянской журналистки О. Фаллачи «Ярость и гордость». Написание книги журналистку подвигла трагедия 11 сентября 2001 г. в Нью-Йорке. «Ярость и гордость» представляет собой антиисламский памфлет, в котором автор выражает свое негодование относительно того, что европейские государства не препятствуют въезду мусульман на свою территорию. Фаллачи указывает на то, что европейские правительства, прикрываясь толерантностью, игнорируют многочисленные факты неуважения мусульманами европейской цивилизации. В данном произведении содержится отрицательная характеристика ислама и мусульман: они обвиняются в том, что ненавидят европейцев за их образ жизни, за свободы, которые естественно соблюдать для европейцев, даже за музыку, которую

европейцы пишут и слушают. Более того, Фаллачи не соглашается с тем, что мусульманская культура и цивилизация вообще представляют какую-либо ценность.

Свою тревогу по поводу непрерывно увеличивающейся иммиграции мусульман в Европу О. Фаллачи в очередной раз высказала в своей книге «Сила разума», вышедшей в 2004 г. Автор утверждает, что Европа на глазах превращается в «Евравию», т.е. в провинцию ислама. Посылая своих иммигрантов в Европу, исламский мир проводит политику захвата Европы, но только в скрытом виде. На наш взгляд, аргументация О. Фаллачи недостаточно обоснована. В книгах итальянской журналистки содержится довольно много исторических и фактических ошибок, что дает основание сомневаться в ее компетентности. Личное мнение автора, субъективные оценки и суждения зачастую выдвигаются на первый план. Для убеждения читателя в своей правоте автор использует описание эпизодов из своей жизни, которые вызывают негативную реакцию у любого равнодушного к описываемой проблеме человека, но не характеризуют ситуацию в целом.

Мусульманская иммиграция в Великобританию уходит своими корнями в колониальную эпоху, хотя контакты между Великобританией и исламским миром начались гораздо раньше. Уже во второй половине XIX в. в страну начали въезжать первые большие группы иммигрантов-мусульман. Они селились, как правило, в крупных прибрежных городах, таких как Лондон, Ливерпуль, Манчестер, и создавали там сплоченные и компактные поселения. В этих поселениях стали организовываться молельные дома. В 1889 г. в Великобритании была построена первая в Европе мечеть, ставшая не только религиозным, но и культурным центром всего мусульманского населения страны.

Массовая миграция в Великобританию из мусульманских стран началась еще во второй половине 1940-х годов. Иммигрантами, в первую очередь, оказывались выходцы из британских колоний – Индии, Пакистана, Бангладеш, стран Африки, некоторых арабских стран (Египта, Ирака, Йемена). Помимо того, что в Великобритании, как и во всей Западной Европе, после Второй мировой войны наблюдалась нехватка рабочей силы, рост миграционных потоков в эту страну объяснялся массовыми беспорядками и резней, которыми сопровождался процесс образования независимых Индии и Пакистана.

Вторая волна мусульман-иммигрантов захлестнула Великобританию после обретения независимости ее африканскими коло-

ниями. Причем эти мигранты из стран Восточной Африки были не африканцами, а азиатами. Это объясняется тем, что в конце 1960-х годов в странах Африки проживали и работали выходцы из Азии, исповедовавшие ислам. Они владели предприятиями и фирмами, занимающимися оптовой торговлей. Мусульмане-азиаты фактически контролировали банковскую и финансовую сферы ряда африканских стран, при этом они имели британский паспорт. После национализации промышленности и предприятий, произошедшей в освободившихся от колониального господства африканских странах, многие из этих британских подданных мусульманского вероисповедания предпочли мигрировать в Великобританию. В результате, масштабы иммиграции в Великобританию росли очень стремительно, и уже во второй половине 1950-х годов только из Индостана в страну ежегодно въезжало до 10 тыс. мусульман.

Важной особенностью мусульман Великобритании является их довольно пестрый этнический и конфессиональный состав. Так, например, выходцы из пакистанского Пенджаба фактически не имеют ничего общего в культурном, этническом и языковом отношении с выходцами из Бангладеш, хотя чуть более полувека назад эти страны образовывали одно государство. Единственным основанием для самоидентификации всей мусульманской общины становится не собственно ислам, а его общие черты и принципы.

Одной из главных проблем реализуемого в Великобритании мультикультурализма как стратегии миграционной политики является, как представляется, отсутствие в нем какого-либо объединяющего начала кроме экономического. Общество, созданное по данной модели, не имеет основной культуры, способной объединить всех членов общества на основе разделяемых всеми культурных ценностей. В этой связи важно отметить, что модель мультикультурализма, о которой часто говорят как об оптимальной модели, хороша и эффективна только тогда, когда соединяющиеся в «единый организм» культуры близки друг другу.

Примером такой успешной интеграции может служить сам Европейский союз, однако и это не безусловно: внутри организации существуют весьма серьезные трудности, связанные с преодолением межкультурных и межнациональных противоречий. Но поскольку ислам и мусульманская система ценностей еще больше противоречат западноевропейским ценностям, чем национальные европейские культуры друг другу, то даже модель мультикультурализма, принятая на вооружение Великобританией и еще

несколькими странами, не способствует интеграции мусульман. Неспособность мультикультурной модели решить проблемы интеграции мусульман в британское общество породила дискуссии в Великобритании. В 2000 г. профессор Лондонской школы экономики, лейборист Б. Парекх опубликовал доклад под названием «Будущее мультиэтничной Британии», в котором он утверждал, что так называемая «британская идентичность» всегда была глубоко расистским понятием. Б. Парекх также утверждал, что «иммигранты питают уважение к британскому государству, но не к британским ценностям, привычкам и образу жизни». Он пришел к выводу, что мультикультурализм – это модель, которая всегда будет порождать дифференциацию, разделение и провоцировать противостояние внутри британского общества.

Как упоминалось выше, в исследуемые годы Великобритания проводила политику институционализации иммигрантских общин. В контексте «исламского фактора» следует отметить, что такая политика отвечает интересам исламских фундаменталистов. Они стремятся закрепить мусульманскую общину на британской территории, законсервировать в замкнутом пространстве этой общины ислам, шариат и мусульманские обычаи, а также оградить членов общины от влияния британской культуры, британского образа жизни и от контроля со стороны британского законодательства. Не менее важным представляется и то, что в отличие от других общин мусульманское меньшинство не теряет приверженности своим корням даже со сменой поколений. Второе поколение иммигрантов-мусульман зачастую гораздо меньше склонно интегрироваться в британское общество, чем первое поколение, и предпочитает идентифицировать себя именно по религиозной принадлежности, а не по гражданству. Большинство мусульман также до сих пор не признают индивидуальной ассимиляции и предпочитают коллективную форму интеграции через превращение общины в субъект социально-политической и экономической жизни Великобритании.

Чрезвычайно важными стали проблемы ассимиляции в европейские общества мусульманского населения. Эти проблемы по сути своей являются религиозными и культурными противоречиями между исламом как системой ценностей и образом жизни и западными культурными и политическими ценностями. Попытки приспособить ислам к европейским реалиям, реформировать его в некое подобие «евроислама» пока терпят поражение.

«Евроислам» как религиозная концепция был сформулирован Б. Тиби и М. Аркуном, мусульманскими учеными, проживающими в европейских странах. Суть евроислама заключается в том, чтобы отказаться от той части мусульманского вероучения, которая в той или иной степени затрагивает политику и право, и взята на вооружение в этих сферах европейские стандарты. Ислам должен, согласно замыслу создателей концепции, полностью принять в условиях Европы принцип отделения религии от государства. Б. Тиби утверждает, что ни ортодоксальный ислам, ни исламизм несовместимы с реалиями жизни в странах Западной Европы.

Авторы концепции «евроислама» говорят о том, что отказ от «модификации» ислама приведет к продолжению существования в европейских государствах неинтегрированных мусульманских общин, проповедующих свои политические и правовые ценности. Это, в свою очередь, может привести к дальнейшему росту исламистских настроений среди европейских мусульман.

Таким образом, на современное положение мусульман в отдельных государствах Западной Европы серьезное влияние оказывает историческое прошлое. Так, колониальная и империалистическая политика Франции и Великобритании не только стала сама по себе причиной миграции из стран мусульманского Востока, но и во многом предопределила этнический состав мусульман, прибывающих в эти страны со второй половины XX в. и по настоящее время. Колониализм также сформировал отношение к мусульманам европейского большинства и определил то, как мусульманские общины будут позиционировать себя на британской и французской территориях. Более того, различия в методах колониальной политики европейских стран также продолжают оказывать влияние на современную ситуацию, в частности, на выбор стратегии и модели иммиграционной политики.

Существующие современные интеграционные модели, принятые на вооружение Германией, Францией и Великобританией, доказали свою неэффективность. Они обладают рядом существенных недостатков и не позволяют на практике решать возникающие проблемы. Это приводит к маргинализации большей части мусульман, т.е. отсутствию у них какой-либо подлинной идентичности, что, в свою очередь, ведет к тому, что мусульмане подвергаются влиянию различных фундаменталистских и экстремистских идеологий. В результате западноевропейские страны, сами того не желая, поощряют развитие и создание организаций мусульман, деятельность которых направлена на подрыв системы европейской

безопасности, а зачастую прямо нацелена на разрушение европейских государственных систем, не считается с принципом свободы вероисповедания и навязывает свой образ жизни.

Принимая во внимание этническую, политическую и конфессиональную пестроту состава мусульман Европы, преодолению существующих разногласий европейцев с данной категорией иммигрантов может способствовать дифференцированный подход европейских правительств к мусульманским организациям. Важно активизировать контакты с умеренными и проевропейски настроенными мусульманскими общинами, готовыми воспринять европейские ценности и ассимилироваться. Базой такого взаимодействия может стать европейская политическая культура.

В свою очередь, отсутствие государственного контроля над деятельностью мусульманских организаций в Европе может повлечь за собой тяжелые и непредсказуемые последствия.

*«Вестник РУДН, сер. Всеобщая история»,
М., 2012 г., № 3, с. 49–60.*

МУСУЛЬМАНСКИЙ МИР: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ФИЛОСОФСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

А. Ачкасов,

ПОЛИТОЛОГ

ИДЕОЛОГИЯ ЕВРОИСЛАМА:

ТАРИК РАМАДАН И БАССАМ ТИБИ

Если десять лет назад, обсуждая проблемы мусульманского меньшинства в странах Западной Европы, «политики в основном спорили о том, на каких условиях представителям этого меньшинства предоставлять гражданство или выделять пособие, а ученые выясняли, как же лучше интегрировать мусульманских иммигрантов в социокультурный ландшафт... то теперь ученые чаще стали задаваться вопросом, а совместима ли идентичность мусульманина с гражданством, а политики уже обсуждают: как интегрировать ислам в государство» (Пинюгина, 2010, с. 192). Мусульмане стали весьма заметным меньшинством практически во всех странах Западной Европы. В то же время социологические исследования подтверждают неприятие многими представителями новых иммигрантских этнических меньшинств господствующих в западном обществе принципов и норм либеральной демократии. Для значительной части «новых жителей» Европы соблюдение правил поведения, принятых в их этнических общинах, и приверженность традиционным для них религиозным ценностям важнее подчинения законам принявших их стран. Характерно, что даже вполне секуляризированные представители второго и третьего поколений выходцев из исламских стран выражают и рационализируют свое отличие от представителей принимающей стороны в идентификационных формулах, в которых исламу принадлежит важное место, правда, скорее как культурному явлению, средству идентификации, чем истинной религии. 56% европейцев считают несовместимыми ценности ислама и ценности демократии (Transatlantic Trends..., 2006, p. 6).

Казалось бы, выход из этой патовой ситуации предложила в середине 1990-х годов группа интеллектуалов – выходцев из мусульманских стран (Т. Рамадан, А. Баят, Б. Тиби, Т. Модуд и др.), которые создали концепцию «европейского ислама». Однако в понятие «евроислам» даже они вкладывают разный смысл. Для одних это – форма приспособления и интеграции мусульман в западное общество с принципиально иными ценностями и традициями, чем в мире ислама (Б. Тиби, Т. Модуд), для других – способ активного «приспособления» европейского общества к ценностям и потребностям мусульман (Т. Рамадан, А. Баят). Так, египтянин, внук основателя фундаменталистской организации «Братья-мусульмане» Хасана ал-Банна, профессор философии и исламоведения в Женевском колледже и университете Фрибурга (Швейцария) Тарик Рамадан следующим образом формулирует свое кредо: «Я египтянин по происхождению, мусульманин по вероисповеданию, однако родился, вырос и получил образование в Швейцарии. Считаю себя приверженцем европейской культуры... я решил посвятить свою жизнь построению мостов между людьми... Проблема... заключается в неумении слушать друг друга. Очень важно, чтобы люди пришли к пониманию того, насколько это важно – уметь слушать друг друга, понять само значение слова “слушать”, научиться внимать тому, что другие люди хотят до вас донести» (Лекция проф. Тарика Рамадана., http://rus.worldtopthinkers.com/docs/lek_Tarik=Ramadan.doc). Он утверждает, что если мусульмане хотят жить в Европе и избавиться от комплекса «гонимого меньшинства», то они должны приобрести способность отвечать определенным требованиям, предъявляемым им европейским обществом: осознавать себя гражданами общества, заключив общественный и нравственный договор со страной, в которой они проживают, признавать и уважать существующие в ней законы. Для достижения этого исламу нужны перемены. «Старые определения “Дома войны” и “Дома мира”, – утверждает он, – которых нет в Коране и которые не являются частью откровений Пророка, устарели». Вместо этих определений Рамадан предлагает ввести новое – «Дом клятвы / территория исповедания ислама» (dar ash-shahada), так как оно может успешно содействовать укоренению мусульман в Европе. Это новое определение включает в себя как мусульманский символ веры, так и гражданскую обязанность подчинения общественным законам (Ramadan, <http://www.hgdoe.de/pol/ramadan04-00.htm>).

По мнению Рамадана, необходимо четко обрисовать специфическое выражение европейской исламской культуры, адекватное европейской среде и не вступающее в противоречие с основополагающими принципами исламского вероучения. Пока мусульмане вынуждены либо «жить на Западе вне Запада», либо «стать мусульманами без ислама». Поэтому перед мусульманами в Европе, утверждает Рамадан, стоят три фундаментальных вопроса: «Где мы находимся?»; «Кто мы?»; «Какого образа жизни хотим придерживаться?»

Ответ самого Рамадана на первый вопрос: страны Запада – это *dar ash-shahada*. Однако рассмотрение Европы как территории исповедания ислама позволяет прийти к выводу о том, что европейский континент фактически стал исламской территорией, частью «дар ал-ислам», на которой могут действовать и законы шариата. Второй вопрос «Кто мы?» касается ключевой проблемы – мусульманской идентичности. Главным ее элементом, согласно Рамадану, является вера, которая находит выражение во втором элементе идентичности – в религиозной практике; третий ее элемент – духовность. К ним следует добавить еще два – понимание, основанное на знании, и свободу выбора, которые определяют ответственность поведения. Вера и основанное на знании ответственное поведение составляют ядро мусульманской этики и должны направлять все действия верующего. Следовательно, мусульманские ученые и общественные лидеры должны снабдить европейских мусульман знаниями и наставлениями, которые помогут им защитить свою исламскую идентичность в Европе. В связи с этим Рамадан поднимает ключевой для правоверного мусульманина вопрос: что важнее для мусульманина – членство в мусульманской общине (умме) или принадлежность к стране пребывания (европейское гражданство)? Отвечая на этот вопрос, автор с уверенностью констатирует, что принадлежность к умме для мусульман крайне важна, поэтому они должны объединяться в различные организации и отстаивать свои интересы. При этом мусульманские объединения в Европе и их руководители, считает Рамадан, должны приложить активные усилия к тому, чтобы защитить свою независимость в политическом и финансовом отношении как от попыток их контроля со стороны ряда исламских стран, посредством финансирования строительства мечетей и создания фондов, так и со стороны некоторых европейских государств, стремящихся оказывать влияние на деятельность мусульман на континенте (Рамадан, 2005, с. 155–158).

Ответ на третий вопрос «Какого образа жизни мы хотим придерживаться?» Рамадан формулирует следующим образом: проживая в Европе, необходимо придерживаться основополагающих принципов ислама. Все проблемы, возникающие в повседневной деятельности, способны решить фикх и фатва, которые, собственно, и появились для того, чтобы приспособлять ислам к изменениям внешней среды (Ramadan, 2004, p. 63–99). Таким образом, Рамадан имеет в виду «законодательную интеграцию» ислама в принимающее общество, формирование свода мусульманских законов, европейского фикха.

Однако, по мнению ряда исследователей, «европейский ислам (Тарика Рамадана) близок к “универсальному исламу”, несущему в себе радикальный импульс» (Roy, 2003, p. 63). Носители этого варианта «евроислама», рассуждая о проблемах «шариата для меньшинства», выражают одновременно уверенность в том, что рано или поздно шариат станет правовой системой для европейского большинства. Так, французская исследовательница творчества Рамадана Каролин Фуре, тщательно проанализировав его тексты, пришла к заключению, что Рамадан является политическим наследником своего деда, Хасана ал-Банна, что его высказывания зачастую есть повторы речей ал-Банна, которые тот произносил в Египте в начале XX в.

Некоторые отечественные авторы делают в связи с этим самые радикальные выводы, в частности бывший посол РФ в Султанате Оман В. Носенко утверждает: «В последнее время исламизм все глубже внедряется в Европу, прокладывая дорогу своему боевому отряду “Аль-Каиде”, которая чувствует себя здесь вольготно благодаря “цивилизованности” европейского сопротивления исламским экстремистам» (Носенко, 2007, с. 31). Несмотря на явное преувеличение опасности и явный алармизм такой позиции, ясно, что многие мусульмане – иммигранты второго и третьего поколений уже не готовы довольствоваться декларациями идеи равенства вероисповеданий, они требуют реального признания статуса ислама в Европе. Примером таких требований может служить манифест Гентского центра, опубликованный в 1999 г. В документе утверждается, что «европейская идея в конце XX в. остается националистической идеологией века XIX», создающей образ Европы исключительно белой и «светско-христианской». Сегодня в результате массовой иммиграции ислам вновь укрепил свои европейские позиции, что делает социально необходимым «реинкорпорирование ислама в европейскую культуру» (Четверикова, 2005,

с. 114–117). В свою очередь, профессор Лейденского университета в Нидерландах иранец Асеф Баят говорит: «Я верю, что любой мусульманин в Европе должен научиться жить в обществах, которые не являются исламскими, которые не такие, как в Египте, в Иране. А европейцы... должны признать, что Европа стала многоэтническим и многорелигиозным обществом, и должны с этим смириться» (Баят, 2006, с. 196). Подход немецкого ученого-мусульманина, сирийца Бассама Тиби, автора термина «евроислам», серьезно отличается от концепции европейского ислама Т. Рамадана. Бассам Тиби начинает с определения политического ислама – исламизма и выяснения причин его формирования и распространения в Европе. Так, он определяет исламизм как политическое движение, которое делает религию орудием для достижения нерелигиозных интересов и злоупотребляет ею (Тиби, 2000). Причиной же его распространения, по мнению Тиби, является отсутствие грамотной, продуманной политики интеграции мусульман в западное общество. Постоянно сталкиваясь с проявлениями дискриминации, мусульмане замыкаются в кругу «своих» и становятся легкой добычей исламистов-радикалов, цель которых «освободить мир от Запада... через его исламизацию». Поэтому европейские политики, обращаясь к мусульманам, не должны путать понятия «толерантность» и «самоотречение», а правительства стран Запада должны искать варианты эффективной политики их интеграции в принимающие общества (Тиби, 2002).

По убеждению Б. Тиби, интеграция мусульманского населения в европейское общество будет успешной только в том случае, если оно откажется от прозелитизма, джихада и законов шариата и примет европейские ценностные ориентации и поведенческие установки. Смысловое ядро этой культуры составляют, по его мнению, демократические правила и демократическая ориентация политической жизни, которых должны придерживаться все европейцы вне зависимости от их происхождения, веры, этнической и расовой принадлежности. Соответственно, и линия раскола проходит не между западной и исламской цивилизациями, как утверждал С. Хантингтон, а между теми, кто принимает демократические ценности и идеалы, на которых строится современное европейское общество, и их решительными противниками. Как считает Б. Тиби, только светское общество в состоянии успешно противостоять давлению исламистов и обеспечивать мирное сосуществование в Европе различных этнических и конфессиональных групп (Тиби, 2000). Мусульмане Европы должны отмежевать-

ся от политического ислама – исламизма и радикалов-террористов, чтобы получить возможность интегрироваться в современное европейское общество, многообразное в религиозном и культурном отношении. Мостом для взаимопонимания западной и мусульманской цивилизаций может послужить исламский рационализм, который в свое время дал импульс возрождению общества (Тиби, 2002). В работе «Права человека в исламской цивилизации и на Западе» Б. Тиби писал: «Именно исламская цивилизация передала эллинизм Европе в начале Ренессанса и сделала его возможным, изменив ориентацию Европы от Рима к Афинам, от власти Папы Римского к власти человеческого разума согласно учению Аристотеля. В то время мусульмане и европейцы-христиане разделяли идею примата разума и высоко ценили рационализм Аристотеля. Это наследие должно быть использовано сегодня» (Тiби, 1999, р. 51).

Британский сторонник концепции евроислама Тарик Модуд считает особенно важным, наделив этнокультурные общины правами, создать у новых граждан чувство принадлежности к государству, в котором они живут. Однако для этого необходимо широкое обсуждение того, что означает эта принадлежность. Невозможно просто предложить людям иной культуры перенять чуждую им идентичность, мотивируя это тем, что она является системообразующей для данного национального государства и существовала до появления иммигрантов на его территории. Иммигранты-мусульмане должны сами создать свою гражданскую идентичность, т.е. осознать, что значит для них быть британцем, французом и др. (Modood, 2007, р. 127).

В поисках точек соприкосновения западной и мусульманской цивилизаций Тиби приходит к мысли, что универсальные права человека, как основа международной морали, должны связать две цивилизации. Права человека базируются на принципах рационализма, а это и есть то общее, что может привести к их мирному сосуществованию (Тiби, 1999, р. 52). Таким образом, Б. Тиби верит и в возможность формирования особой единой идентичности всех мусульман Европы и существования секуляризованного «европейского ислама», занимающего то же место и имеющего тот же статус, что и европейское христианство, и в возможность дружественного сосуществования представителей двух цивилизаций.

Однако призыв к секуляризации ислама и приспособлению его к европейским ценностям многими мусульманами воспринимается как призыв к ассимиляции и потому не принимается, по-

скольку, по их мнению, вариант евроислама, предлагаемый Б. Тиби, означает отказ «от базовых основ вероисповедания» и, по сути, «выход из мировой мусульманской общины – уммы». В свою очередь, большинство мусульман, как показало недавнее исследование отношения мусульман к идее прав человека, не признают даже Всеобщую декларацию прав человека 1948 г., так как для них она не «всеобщая», а «западная». Поэтому попытки распространить концепцию прав человека в мусульманских странах и среди мусульман Европы воспринимаются как «политика насаждения западных ценностей в качестве универсальных для всего мира» (Сокар, 2008, с. 6).

Однако и это не все, есть еще одна проблема, возникающая в связи с трудностями интеграции иммигрантов из мусульманских стран. Заключается она в том, что ислам, несмотря на признание бытия «воображаемой» всемирной исламской уммы, как нечто единое не существует, в нем нет единой, жестко иерархической структуры, подобной иерархии католической или православной церкви. Поэтому ислам всегда отличался религиозным и культурным многообразием, а потому сегодня в каждой европейской стране преобладает то или иное течение, то или иное толкование ислама, в зависимости от того, откуда вышло большинство иммигрантов-мусульман. В результате даже Б. Тиби, ратующий за евроислам, вынужден признать: «Мы не можем сказать, что существует нечто под названием “немецкий ислам”. Это значило бы построить мусульманскую церковь, объединившую всех – суннитов, алавитов, шиитов, турок, арабов и боснийских мусульман. Это просто невозможно» (цит. по: Риппбергер, [http:// www.dw-world.de](http://www.dw-world.de)). Среди мусульман, как и среди христиан разных конфессий, нет единства в понимании того, что значит «жить в соответствии со своей верой».

В результате оба варианта концепции евроислама оказываются неприемлемыми для большинства мусульман Европы. Как отмечает немецкий исследователь евроислама У. Штайнбах, если Б. Тиби говорит о необходимости интеграции мусульман и подчинении ислама системе базовых европейских ценностей, то Т. Рамадан выступает за более активное участие мусульман в общественной, государственной и международной жизни государств Европы для защиты своих интересов. Его концепция находит поддержку со стороны молодого поколения мусульман-иммигрантов, однако идея Т. Рамадана подвергнуть ревизии толкования основных источников ислама Корана и Сунны кажется кощунственной

правоверным мусульманам. Концепцию же Б. Тиби позитивно воспринимают и поддерживают в основном европейцы-немусульмане. В целом же «термин “евроислам” у большинства мусульман вызывает раздражение. Мусульмане предпочитают прагматичное “соответствие европейскому образу жизни без отказа от основ ислама”, как это... сформулировал председатель Центрального совета мусульман Германии Надеем Эльяс. Слишком силен дискомфорт от того, что “евроислам” может означать утрату базовых основ вероисповедания» (см.: Steinbach, http://www.qantara.de/webcom/show_article.php/_c.-469/_nr-325/i.html).

Западноевропейский и американский опыт демонстрирует, что излишняя тематизация различия (права на различие) ведет к закреплению этнических и религиозных границ и идентичностей. Поэтому идея общеевропейской господствующей или «руководящей культуры», укорененной в демократическом сообществе, члены которого связаны друг с другом не религиозной или этнической идентичностью, а коллективной идентичностью граждан этого сообщества, поддерживается многими европейскими политиками и интеллектуалами (вспомним, например, идею «конституционного патриотизма» Ю. Хабермаса, который видит гражданство единственной альтернативой этнической идентичности). Предполагается, что подобная гражданская идентичность должна быть превыше любой этнической и религиозной идентичности: конечно, при этом никто не выступает против религии как частного дела каждого индивида, однако на публичном уровне только демократическая гражданская идентичность должна иметь решающее значение. Только на такой основе возможно, по мнению европейских интеллектуалов, успешное решение задачи интеграции неевропейцев в европейское общество.

На наш взгляд, европейские демократии попали сегодня в своеобразную ловушку толерантности, предлагая быть толерантными к тем процессам и явлениям, которые несут в себе интолерантность. Во имя этого манифестация ценностей одних общественных групп (иммигрантских общин мусульман) стала более значимой, чем выражение интересов других. Таким образом, страны Европы оказались в целом неготовыми к тому, что иммигрантские сообщества не только потребуют для себя гражданских прав, но и начнут весьма агрессивно претендовать на изменение самой системы социокультурных координат европейских обществ. Возникли вполне обоснованные опасения: смогут ли демократические институты справиться с противоречиями, возникшими в этой сфе-

ре? Тем не менее сенсацией стало заявление германского канцлера А. Меркель о том, что попытки ее страны построить мультикультурное общество потерпели поражение. По ее мнению, данная концепция, подразумевающая, что люди, представляющие разные культурные традиции, могут мирно сосуществовать друг с другом, не работает в Германии (Меркель считает..., 2010). Вслед за Меркель высказал разочарование политикой мультикультурализма и премьер-министр Великобритании Дэвид Кэмерон. На Мюнхенской конференции по безопасности в феврале 2011 г. он предложил перейти от политики невмешательства к «мускулистому», более агрессивному либерализму. Демократия, равные права, свобода слова и главенство закона должны, по его мнению, помочь формированию национальной идентичности. К своим коллегам присоединился и президент Франции Николя Саркози, который также признал провал политики мультикультурализма. В телевизионном интервью в феврале 2011 г. он посетовал, что долгое время слишком много внимания французские власти уделяли самим иммигрантам, но мало – принимающей стране.

Европейцы сегодня уже хорошо осознают, что только их собственной толерантности недостаточно для создания новой мультикультурной и интегрированной европейской общности. «Должно быть ответное стремление субсообществ принять национальную идентичность. Они должны учить язык(и) доминирующей нации. Должны принимать политические ценности и культурные модели, соответствующие ценностям и моделям большинства, таким как религиозный плюрализм, гендерное равенство, свободные и состязательные выборы, свобода слова, верховенство гражданского права, – и отказываться от ценностей и моделей, которые всему этому противоречат, таких как законы шариата, клитерэктомия, принудительные браки, угнетение женщин, убийства ради чести» (Сафран, 2011, с. 92–93). Нельзя прийти к обновленной национальной и тем более к европейской идентичности без готовности обеих сторон интегрироваться в европейский образ жизни.

Глобальный экономический кризис, охвативший мировую финансово-экономическую систему и приведший к падению производства, росту безработицы в развитых странах и экономическому банкротству ряда государств ЕС, усугубил ситуацию. В результате многие западноевропейцы винят сегодня в финансовом крахе 2008 г. евреев, а в перегрузке системы социального обеспечения – мусульман-иммигрантов.

«Политекс–Politex», СПб., 2012 г., Т. 8, с. 190–198.

Ринат Мухаметов,
эксперт Совета муфтиев России
ПЕРСПЕКТИВЫ АЛЬ-ДЕМОКРАТИИ
(Исламский мир ищет свою дверь
в современность)

По данным социологического фонда Gallup, большая часть мусульман считает, что ислам совместим с демократией. Опрос 2007 г. показал, что респонденты верят в возможность сосуществования шариата с демократическими принципами. К этим же выводам в 2012 г., т.е. уже после начала «арабской весны», пришли специалисты PewResearchCenter. Как показывает их исследование, население в странах распространения ислама не хочет жить при диктатуре, оно одновременно выступает за демократию и приведение законов в соответствие с нормами шариата.

Эти удивительные для многих выводы известный американский исламовед Джон Эспозито, некогда советник Билла Клинтона, и Далия Могахед, глава Центра мусульманских исследований Gallup, служившая советником президента Барака Обамы, прокомментировали так: «Большинство респондентов считают ислам и демократию одинаково важными для качества жизни и будущего прогресса в мусульманском мире». А вот как в интервью газете «Завтра» обрисовал будущее арабского мира лидер ХАМАС Халед Машааль: «Восторжествует демократическая жизнь, национальная и индивидуальная свобода, права человека. Переход власти в результате свободных выборов будет осуществляться мирным цивилизованным путем. Нормой станет социальная справедливость. Народ будет вовлечен в успешное интенсивное развитие. Осуществится экономический и промышленный подъем. Станут развиваться технологии и науки. Расцветет культура и улучшится моральный климат во всех областях общества. Установится гармония между прошлым, настоящим и будущим, то есть восторжествует самоидентичность народов. В религиозной сфере сохранится плюрализм религиозных воззрений и верований. Толерантность станет нормой в отношениях между партиями, социальными группами, культурными и религиозными направлениями. Объединенная и возрожденная умма непременно победит в своем сражении с сионистами. Осуществит настоящую политическую и экономическую независимость. Диалог с Западом будет вестись с позиций достоинства и равноправия. Время воровства и разграбления нацио-

нальных богатств уйдет в прошлое. Наша умма восстановит свое место в международном сообществе».

Может ли существовать демократия с исламским лицом? Это один из ключевых вопросов не только для мусульман, но и для всего мира. Сегодня он носит уже не теоретический, а сугубо практический характер. От того, чем закончится бурная дискуссия на данную тему, зависит будущее очень многих.

Демократия и шура

Мусульманская политическая история настолько богата, что в ней легко обнаружить примеры различных механизмов функционирования власти. Спутники Пророка в течение 24 лет после его смерти выработали четыре разные политические схемы, и это в то время, когда мусульман было менее миллиона человек, все они проживали в одном географическом районе. В фундаментальных религиозных источниках оговариваются лишь самые общие понятия, остальное остается на усмотрение людей, живущих в конкретном месте в конкретное время. Строго говоря, ислам предписывает в политике лишь две вещи – совещательность (т.е. участие широких слоев в управлении) и верховенство норм шариата. В этой связи профессор Тауфик Ибрагим определил исламский политический порядок как светскую теократию.

Директор Исследовательского центра целей исламского шариата в Лондоне Джассер Ауда утверждает, что «исламский закон нейтрален в отношении обязательного предпочтения конкретной политической системы». То есть мусульманская община может выбирать политическое устройство, которое больше подходит ей в текущей ситуации. Подавляющее большинство мусульман исходит из того, что правитель должен быть подконтролен общине, а власть халифа имеет прикладной, функциональный, а не сакральный характер. Ибн Таймия в труде «Правовая политика Шариата» и Ибн Хазм в «Трактате о народах и религиях» писали, что ислам рассматривает правителя лишь первым среди равных.

Конкретно с современной демократической теорией обычно связывают принцип шуры, или обоюдного совета. Это одна из основных политических концепций ислама. Между тем надо оговориться, что совещательности не подвергаются вопросы, ясно оговоренные в Коране и хадисах. Шура может быть составлена путем как избрания, так и кооптирования представителей от различных групп населения, не только духовенства, ограничений нет. Естест-

венно, наличие подобного органа предполагает политическую деятельность и определенный плюрализм.

Шариат в исламском мировоззрении – аналог концепции естественного права в западной мысли. Это фундамент, а частности формулируют люди. Большинство положений шариата вполне согласуется с неисламскими системами права, другие нормы вообще не лежат в плоскости законодательства, а относятся к морали. «Известный на Западе как жесткий и примитивный уголовный кодекс, шариат на самом деле для многих мусульман означает совершенно иное. Исторически принципы шариата использовались в том числе и для ограничения власти султана. Вполне логично установить закон шариата в арабских и мусульманских государствах. Это единственный способ для мусульман избежать диктатуры и угнетения со стороны некоторых арабских правителей, которые ставят свои корыстные интересы выше интересов народа», – пишет обозревательница «Аль-Джазиры» Шейха Саджида.

«Суверенная демократия» по-исламски

Исламский мир на наших глазах качественно меняется. Тунис, Египет, Ливия, Йемен – лишь наиболее яркие проявления тектонического политического сдвига. Уходят в прошлое президенты и монархи, зависшие между собственным народом и западными, а до распада СССР и восточными, патронами. На смену им идет новый политический класс, пока плохо изученный и не получивший адекватной оценки. Очевидно, что так называемые исламисты в ближайшее десятилетие войдут во власть (если уже не вошли) в большинстве мусульманских стран – от Индонезии до Марокко, от Йемена до Боснии. Они предлагают проект модернизации без вестернизации, т.е. экономические и социально-политические реформы с учетом внутренних особенностей исламского общества и его развития.

Для лучшего понимания явления его можно рассматривать как вариацию того, что в России еще недавно называли «суверенной демократией». В обоих случаях речь идет о формировании государства современного типа, впитавшего основные социально-политические, экономические и технологические достижения последнего времени, но сохраняющего суверенитет и внутреннюю специфику в глобализирующемся мире.

В таком, широком, смысле «суверенная демократия» – собирательное название для самостоятельно вызревших политических

явлений и процессов. Это не только ответ на агрессивную политику США и неолиберальную глобализацию, но и попытка обществ, имеющих собственную политическую традицию, адаптироваться и успешно развиваться в современном мире. Конечная цель такого проекта модернизации – не интеграция в западную цивилизацию с непонятными перспективами, а напротив – избавление от контроля Вашингтона, Лондона или кого-либо еще. «Суверенная демократия» никому никем не экспортируется. Она самостоятельно вырастает на конкретной национально-государственной почве. В разных странах за ней, как правило, стоят одни и те же широкие социальные слои. В России – это так называемое «путинское большинство», в исламском мире – городской средний класс и те, кого принято называть трудовой интеллигенцией – студенчество, инженеры, интеллектуальная и профессиональная элита, недовольная нынешним распределением доходов.

В «исламской суверенной демократии» нет ничего пугающего. Партии с религиозным уклоном действуют во многих странах мира: христианские демократы в Европе, индуистские партии в Индии, в Израиле сразу несколько иудейских партий и т.д. Они – вполне приемлемая часть тамошнего демократического пейзажа.

Программы большинства современных происламских партий умеренного толка сосредоточены прежде всего на нуждах современного развития. Необходимость демократизации общественной жизни, создание условий для экономического роста и повышения благосостояния людей, обеспечение социальной справедливости, безопасности, создание эффективной и доступной системы всеобщего образования и здравоохранения, борьба с коррупцией, поддержание здорового морального климата и т.д. Такая трансформация исламистов – результат их исторического развития в XX–XXI вв.

Но самое главное – перечисленные задачи прямо вытекают из ислама. На его языке это называется пятью универсальными целями шариата. Диктатура, коррупция, нищета, разъедающие исламский мир, несовместимы с мусульманскими ценностями. Они, пожалуй, в большей степени противоречат шариату, чем, например, короткие юбки или реклама пива, но почему-то многие приверженцы ислама на это обращают мало внимания. Борьба за халифат, таким образом, означает борьбу за правовое, социальное, демократическое (в исламском смысле, конечно, т.е. ограниченное нормами Корана и Сунны) государство с современной развитой экономикой.

По словам многолетнего главы нескольких кувейтских министерств Джамала Шихаба, сегодня мусульманам нужны не глобальные идеи и утопии, не выяснения частностей и внутренние разборки, а эффективные решения реальных проблем. Он называет это консолидацией на базе «тариката аль-фикрия» (интеллектуальный анализ, рациональный прагматичный подход). Что касается радикальных групп, то их влияние напрямую зависит от того, смогут ли умеренные мусульманские деятели взять под контроль основные рычаги управления, и насколько успешно они будут реализовывать свою политику. В конце концов, в этом также залог того, утвердятся ли оригинальная концепция демократии, созданная на основе базовых положений своей культуры, а не ценностей, навязанных извне (а только это имеет шанс на успех).

Через другую дверь в ту же комнату

Существует несколько разновидностей современной теории исламского государства. Некоторые подходы основаны на принципах шуры, следовательно, они более демократичны, другие превозносят авторитарную власть. Политические концепции, определяющие мусульманские дискурсы, в большой степени разработаны такими теоретиками, как Абу Аля Маудуди и Сайид Кутб, но их подход был слишком полемическим и авторитаристским. Авторитарна и идеологическая платформа «Хизб ут-Тахрир». Большинство салафитов и многие традиционалисты также склоняются в эту сторону. В то же время, хотя существуют богатые источники исламской мысли о демократии, демократическая теория только формируется.

Да, исламское политическое движение выступает не только как охранительно-традиционалистское и консервативное, но и модернизаторское. В политической культуре мусульманских народов присутствуют понятия «парламентаризм», «демократия» и, кстати, «социализм» и т.д. Хасан аль-Банна, основатель «Братьев-мусульман», считал, что из всех форм политической организации ближе всего к исламу европейский парламентаризм и демократия.

Один из основоположников исламской реформаторской мысли Джамал-уд-Дин аль-Афгани еще в XIX в. писал, что власть сильного и справедливого правителя должна быть сбалансирована такими институтами, как конституция и парламент, обеспечивающими участие народа в осуществлении «истинной конституционной власти». Чуть позже эту мысль поддержал выдающийся мыс-

литель и богослов Рашид Рида: «Данный подход к ограничению власти правителя рамками общепринятых законов вполне в духе ислама, который ограничивает власть правителя религиозными текстами и разработанными людьми, согласованными друг с другом и принятыми сообща нормами».

Между тем такое направление мысли не получило в XX в. должного развития. «Братья-мусульмане» и сегодня заявляют о признании нормативного требования шариата, выраженного в базовых источниках, о неучастии мусульман в джахилийском (неисламском) правлении. Однако, как отмечает исламовед Марат Ражбадинов, при практическом решении этого вопроса они исходят из соображений политической целесообразности. Его облекают в религиозно-правовую категорию «интереса», т.е. используют положение исламского права о возможности исключения в случае необходимости, ссылаясь на обязанность обеспечения интересов уммы, а также на допустимость предотвращения большего вреда посредством меньшего, защиту мусульман и пр. Так, в пример приводится история пророка Йусуфа (Иосифа), который не считал зазорным быть премьер-министром у фараона; переселение мусульман в Абиссинию (современную Эфиопию) под защиту христианского правителя и участие в боевых действиях на его стороне; а также жизнь и деятельность Мухаммада в Мекке в течение 13 лет под покровительством его неверующего дяди Абу Талиба, защищавшего племянника от враждебной племенной системы.

Проблема в том, что демократия, права человека, социальная справедливость, гуманизм, ценности Великой Французской революции пришли в исламский мир с колонизацией. Все поборники изоляционизма и джихадизма делают упор именно на негативных ассоциациях демократии в массовом сознании мусульман.

Изоляционисты в основном находят поддержку в низших слоях общества. Эти люди считают Запад, погрязший, по их представлению, в пороке и лицемерии и не несущий поэтому ничего хорошего, основным виновником своих бед. В этой связи они не находят ничего иного, как поддержать идею возрождения всемирного халифата средневекового авторитарного и подчеркнута антидемократического типа, в котором все будет устроено в соответствии с шариатом в их понимании и не будет ощущаться никакого чуждого влияния. После этого, как им кажется, жизнь должна будет магическим образом наладиться сама собой. Такого рода настроения господствовали в исламской политической среде в XX в., сегодня же они утрачивают силу.

«Джихадистское» направление, дающее простые ответы на сложнейшие вопросы и не требующее интеллектуального усилия, выступает как разновидность современной контркультуры. Оно представлено в основном молодыми людьми, не видящими для себя перспектив в окружающем мире. «Джихадизм» – это маргинальный бунт безработной и обездоленной молодежи, его приверженцев можно сравнить со скинхедами, футбольными фанатами, панками. Насилие для таких людей – самоцель, а не стратегия, нацеленная на масштабные политические перемены. Главный психологический мотив поведения – месть окружающему миру, и прежде всего – марионеточным режимам мусульманских стран и Западу, за униженность и глухоту к проблемам простых людей. Понятно, что «демократия» для них – почти ругательство.

Но как показывает «арабская весна», все-таки имеется массовый запрос на политику иного, демократического типа. Умеренные исламисты пытаются ответить на этот вызов. Глава Всемирного союза исламских ученых Юсуф аль-Карадави, своего рода гуру массового движения, которое охватило арабский мир, в свое время подвел теологическую шариатско-правовую базу под идейную платформу протестующих. Она причудливо сочетает умеренные формы либерализма, национализма и исламизма с упором на прагматизм и технократизм. Где-то в этом идеологическом салате и скрывается секрет исламской демократии.

Муктедар Хан, вице-президент Ассоциации мусульманских ученых-обществоведов, сотрудник Института Брукинса, считает самым многообещающим результатом «арабской весны» появление «истинно исламской демократии», которая, по его мнению, подобна «всякой другой демократии, за одним лишь исключением – в общественной сфере исламские ценности формируют основу политического консенсуса». Новый президент Египта Мухаммад Мурси, представитель «Братьев-мусульман», постоянно повторяет, что не собирается создавать теократию в западном понимании, так как это, по его словам, на самом деле было бы не по исламу. «Мы говорим о государстве (умме или народе) как источнике власти, таков ислам», – сказал он на недавней встрече с арабскими политологами. «Это огромное отличие от политических группировок прошлого, которые утверждали, что суверенитет в исламском государстве принадлежит не народу, а Богу. Оказалось, что президент Мурси считает народную демократию условием по умолчанию и собирается внедрять исламские принципы только в тех масштабах, в которых позволяют избиратели», – комментирует

слова египетского лидера Муктедар Хан, принявший участие в беседе.

О демократии с любовью

Становление институтов демократии поддерживают сейчас даже те, кого принято считать фундаменталистами. Они полагают, что из всех форм правления в современном мире она наиболее близка к исламу и даже является предтечей исламского государства. В этой связи есть масса работ мыслителей и фетв богословов, в которых отвергается позиция тех, кто осуждает демократию как неисламское явление. В то же время идеолог «Братьев-мусульман» Фахми Хувейди отмечает, что признание исламом демократических ценностей (плюрализм, равенство, участие народа) не означает требование заимствовать те специфические модели и институты, через которые эти ценности реализуются в странах Запада.

То же самое говорится о гражданском обществе и плюрализме. Необходимость этого рассматривается во многих работах и санкционируется соответствующими фетвами ведущих теологов. Известный экспертно-аналитический центр Islam XXI даже выделил тему «Плюрализм и гражданское общество» в отдельное направление исследований. О гражданском обществе и демократии сегодня говорит очень активно и смело в числе прочих Хасан аль-Тураби, бывший долгое время символом радикального исламизма.

Представления о гражданстве в проектируемом исламском государстве все более трансформируются в сторону предоставления больших прав вплоть до полного уравнивания проживающим в нем немусульманам. Если Кутб и Маудуди еще отказывали последним в возможности участия в политической жизни, то сегодня многие, в том числе, например, лидеры палестинского ХАМАС, выступают за предоставление одинаковых прав всем гражданам, ссылаясь на пересмотр раннего подхода к концепции «покровительствуемых» (зимми – немусульмане, проживающие под властью исламского закона). По словам Халеда Машаала, «все сыны единой родины, будь то мусульмане, христиане или иудеи, имеют права и обязанности гражданина».

То же самое касается многопартийности, выборов, политической активности. Доктор Салах Султан, член Европейского совета по фетвам и исследованиям, утверждает: «Для мусульман является даже обязанностью принимать участие в выборах для отстаивания наилучшего курса». Мусульманину следует прини-

мать участие в деятельности той или иной партии, которая работает на общественную пользу, вне зависимости от религии. Данное положение распространяется на мусульманские и немусульманские страны.

Часто в контексте споров о демократии говорят, помимо прочего, о так называемой Мединской конституции – договоре, составленном самим Пророком. Этот документ регулировал отношения единой общины города, в которую входили не только мусульмане, но и иудеи. Позже в эту систему были включены некоторые христианские народы и даже язычники. «Конституция Медины устанавливает плюралистическое государство – общество общин, перед законом которого все равны. Невероятно, насколько демократичными, компромиссными и плюралистическими являются принципы устройства общества, основанного на Священном Коране, в то время как многие современные мусульмане так удалились от этого», – пишет в этой связи Хан.

Выразитель чаяний и запросов молодого поколения Тарик Рамадан написал серию книг, в которых доказывает, что понятия «демократия», «гражданское общество», «права человека», «правовое государство», «плюрализм» и т.д. присущи исламу не меньше, чем Западу. По его словам, исламский мир своим путем приходит к современным формам политической культуры, взращивает их на своей почве. Ближний Восток как бы через другую дверь приходит к тем же ценностям, которые утвердились в Европе в XX в. Под исламской модернизацией, по его словам, сегодня понимается создание эффективной экономики и политической системы, гибкой социально-культурной модели, опирающихся на адекватное современным реалиям и потребностям прочтение фундаментальных источников ислама.

В наше время многим представителям исламского мира удалось преодолеть цивилизационные границы. Все большее число мусульман легко ориентируется в учениях Мухаммада и Маркса, в работах Ибн Халдуна и Канта, Хабермаса и Ахмада Ибн Ханбали, Фуко и Фараби. Именно способность понимать исламское наследие вкупе с конструктивным и критическим участием в западных философских дискурсах является главным источником силы современного мусульманского интеллектуала.

Споры об исламе и демократии, исламе и современности вообще заслуживают самого тщательного анализа. Эти процессы пока слабо изучены. В связи с чем, например, Збигнев Бжезинский в книге «Мировое господство или глобальное лидерство» с тревогой

замечает, что «лишь немногие западные ученые следят за воздействием инновационных и часто весьма смелых споров, меняющих параметры политической дискуссии в исламском мире». Дискуссию о демократии резюмирует Рашид аль-Ганнуши, богослов и лидер правящей ныне в Тунисе партии «Ан-Нахда», в книге «Общественные свободы в исламском государстве». Он отвергает предположение о том, что радикальный секуляризм или же либеральные ценности постмодернизма, касающиеся больше морали, а не политики как таковой, – необходимое условие демократии. Аль-Ганнуши прямо заявляет, что демократия не является идеологией, но всего лишь инструментом для избрания, контроля и смены властей. И что в таком виде она может прекрасно уживаться с исламом.

На практике из этого получается что-то вроде турецкой модели, которая в западной политологии получила название «консервативная демократия». Спор турецких республиканцев в начале XX в. оказался ключевым для развития государства. И богослов Сайид Нурси, и военный Мустафа Кемаль, и политический практик Энвер-паша были сторонниками республики и много сделали для ее становления. Разошлись они в вопросе о месте религии. Как известно, Ататюрк, если и не стремился вообще избавиться от ислама (скорее всего, он понимал, что при всем желании это невозможно), то сделал все для того, чтобы максимально его отодвинуть, в том числе огнем и мечом, на периферию жизни. Другие, напротив, видели духовность и религиозную культуру в основе республики и современного демократического строя.

Только сегодня исламский мир нащупывает механизм, о котором говорили еще 100 и более лет назад. На примере турецкой Партии справедливости и развития мы видим, что вековой спор завершается. В конце концов, Турция, а за ней и многие арабские страны, Малайзия, Индонезия, отчасти Босния, из двух проектов республики – радикал-секуляристского, или, как его называют в Турции, лаицистского, и гражданского мусульманского – выбирает тот, что был предложен ученым и мудрым старцем, а не военным реформатором.

За годы правления Реджепа Тайипа Эрдогана выросло целое поколение, для которого развитие, экономический рост и успехи на международной арене ассоциируются с исламистами-технократами. Турция сейчас соперничает с Китаем и Сингапуром в экономике и серьезно укрепила позиции в мире. Тут и секрет «турецкого исламского чуда», когда такие сложные процессы, связан-

ные с религией и политикой, проходят мирно, без крови и потрясений, как у соседей, и причины крайней слабости экстремистских течений под исламскими лозунгами. Тот же самый процесс формирования общественно-политической системы, адаптировавшей ислам к современности (или наоборот, кому как больше нравится), который сегодня сотрясает арабские страны, идет здесь мягко, эволюционно.

Что ни говори, но значительная часть старой турецкой элиты приняла либерал-исламистов, не разделяя их идей, но интуитивно понимая, куда дует ветер истории. В это же время в Египте, ключевой арабской стране, Хосни Мубарак колебался, пустить ли таких же, как Эрдоган, умеренных исламистов в политику или нет. В конце концов, партия «Васат» не дождалась отмашки главы государства. А пойдись история по-другому, Мубарак, возможно, считался бы сегодня мудрым реформатором, приведшим страну к консервативной мусульманской демократии, а не лежал бы парализованный в клетке, проклинаемый своим народом.

Новый исламский демократический мир

Исламский мир, стагнировавший на протяжении последних 300 лет, сегодня пробуждается, что превращает проблему его самоопределения в один из ключевых вопросов международной безопасности. Наступает время учить арабский. Не зря ЦРУ еще несколько лет назад при приеме на работу в ведомство отдавало предпочтение тем, кто владеет арабским или фарси. Видимо, есть те, кто интуитивно понимает, где реально делается история и что меняет картину человечества на многие годы вперед. Мусульманская цивилизация сегодня как бы задвинута в тень, ее колоссальный вклад в развитие человечества (от алгебры и химии до влияния на европейскую Реформацию и Возрождение) игнорируется и замалчивается. Это «спрятанная в шкаф» цивилизация, о которой всерьез предпочитают не вспоминать. Такая ситуация сложилась в результате как внутренних процессов эрозии, так и прямой иностранной агрессии.

Однако многие мусульманские интеллектуалы считают, что исламская цивилизация готовится воспарить из пепла, как птица Феникс. Пророческими тут кажутся слова Арнольда Тойнби и его заочный спор с Гегелем. Последний предрекал, что исламская цивилизация, исчерпав свой запал, погружается в глубокий многовековой сон. Но уже через несколько десятилетий Тойнби в «По-

стижении истории» был вынужден констатировать не только «бодрствование» исламской цивилизации как таковой, но также и следующее: «В свете предыдущей истории весьма опрометчиво подписывать смертный приговор такому живучему учреждению, каким является халифат... Потенциал его оказался столь велик, что он не только пережил века, но и дважды возродился из небытия».

К сожалению, без крови и потрясений возрождение исламской цивилизации не обходится. Европейские революции середины XIX в. тоже были отнюдь не бархатными, напоминают в этой связи арабские авторы. Некоторые исследователи, конечно, усматривают в обращении к либеральным и демократическим подходам циничный маневр исламистов и вспоминают в связи с этим стратегию коммунистических партий, которые время от времени говорили языком демократии в своих интересах. Но скорее мы имеем дело с новым этапом развития в исламском политическом движении, которое вынуждено реагировать на современные вызовы. Потом надо все-таки понимать, что исламисты бывают разными. Есть турецкая ПСР, «Братья-мусульмане», а есть джихадисты, как есть, скажем, австрийские социал-демократы, французские и испанские социалисты, а есть Пол Пот и колумбийские ФАРК.

Бжезинский считает, что синтез «исламского фундаментализма» и «исламизма» будет способствовать демократизации исламского мира. По его мнению, нет причин абсолютной несовместимости «ислама и демократии». Но при этом он замечает, что задача «переваривания» исламского мира сложнее даже создания трансатлантического сообщества после Второй мировой войны. Евгений Примаков высказывает схожую позицию, выступая за разделение понятий «исламского экстремизма» и «исламского фундаментализма». С последним он связывает перспективу перехода в «исламскую демократию, соседствующую с традиционными ценностями».

Демократия – один из главных камней преткновения, «проклятых вопросов» исламского пробуждения XX–XXI вв. Цивилизация пытается найти путь к своему прочтению современности. Сводить же весь этот колоссальный процесс к частной проблеме радикализма – значит упускать из виду его масштаб. Да, порой бурлящая энергия, особенно молодежи, находит выход в экстремистских формах протеста. Это неадекватный ответ на 300-летнее унижение и упадок цивилизации и своего рода попытка взять ре-

ванш. Но этим дело не ограничивается. За перегибами и издержками подросткового максимализма необходимо разглядеть ключевую тенденцию – стремление исламского мира найти достойное место на планете, соответствующее его потенциалу и вкладу в развитие всего человечества.

*«Россия в глобальной политике»,
М., 2012 г., т. 10, № 6, ноябрь-декабрь, с. 43–54.*

**РОССИЯ
И
МУСУЛЬМАНСКИЙ МИР
2013 – 6 (252)**

Научно-информационный бюллетень

Содержит материалы по текущим политическим,
социальным и религиозным вопросам
Художественный редактор Т.П. Солдатова
Компьютерная графика
Н.М. Власова, Е.Е. Мамаева

Гигиеническое заключение
№ 77.99.6.953.П.5008.8.99 от 23.08.1999 г.
Подписано к печати 2/VI-2013 г. Формат 60x84/16
Бум. офсетная № 1. Печать офсетная. Свободная цена
Усл. печ. л. 11,0 Уч.-изд. л. 10,5
Тираж 300 экз. Заказ № 88

**Институт научной информации
по общественным наукам РАН,
Нахимовский проспект, д. 51/21,
Москва, В-418, ГСП-7, 117997**

**Отдел маркетинга и распространения
информационных изданий
Тел. Факс (499) 120-4514
E-mail: inion@bk.ru**

**E-mail: ani-2000@list.ru
(по вопросам распространения изданий)**

Отпечатано в ИНИОН РАН
Нахимовский пр-кт, д. 51/21
Москва В-418, ГСП-7, 117997
042(02)9